

РЕЧЬ



1984

14

Вече

Независимый русский альманах

14

Четвертый год издания

Редактируют: Евгений Вагин и Олег Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ

© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1984

München

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	
О русском национализме	5
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ	
Еп. Григорий. Измена православию	13
ПРОБЛЕМЫ АРМИИ	
Т. Савченко. Советские офицеры	33
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Ю. Ветохин. Четыре года спустя	67
ВОЕННЫЕ СУДЬБЫ	
М Мондич. Штрафной батальон	91
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	
П. П. Мейер. Записки в связи с государственным переворотом 27 февраля – 5 марта 1917 г.	141
ЛАГЕРНАЯ ПОЭЗИЯ	
Стихи Валентина З/К	163
Трибуна «ВЕЧЕ»	
О. П. Анна Ахматова и люди с трехслойной душой	179
Н. А. Нефедов. Политические шулера	185
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС	
Г. Фетисов. Россия и Азия	195
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ	
В. Х. Нехорошая болезнь	202
От Редакции	208
Людмила Келер. И один в поле воин...	210
ДЕЛА РЕДАКЦИОННЫЕ	217
Обращение к участникам VI национального съезда Конгреса Русских Американцев	220

О РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

Вопрос о „русском национализме“ становится все более злободневным, как в плане политическом, так и в духовной перспективе, как для всех русских – на родине и в рассеянии сущих, так и для людей Запада, обеспокоенных судьбами нашего разделенного мира.

Перемены на кремлевских верхах не принесли никаких существенных изменений ни во внешней, ни во внутренней политике советского руководства. Наоборот, отмечается определенный возврат к брежневскому „иммобилизму“, что свидетельствует о старческом бессилии одряхлевшего аппарата власти, полной невозможности проведения в настоящих условиях эффективных реформ.

Вместе с тем создается порой впечатление, что радикальных изменений в Советском Союзе опасаются не только партийные верхи, но и руководители западной политики, творцы мирового общественного мнения. Сколько переполоху наделало столь неудачно закончившееся „простудное заболевание“ Андропова и как напугали толки о возможном **русском** (!) преемнике генсека! Действительно ли опытные дипломаты и политологи свободного мира верят в возможность поворота советской политики в национальном русском направлении? Во всяком случае, судя по всему, такой поворот считают нежелательным. Духовное выздоровление России, возвращение её на исторические национальные пути признается серьезной опасностью.

Укрепляют Запад в этом убеждении вчерашние советские интеллектуалы, наиболее видные представители т.н. „третьей волны“. Оказавшись в эмиграции (так и не добравшись до своей исторической родины), вроде бы пострадав перед этим от коммунистического режима, они не столько обличают зло коммунизма, сколько сводят счеты с Россией, злобно поносят все русское. Это они усиленно пугают в последнее время „дальнейшей, после коммунизма, „Русской Утопией“, пресловутой „Русской партией“, предупреждают об угрозе „православного фашизма“ и „русского нацизма“.

Но если даже именовать проекты национального возрождения в России „русской утопией“ – почему непременно представлять это в зловещем свете? Утопичность, как свойство русского мышления, не раз отмечалась многими исследователями, как отечественными, так и европейскими, и до сих пор никто не видел в этом ничего зазорного. Можно называть, при желании, „русской утопией“ мечты о всеобщем братстве Гоголя, Достоевского, Н.Федорова – но что же здесь опасного?

На страницах «Вече» не раз уже писалось о нашем отношении к выдуманной недавно „русской партии“. И вот – голос из России, письмо опубликованное в «Русской Мысли» (3.5.84), в котором говорится:

„Смешно и нелепо, по меньшей мере, измышлять какую-то „русскую партию“. Партия в СССР одна, и она всегда рассматривала Россию как объект социального эксперимента. Такая роль, очевидно, не может устраивать ни один народ, в том числе русский“.

Что касается так называемого „русского нацизма“, который объявляют опасностью номер один (для мира? – но свободный мир до сих пор пугает себя призраком **немецкого** нацизма; для России? – но почему это так волнует урожденных русофобов, живущих теперь за её пределами?) – об этом замечательно точно высказалась редакция «Вестника РХД» (см. № 141, 1984), с которой мы в данном случае всецело солидаризируемся.:

„В настоящее время, вот уже скоро три четверти века, существует интернациональный коммунистический режим, в создании и укреплении которого участвовали все народности бывшей российской империи, уже не говоря об интернационалистах других стран. Превращать его в „русский нацизм“ – это, во-первых, отрицать социалистическую сущность советского режима, во-вторых, перекладывать всю ответственность за него на русских, в-третьих, считать, что его жертвами были, повидимому, одни евреи. Первое – исторически и фактически несостоятельно, второе и третье – не только несостоятельно, но и политически, и нравственно порочно, так как ведет к разжиганию ненависти к русскому народу, принявшему на себя первый и самый сокрушительный удар от социалистического эксперимента.“

Справедливость требует отметить, что далеко не все покинувшие в последнее время Советский Союз пышат лютой злобой к России и русскому народу. А. Зиновьев, со многими мнениями которого мы не раз выражали резкое несогласие, в одном из последних номеров журнала «Энкаунтер» сделал ряд заявлений, скандализовавших его интервьюера. Отрадно было услышать от этого писателя слова боли о русском народе и надежды на его нравственное воскресение. Позиция А. Зиновьева и сейчас представляется нам внутренне противоречивой, но в одном он очень последователен – в защите прав русского народа, больше всех пострадавшего от интернационального коммунизма и только теперь начинающего медленно выпрямляться и занимать законно принадлежащие ему места в хозяйственной и культурной жизни страны.

Известна любовь А. Зиновьева к парадоксам. Но в названном интервью он оперирует не только парадоксами, но и фактами. Он считает лишенным серьезных оснований широко распространенный тезис о „русификации“ национальных республик в СССР. „Напротив – одной из самых характерных особенностей Октябрьской революции была колонизация **России** и русского народа“ – подчеркивает писатель.

Он говорит о том, что „перед войной фактически все профессорские кафедры в Москве, Ленинграде и главных провинциальных городах были в руках ученых-евреев, и Академия Наук также почти исключительно была еврейской (при том, что евреи составляли всего лишь около 1% населения Советского Союза)... Ныне в Академии Наук СССР только около 10% академиков – русские, тогда как русские составляют половину населения СССР. То же самое в ЦК, КГБ, Армии и т.д.“ Напоминает Зиновьев и о том, что в каждой национальной республике есть своя Академия Наук, и не существует только Русской Академии Наук.

А. Зиновьев утверждает – и это утверждение особенно важно и злободневно – что советские руководители всегда боялись и боятся русского народа. Как боялся в свое время Сталин возможности образования национального русского правительства (см. известную книгу Штрик-Штрикфельда о Власовском движении). Он напоминает, что сразу после революции было уничтожено добрых три миллиона русской интеллигенции. Затем в коллективизацию 1928-32 годов погибло около 15 миллионов русских крестьян, составлявших основу русской нации. А после войны лагеря наполнились русскими офицерами и солдатами...

Но всякий раз, когда русские пытаются заговорить **своим** голосом – поднимается крик о „национализме“, „шовинизме“, даже – „фашизме“.

Справедливость этого последнего заявления А. Зиновьева обильно подтверждается материалами русскоязычной прессы...

Его актуальность подкрепляется словами цитированного выше Письма из России: „Как-то за благородными правами человека, и ныне необходимыми как воздух, забывали мы до времени, что в неразрывности с ними должны стоять **исторически более значимые – права народа** (выделено нами – ред.). Это – право народа на историческое бытие, право на сохранение самого себя, т.е. своей национальной самобытности, своего духовного

облика, своего физического здоровья. Таким правом обладает каждый народ, большой и малый, – общеизвестно, – но вопреки известному, право это не признается за русским народом.“

Уместно здесь напомнить, что это – почти дословное повторение того, о чем впервые начал говорить в своем «Вече» Владимир Осипов более 10 лет тому назад, за что он был вторично осужден на восемь лет лагерей. Об этом постоянно твердил в своей публицистике, художественной прозе и стихах Леонид Бородин – осужденный год назад на пятнадцать лет лагерей (вторично). Об этом говорят с большим гражданским мужеством в своих выступлениях и художественных произведениях „деревенщики“ и не за это ли был зверски избит „неизвестными хулиганами“ Валентин Распутин?

Процесс пробуждения русского национального самосознания становится в последние годы объектом пристальных исследований на Западе, что само по себе свидетельствует о крайней злободневности этой темы и значении, которое ей придается не только в академических кругах.

В начале этого года в издательстве Принстонского университета (один из главных издательских центров США) вышла в свет книга проф. Джона Дэнлопа „Лики современного русского национализма“. Несомненно, она представляет собой серьезный научный вклад в изучение явления, которое для многих на Западе остается непонятным – что и рождает подчас тревогу и неоправданные опасения со стороны политиков. Один из лучших на сегодняшний день знатоков русской национальной проблематики в разнообразных её аспектах – от строго религиозного до литературного и идеологического – Дж. Дэнлоп дает в своей книге сжатую, но достаточно полную картину „русского национального движения“ в двух планах – „диссидентском“ и официальном. Подробно описываются наиболее показательные „манифестации“ этого направления мысли и общественно-культурной деятельности в последние два десятилетия (ВСХСОН и «Вече»,

„Молодая Гвардия“ и „дело Глазунова“, Всероссийское Общество охраны памятников истории и культуры и проза „деревенщиков“, о. Дмитрий Дудко и Христианский Комитет защиты прав верующих и т.п.)

Особенного внимания заслуживает заключительная глава книги – „Теоретические соображения и политические рекомендации“. Задавшись вопросом: „Является ли русский национализм действительно национализмом?“, автор приходит к выводу, что наиболее адекватный способ описания нынешнего состояния – **“возрождение, которое становится движением”** (р. 279).

Отметив, что проф. Р. Пайпс и его коллеги вправе выражать свои мнения об историческом развитии России и её будущей эволюции, проф. Дэнлоп предупреждает: „Однако, если их интерпретации станут точкой зрения правительства Соединенных Штатов, или будут восприниматься как таковые, не нужно будет удивляться усилению враждебности со стороны русских националистов.“ И вслед за этим автор этой знаменательной книги выражает свое убеждение, что Запад должен поддерживать и помогать, словом и делом, той влиятельной и, возможно, доминирующей тенденции, которую вслед за А. Солженицыным, он называет „русским национальным и религиозным возрождением“ (см. pp. 284, 285).

Не питая особых иллюзий, не рассчитывая нисколько на помощь и поддержку Запада, нельзя все же не выразить благодарность тем западным специалистам, которые честно стремятся разобраться в нашей духовной и идейной позиции, доказательно указывают на принципиальную важность темы „русского национализма“ в социо-экономическом и политико-идеологическом контексте нынешнего СССР.

Пора понять, что никакие глубинные изменения в современном мире невозможны при сохранении статус кво в Советском Союзе. Но теперешнее состояние не может длиться бесконечно: физическая немощь правителей делает неизбежной очередную перемену декораций, а с приходом новых людей возникнет и новая надежда. Эта

надежда может стать обоснованной, если среди грядущих лидеров найдутся личности, которым дороги интересы России и русского народа в первую очередь, а не параноидальный бред коммунистической идеологии.

Конечно, труднее всего ожидать появления национально мыслящих умов среди высшей партийной элиты. Как знать, не будет ли грядущая радикальная перемена у нас на родине **революцией менеджеров** (управляющих) – русского происхождения?

Не забудем и армию, где также крепнут „националистические“ настроения (как видно из материала, помещенного в этом выпуске «Вече»). Организованная русская сила могла бы много сделать для наведения порядка у себя на родине – это много нужнее участия в позорных авантюрах „на стороне“.

И остается Церковь – наша главная надежда, духовный фундамент всех будущих преобразований в свободной России. Здесь русский элемент силен традиционно, и здесь он наиболее очищен от всех опасных посторонних примесей. Русская Православная Церковь и должна была бы дать духовную закваску **здоровому** русскому национализму, на который мы могли бы смело опираться в чаянии грядущих перемен.

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VECHE"

P. O. Box 68

Flushing St.

New York, N. Y. 11379

Tel. (212) 651-5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

† **Епископ Григорий**

ИЗМЕНА ПРАВОСЛАВИЮ*

(ПРОБЛЕМА КАЛЕНДАРЯ)

Переход Американской Митрополии на новый календарь, который там называют „исправленным Юлианским“ (хотя на самом деле он является Григорианским) с попыткой приспособить его к православной пасхалии, невольно вызывает интерес к этому вопросу. Он тем более значителен, что некоторые приходы Митрополии, желая оставаться верными Церковному Преданию без модернизма – просоединились к Русской Православной Церкви Заграницей.

Возникла полемика по существу реформы, относительно которой представители Православной Церкви в Америке стараются доказать, что это есть переход к более совершенному летосчислению. Пишут об этом люди, которые знают только то, что они хотят проводить церковные праздники (особенно Рождество) одновременно с католиками и протестантами. Не было пока напечатано у них ни одной статьи, написанной ученым-астрономом с действительным знанием дела.

Интересно, что с неожиданной стороны появился такой труд специалиста, который оказался на стороне Юлианского календаря. В «Сборнике Академии Наук СССР»

* Статья Епископа Вашингтонского и Флоридского Григория была напечатана в «Православном Обозрении» (апрель 1984 г.).

„Контекст – 1978“ напечатано чрезвычайно интересное исследование А.Н.Зелинского под заглавием „Конструктивные принципы древнерусского календаря“. Статья эта занимает 45 страниц и изобилует многочисленными ссылками на разные источники.

Мы не будем приводить всей ученой аргументации автора, а дадим только выдержки из его труда, преимущественно его заключения. Надо при этом заметить, что работа его отличается исключительной добросовестностью. Поскольку она в большой мере сосредоточена на пасхалии, автор изучил и связанную с нею церковно-богословскую литературу в самом широком диапазоне.

После краткой истории выработки и развития разных календарных систем в древнем мире, особенно в Египте, автор перешел к системе, вошедшей в жизнь под именем Юлианского календаря. Первый Вселенский Собор положил ее в основу церковного Юлианского календаря и пасхалии. Таким образом, отказ от этого календаря есть неканоническое нарушение решения Первого Вселенского Собора, о чем мы подробно скажем ниже. Работа А.Зелинского показывает, какие трудности обнаруживаются в согласовании остального церковно-богослужебного года с пасхалией при употреблении Григорианского календаря. А.Зелинский пишет:

„...собственно Юлианский календарь просуществовал недолго – от реформы своего основателя (46 г. до нашей эры) и до Никейского собора, созванного Константином Великим в 325 г. н.э. После этого знаменитого собора, выработавшего (в числе важнейших догматических установлений) единые правила вычисления Пасхи и единую эру от „Сотворения Мира“ для всех христиан, календарь Юлия Цезаря превратился в церковный Юлианский календарь, и в таком усложненном виде более тысячелетия служил в качестве универсального календаря всего христианского Средневековья.

По сути дела, церковный Юлианский календарь и был тем Великим индиктионом или Миротворным кругом, которому посвящена настоящая работа.

С астрономической точки зрения суть никейской реформы календаря заключалась в том, что в юлианскую систему времячисления, строго ориентированную по Солнцу (т.е. исходящую из средней величины солнечного года в 365,25 дней), было введено „лунное течение“, т.е. движение Луны со сменой ее фаз. Последнее было вызвано необходимостью точной фиксации главного христианского праздника Пасхи и связанных с нею переходящих двенадцатых праздников. Но Пасха христиан в свою очередь исторически зависела от ветхозаветной иудейской Пасхи, которая со времен Моисея праздновалась евреями только в полнолуние. Вот откуда возникла необходимость в церковном календаре христиан соединить ритм Луны с ритмом Солнца. В своем реформированном виде церковный Юлианский календарь не только выполнил эту задачу, отвечающую требованиям церковного богослужения, но и положил предел спорам между Римом, Константинополем и другими церквями по поводу того, когда же именно следует праздновать новозаветную Пасху и какими правилами надо для этого руководствоваться.“ (Стр. 67-68).

А.Зелинский подробно объясняет всю сложность задачи, стоявшей перед отцами Первого Вселенского Собора. Он определяет ее как нахождение способа связать ритм Луны с ритмом Солнца и „при этом выразить эту связь в таких математических величинах, которые могли бы лечь в основу лунно-солнечного календаря, – именно так можно сформулировать эту задачу древних“. (Стр. 68).

Высказав ряд общих календарно-астрономических соображений, А.Зелинский приходит к определенному выводу:

„...христиане пасхалисты, следуя евангельской традиции и последовательности событий, связанных с последней неделей жизни Иисуса Христа, совершенно сознательно стремились к тому, чтобы новозаветная Пасха, с одной стороны сохранила свою историческую связь с Пасхой ветхозаветной, а с другой – была бы полностью

независима от нее. Данное обстоятельство было для них столь важно, что христианская Пасха стала из-за этого подвижным праздником, т.к. в противном случае указанных условий нельзя было соблюсти. В этом смысле метано-созигеновский цикл оказался для них идеальным инструментом. Основанный на нем календарно-астрономический механизм христианской пасхалии, как мы могли убедиться, совершенно независим от механизма пасхалии еврейской.

Конечно, никто не станет оспаривать, что с точки зрения соответствия астрономическим полнолуниям ветхозаветная Пасха не оставляет желать ничего лучшего. Но христианские пасхалисты, вероятно, прекрасно отдавали себе отчет в том, что придерживаться так называемой астрономической точности в календарном деле – вещь совершенно невыполнимая и ненужная одновременно. В самом деле, та точность в отношении полнолуний, которой отличается еврейская Пасха, таит в себе неточность в отношении Солнца (которая дает себя знать в раз- мере одних суток за 210 лет), поскольку средняя длина еврейского года, построенного по циклу Гиппарха, превышет его тропическую величину (365 град. 5 час. 48 мин. 46 сек.).

Таким образом, если условные (символические) даты 14 нисана христианской пасхалии опережают равноденствие со скоростью одних суток за 128 лет, то реальные (астрономические) значения 14 нисана еврейской пасхалии опережают равноденствие со скоростью 210 лет. Последнее происходит оттого, что в календарно-астрономическом плане движение Луны невозможно соединить с движением Солнца, невозможно длину лунного месяца совместить с продолжительностью солнечного года. В этом смысле любой лунно-солнечный календарь да и любой календарь вообще, не будет абсолютно точным, поскольку понятие „точность“ здесь вещь весьма относительная. Поэтому, применительно к календарному делу речь может идти не о какой-то абстрактной „астрономической точности“, а о некоторых средних значениях, выводимых

из строгих ритмических соотношений слагаемых, ибо любое нарушение календарного ритма – это нарушение не только исторической или календарно-астрономической хронологии – это нарушение жизни вообще. Ритмические календарные соотношения цикличны в своей основе, будь то движение Луны, Солнца или совмещение обоих. Поэтому любая попытка закрепить в календаре что-то „навечно“ обречена в конечном счёте на неудачу.“ (Стр. 84-85).

А. Зелинский считает, что григорианская реформа как раз и была проведена в стремлении закрепить „навечно“ то, что в календаре совершенно невозможно. Признавая, что астрономическая точность в Григорианском календаре превышает точность Юлианского, Зелинский пишет, что „ошибка все равно есть, и она будет нарастать со временем“. Однако, Зелинский видит большое преимущество Юлианского календаря перед Григорианским в том, что у него период из целого числа дней короче. В Юлианском календаре такой период составляет 4 года, в то время как в Григорианском 400 лет.

„Если мы вспомним, – пишет Зелинский, – что сущность любого календарного периода заключается в минимальном отрезке из целого числа дней, по истечении которого погашается некоторая ошибка против принятой средней длины года, то с этой точки зрения григориане усложнили календарь, введя в мировую хронологию календарный период такой огромной продолжительности. Помимо этого, средняя длина григорианского столетия (из-за введения високосных веков) оказалась равной дробному числу дней (3624,25 дней), что уже само по себе выглядит достаточно странно с точки зрения элементарной хронологии.“ (Стр. 86-87).

А.Зелинский видит одну из причин Григорианской реформы в заботе Папы о возвращении даты весеннего равноденствия к дате Первого Вселенского Собора. Постепенное опережение Юлианским календарем весеннего равноденствия вызывало тревогу, что Пасха, как весенний праздник, постепенно сдвинется к лету и возникнет

угроза, что нарушится ее традиционное весеннее положение в году.

„Поскольку весеннее равноденствие ко времени григорианской реформы падало уже не на 21 марта, а на 11 марта, то для того, чтобы вернуть его на прежнее место, и было добавлено 10 дней“, – пишет Зелинский. (Стр. 87).

„Но, – продолжает он, – исправляя то, что казалось ему нарушением церковных канонов празднования Пасхи, Рим как раз и нарушил один из основных канонов главного христианского праздника. Так, первое правило Антиохийского собора гласит: „Аще же кто из предстоятелей церкви, епископ или пресвитер, или диакон, после сего определения дерзнет к развращению людей и к возмущению церковей особиться и вместе с иудеями совершати Пасху, такового святыи Собор осуждает быть чуждым церкви“. Это решение Антиохийского собора повторяется и в „Никоновской кормчей“. Само собой разумеется, что в этом правиле не надо усматривать никакой антииудейской направленности. Речь шла просто о том, чтобы сохранить именно ту последовательность событий, которая изложена евангельской историей и закреплена христианской традицией. Суть же этой последовательности заключается в том, что распятие Христа произошло в канун иудейской Пасхи (14 нисана), а воскресение – на другой день после нее (16 нисана). Масштабы времени небольшие, но масштабы событий (для традиционной христианской истории) таковы, что не могут меняться местами.“ (Стр. 87-88).

А.Зелинский отмечает, что по причинам чисто астрономического характера, в средние века бывали случаи, когда иудейская Пасха совпадала с Пасхой западных христиан, но до реформы никогда не случалось, чтобы Пасха христиан наступала прежде еврейской. Он объясняет почему это невозможно:

„Уже ранние христиане отдавали себе ясный отчет в том, что в мистико-символическом плане новозаветная Пасха означает замену ветхозаветного жертвоприношения агнца искупительной жертвой Иисуса Христа, Который

предстанет в ней как „Агнец Божий“, который берет на себя грех мира“ (Ин. 1,29)

Поэтому, с традиционной точки зрения менять время от времени последовательность этих событий в ежегодном памятовании о них (т.е. праздновать Пасху до наступления дня распятия по иудейскому календарю – Е.Г.) значит вольно или невольно исказить их смысл. Остается в какой-то мере загадкой, почему же католическая церковь все же пошла на это?“ (Стр. 88-89).

А.Зелинский замечает, что за одно столетие (1851 по 1950) католическая Пасха пятнадцать раз наступала прежде еврейской. По приведенной им цитате из буллы Папы Григория XII „Inter Gravissimas“ от 24 февраля 1582 г. видно, что Папа надеялся „не только восстановить равноденствие на издревле назначенном ему месте, от которого со времени Никейского собора оно отступило на 10 дней приблизительно, и XIV Луне вернуть ее место, от которого оно в настоящее время на четыре или пять дней отходит, но и установить также способ и правила, которыми будет достигнуто, чтобы в будущем равноденствие и XIV Луна со своих мест никогда не сдвигалась“.

А. Зелинский по этому поводу замечает:

„Таким образом, налицо были намерения внести радикальные улучшения в христианский календарь, который действовал к тому времени уже свыше 1000 лет. И забыта была, кажется, только одна простая истина, а именно то, что в календаре ничего нельзя закрепить „навечно“, что категория „вечности“ если и может относиться к чему-нибудь, то только не к календарно-астрономическим величинам, которые суть время, а следовательно – изменение.

Несмотря на то, что точность Григорианского календаря в отношении величины тропического солнечного года довольно высока, она все равно дает ошибку, равную одним суткам за 3280 лет... Что же касается Луны, то ошибка здесь неизмеримо больше: почти так же как и в еврейском календаре, примерно за каждые 210 лет астрономические пасхальные полнолуния католиков будут ухо-

дить вперед от равноденствия на одни сутки. Не трудно представить себе, что спустя 1000 лет, те полнолуния четырнадцатой Луны, которые считались первыми после равноденствия, окажутся вторыми, т.е. опять нарушится правило Никейского собора в том его буквальном понимании, которое было придано ему григорианской реформой.

О чем это свидетельствует? Только об одном: о невозможности достичь того, о чем мечтал Папа Григорий XIII, т.е. о том, „чтобы в будущем равноденствие и XIV Луна со своих мест никогда не сдвигались“. Отдавали ли себе отчет в этих простых выводах составители григорианской реформы? Надо думать, что да, но суть дела не менялась, поскольку они находились во власти целого комплекса культурно-исторических и социально-психологических причин, подготовивших то, что мы называем эпохой „Нового времени“. (Стр. 90).

Здесь автор, очевидно, имеет в виду узко-конфессиональные интересы католичества в борьбе с Восточно-православной Церковью.

В то время как вырабатывался Григорианский календарь, составлялся и несогласный с ним трактат ученого Жозефа Скалингера, напечатанный в 1583 г. под заглавием «Новый труд по улучшению счета времени». Он настаивал, что только Юлианская календарно-хронологическая система может обеспечить непрерывный счет дней в мировой хронологии, ибо счет по ней можно вести непрерывно и последовательно в течении всего периода, начиная с любой условной начальной даты.

„Именно потому, – пишет Зелинский, – счисление юлианскими днями лежит в основе всех хронологических и астрономических расчетов, независимо от того, направлены ли они в прошлое, или в будущее. Солнечные и лунные затмения, максимумы и минимумы переменных звезд и многие другие астрономические явления можно выразить определенным положительным числом солнечных суток только при счете юлианскими днями.“ (Стр. 90).

„Юлианский период Скалингера получил не меньшее значение в мировой исторической хронологии, так как дал возможность связать различные календарные даты, выразив их через юлианские дни. Вряд ли нужно подчеркивать, что всеми своими достоинствами указанный период обязан своему древнему прототипу – Великому миротворному кругу Никейской пасхалии. В этом смысле парадоксальным остается факт, что тот самый период, без которого не может обходиться астрономия и хронология наших дней, был признан папой Григорием XIII непригодным для календаря.

Поэтому не следует удивляться тому, что в самом конце прошлого века при обсуждении возможности и целесообразности перехода России на Григорианский стиль, один из образованнейших людей своего времени В.В.Болотов (Доктор церковной истории, профессор Петербургской Духовной Академии, 1854-1900 гг.), принимавший участие в Комиссии по вопросу о реформе календаря в России, так высказался по этому поводу: „Сам я отмену юлианского стиля в России нахожу отнюдь нежелательною. Я по-прежнему остаюсь решительным почитателем календаря Юлианского. Его чрезвычайная простота составляет его научное преимущество перед всякими другими календарными исправлениями. Думаю, что культурная миссия России по этому вопросу состоит в том, чтобы еще несколько столетий удержать Юлианский календарь и через то облегчить для западных народов возвращение от не нужной никому григорианской реформы к неиспорченному старому стилю“. (Стр. 106).

Вместе с Болотовым, при обсуждении возможности календарной реформы, решительным сторонником Юлианского календаря выступил и другой великий русский ученый мирового масштаба – Менделеев. Таков же был взгляд и великого астронома Коперника, отказавшегося принимать участие в подготовке Григорианской реформы, которая вырабатывалась уже на Лютеранском соборе 1514 г.

Интересен также отзыв известного астронома, действительного члена Русского Астрономического Общества Е.А.Предтеченского, которого тоже цитирует Зелинский. Отдавая дань первым составителям индиктиона, он писал:

„Этот коллективный труд, по всей вероятности многих неизвестных авторов, выполнен так, что до сих пор остается непревзойденным. Позднейшая римская пасхалия, принятая теперь западной церковью, является по сравнению с александрийской до такой степени тяжелоизвестною и неуклюжею, что напоминает лубочную картинку рядом с художественным изображением того же предмета. При всем том, эта страшно сложная и неуклюжая машина не достигает еще и предположенной цели.“ (Стр. 99-100).

Мы читали разные работы, посвященные календарному стилю и, надо сказать, что ни одна из них не может сравниться с исследованием Зелинского ни по научному обоснованию, ни по ясности изложения. Работа его замечательна и тем, что в ней проявляется глубокое понимание связанных с календарем и пасхалией церковных материалов и соображений. Мы дали лишь очень краткое ее изложение, опуская очень много, особенно из научного астрономического материала, мало доступного для читателей без специальной подготовки. Даже в нашем изложении, читатель увидит, что вопреки уверениям модернистов, Григорианский календарь не является прогрессом в области науки, а напротив, от лучшего ведет людей к худшему и ради этого худшего вносит разделение.

Впрочем, надо иметь в виду, что астрономическая сторона дела имеет отнюдь не главное значение. Кто из наших прихожан и духовенства имеет большие знания в специальной области астрономии? Не только из-за астрономической точности мы придерживаемся Юлианского календаря. Гораздо важнее богослужебная и даже догматическая сторона этого дела. Именно она задевает христианское сознание и совесть верующих.

Никейские отцы, поставившие на твердую почву календарь в применении к богослужебной жизни Церкви, как это видно из замечательного труда А.Зелинского, несомненно были умудрены Духом Святым. Их богодуховный труд вошел в церковное предание. Тысячу лет он соблюдался и Римской Церковью, до постепенного уклонения ее от Православия. Утрата его сказалась и на желании изменить календарь.

Между тем, св. Василий Великий в 87 и 91 правилах объясняет, что хранение предания и древнего обычая имеет такое же значение как и хранение писанного догмата. По его 91 правилу – „из сохранных в Церкви догматов и проповеданий, некоторые мы имеем от письменного наставления, а некоторые прияли от Апостольского предания, по преемству в тайне. И те и другие имеют едину и ту же силу для благочестия. И сему не воспрекословит никто, хотя мало сведущий в установлениях церковных. Ибо аще предприимем отвергати неписанные обычаи, аки не великую имеющие силу, то непременно повредим Евангелию в главных предметах, или паче сократим проповедь в единое имя без самые вещи“.

Знаменитый канонист Еп. Никодим Милаш в толковании 87 правила св. Василия Великого, пишет: „Относительно обычая Василий Великий говорит, что первое и самое важное в подобного рода вопросах – иметь в виду обычай, ибо обычай имеет силу Закона. Обычай всегда в Церкви имел одинаковое значение с законом, если только имел Церковью оправданное основание и если освящен древностью употребления.“

Юлианский календарь с пасхалией был принят Первым Никейским Собором и освящен употреблением в Церкви более тысячелетия. Поэтому отказ от него или нарушение его является уже нарушением догмата о Церкви. Понятно, что православная совесть с этим не мирится.

Под влиянием духа модернизма, теперь очень легко смотрят на древние определения, сделанные от лица всей Православной Церкви. По выражению 7 правила VII Вселенского Собора „грехам предворяющим и другие грехи

последуют“. Именно этим духом и можно объяснить то, что определение Вселенского Собора и почти двух-тысячелетний обычай всей Церкви в отношении календаря стали после 1920 г. пересматриваться отдельными Церквями, не считавшимися с Церквями, оставшимися верными Преданию. Переходом на новый календарь – тем более, что это совершалось даже не всюю полнотою Церкви – нарушалось то самое, что лежало в основе Никейского определения о пасхалии. Ведь, как мы уже упомянули, Первый Вселенский Собор ставил целью именно то, чтобы вся Церковь одновременно **едиными усты и единым сердцем** праздновала Св. Пасху и все прочие праздники. Никейский Собор не столько был озабочен астрономической точностью (хотя и старался по возможности соблюсти ее), сколько единством молитвенной жизни всех поместных Церквей.

Как известно, деяния Первого Вселенского Собора письменно не сохранились, но о них подробно написал св. Император Константин:

„...Здесь также было исследовано и касательно святейшего дня Пасхи, и общим мнением признано за благо всем христианам, в какой бы стране они ни жили, совершать спасительный праздник святейшей Пасхи в один и тот же день. Ибо, что может быть прекраснее и торжественнее, когда праздник, вселяющий в нас надежду бессмертия, совершается всеми неизменно, по одному чину и установленным порядком? Прежде всего показалось неприличным совершать сей святейший праздник вместе с иудеями, которые, осквернив свои руки беззаконным делом, справедливо поражены, как нечистые, душевною слепотою...

Нам указан Спасителем иной путь; нашему священнейшему богопочитанию приличествует свой порядок времени и свой закон... А если бы все это и не было вам предложено, то ваше благоразумие само должно всячески заботиться, чтобы чистые наши души ни в чем не общались и не сходились с обычаями людей самых негодных. Кроме того, следует также сообразить, что раз-

ногласие в таком деле и касательно такого важного праздника веры, крайне не согласно с благочестием... Размыслите сами по вашей святости, как не хорошо и несообразно то, что в известное время одни соблюдают посты, а другие совершают пиры и притом после дней Пасхи, одни проводят время в праздновании и покое, а другие держат установленные посты. Поэтому Божественный Промысел благоволил, чтобы это было надлежащим образом исправлено и подведено под одно правило... Коротко сказать: по общему суду всех постановлено, - святейший праздник Пасхи совершать всем в один и тот же день. Не пристойно быть разногласию в отношении к столь священному предмету, и лучше следовать такому постановлению, в котором нет никакой примеси чуждого заблуждения и греха. Устроенное по боговдохновенному рассуждению стольких святых епископов с радостью примите, как высший дар и как поистине Божественную заповедь: ибо все, что постановлено на святых соборах епископов, должно быть приписано Божественной воле. Итак, объявив постановления собора всем возлюбленным братьям нашим, вы должны принять и привести в действие как то, о чем было говорено прежде, т.е. упомянутый образ вселенской веры, так и соблюдение святейшего дня Пасхи..."

Собор в Константинополе 20 ноября 1583 г. в ответ на предложение Рима о принятии нового календаря издал определение, в котором предавались анафеме все римско-католические новшества. Седьмой пункт этого определения относится к календарю. Он гласит:

„Кто не следует обычаям Церкви и тому, как приказали Семь Святых Вселенских Соборов о Святой Пасхе и месяцеслове и добре законоположили нам следовать, а желает следовать Григорианской пасхалии и месяцеслову, тот, как безбожные астрономы противодействует всем определениям святых Соборов и хочет им изменить и ослабить, да будет анафема, отлучен от Церкви Христовой и собрания верных.“

Спрашивается, если вся Православная Церковь так веровала в 325 г. и повторила это в 1583 г. и вновь через 10 лет в лице четырех Патриархов, представителя Русской Церкви и многих епископов, – то что же изменилось с тех пор? Разве потеряло свое значение то единство Православной веры и церковной молитвы, ради которых трудились Отцы Первого и последующих Вселенских Соборов? Они заботились о том, чтобы весь православный мир одновременно отмечал праздники. Между тем, в двадцатых годах нашего столетия поместные Церкви, начиная с Греческой, стали вводить новый календарь, не заботясь о том, что их братья в других Церквях (Иерусалимской, Русской, Сербской и тогда еще Болгарской) продолжают хранить древний порядок.

Нельзя к тому же не обратить внимания на то, что самое введение Григорианского календаря проводилось совершенно неканоническим путем и неправдиво, с целью совсем противоположной определением Первого Вселенского Собора.

Все началось с того, что в феврале 1923 г. в Греческом Королевстве для гражданской жизни ввели Григорианский календарь, но при этом было объявлено, что в Церкви остается в силе Юлианский календарь. Между тем, вслед за этим Архиепископом Афинским был избран Хризостом Пападопулос. Он заявил на Соборе, что надо переменить церковный календарь так, чтобы он был одинаков с гражданским. Собор признал, однако, что сперва надо посоветоваться с другими автокефальными Церквями, особенно с Константинопольской.

Вторично созванный в декабре того же года Собор постановил, что в виду смущения в простом народе от наличия двух календарей одновременно, надо принять гражданский календарь, опять добавив, сначала надо достичь соглашения со всеми другими Церквями, особенно с Константинопольской. Между тем, Архиепископ Хризостом в начале января 1924 г. предложил „среднее“ решение: принять новый календарь со старой пасхалией. Все дело велось с такой поспешностью, что уже 20 января

1924 г. было получено согласие Константинополя, а 23 марта того же года Греческая Церковь перешла на новый календарь, не дожидаясь решения других Православных Церквей.

Епископ Павел, в своей очень авторитетной статье, помещенной в официальном органе Сербской Патриархии „Гласник“ (ноябрь 1982 г.) не находит объяснения для такой поспешности. Он удивляется, что это сделал Архиепископ Хризостом, который сам же участвовал в Государственной Комиссии в 1923 г. постановившей: „принимая во внимание, что Греческая Церковь, как и другие автокефальные Церкви, хотя и независимы внутренне, все-таки тесно связаны друг с другом и объединены принципом духовного единства Церкви, составляя единую Православную Церковь и, следовательно, ни одна из них не может отделиться от других и принять новый календарь без того, чтобы стать схизматической в отношении других“. Епископ Павел замечает, что принимая вопреки сему столь поспешно новый календарь, Греческая Церковь забыла и приведенное определение и прежние принципиальные заявления в послании Патриарха Иоакима III, а Константинопольский Патриарх забыл постановление только полгода перед тем состоявшегося Совещания (май 1923 г.) в его стольном городе. В обоих случаях имелось в виду, что такая реформа требует общего согласия всех Церквей и осторожности в своем осуществлении, чтобы не вызвать соблазна в народе. Кстати сказать, на этом Совещании в Константинополе участвовала и Российская Зарубежная Церковь в лице Архиепископа, впоследствии Митрополита Анастасия.

Для столь поспешного решения одной Церкви, вопреки решению Совещания, предоставлялись разные оправдания, которые добросовестно приводятся Епископом Павлом. /.../

„Как бы то ни было, – пишет Епископ Павел, – эта поспешность без предварительного объяснения и пригото-

ления вызвала одну из серьезных проблем современной Греческой Церкви – Старо-календарную“ (стр. 276).

Позднее новый календарь приняли Церкви: Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Румынская и Болгарская. Последняя сделала это много лет спустя, уже в совсем недавнее время, вероятно, из угождения коммунистическому правительству и Совету Церквей.

Итак, мы видим, что Греческая Церковь первая ввела календарную реформу, несогласимую с принятой Первым Вселенским Собором пасхалией, отрываясь от единства Церквей в соблюдении праздников **всю Церковью** одновременно, достигнутым Первым Вселенским Собором. Иначе говоря, это было решение прямо противоположное той цели, которую в отношении календаря поставил себе Никейский Собор. В то время (1924 г.) категорически отказывались принять новый стиль Церкви: Александрийская, Иерусалимская, Сербская и др. («Церковные Ведомости» № 11 – 12, 1924 г. стр. 4).

Объективное изложение событий привело Епископа Павла к следующему заключению: „Видимо, предполагалось, что если и не все Церкви, то большинство Церквей примет это решение и первенство введения его рассматривалось как дело престижа. Возможность, что в Греции именно так и смотрели на это дело, видна из представления ее представителя в Константинополе, согласно которому пользование новым календарем и изменение пасхалии имело бы „большое моральное значение и произвело бы впечатление на весь культурный мир, как лишенное принуждения добровольное сближение двух христианских миров, Востока и Запада, в праздновании великих христианских праздников“ (стр. 276). Иначе говоря, нарушение единства в соблюдении праздников, установленного Никейским Собором, совершалось по политическим основаниям угождения греческому правительству и для „сближения двух миров“ – православного и еретического. Реформа была введена в угоду им, а не во имя соблюдения или укрепления Православия. Сколько бы Церквей ни присоединилось в этом к Элладской Церкви –

они присоединились не к делу укрепления Православия, а ради сближения с ересями. Это было грехом против Православия./.../

Неправославность этого акта особенно ясна, если сопоставить его с неперменным требованием единства с преданием для того, чтобы тот или иной акт не отрывался от Православия. Об этом, со свойственной ему ясностью пишет наш знаменитый канонист Епископ Иоанн Смоленский. „Итак, вот другое начало церковного законоведения, начало основное – руководственное: неуклонное последование Свящ. Преданию Православно-Кафолической Церкви... Только то, что есть в Свящ. Предании или объясняется им, или согласно с ним, должно быть признаваемо в собственном смысле **каноническим**, церковным; все неимеющее основания в Предании и несогласное с ним, хотя бы принятое тем или иным обществом Христианским... не должно быть признаваемо каноническим или принадлежащим Церкви Вселенской, а потому истинным. Наконец все, что изменяет Предание в основных правах и установлениях церковных или подрывает силу его произволом мнений, или установлений человеческих, все явно противное Преданию, должно быть отвержено, как ложное, противу-церковное“. (Архимандрит Иоанн, «Опыт Курса Церковного Законоведения», СПб. 1851, разд. I, стр. 23).

Так ли важна астрономическая точность (при том, как мы видим, сомнительная), чтобы ради нее терять единство по всему миру молитвенного переживания праздников? Неужели одновременное празднование Рождества Христова и других праздников с неправославными вероисповеданиями оправдывает отделение от верных этому отеческому преданию православных Церквей? Еще хуже получалось в Польской Церкви, а теперь в Американской Митрополии, когда в одной и той же епархии одни приходы живут по Юлианскому календарю, а другие при том же епископе – по Григорианскому. Их епископ, если он хочет посещать свою паству, должен в одном приходе праздновать Рождество Хрис-

тово, а в другом еще соблюдать Рождественский пост. Сам он, значит, живет ни так, ни сяк. В одной епархии Американской Митрополии дело обстоит еще пародоксальнее: в некоторых приходах епископа, включая и его кафедральный собор, православные могут жить по разным календарям, согласно высказанного ими пожелания. Епископ обещал своей пастве, что даже если и один прихожанин потребует для себя службы по Юлианскому календарю – его просьба будет удовлетворена. Трудно себе представить худшую духовную позицию. Можно ли назвать этот разброд Православием? Тут возвращаются к тому беспорядку, об устранении которого радостно возвещал миру равноапостольный Император Константин. Приведу еще раз его слова: „Размыслите сами по вашей святости, как нехорошо и несообразно то, что в известное время одни соблюдают посты, а другие совершают пиры и потом после дней Пасхи, одни проводят время в праздновании и покое, а другие держат установленные посты“. Это суждение можно отнести не только к Пасхе, но и вообще к любому празднику, начиная с Рождества Христова.

Первый Вселенский Собор устранил такой разнобой между Церквями Востока и Запада. Тогда празднование Пасхи в разное время совершалось по этим территориям, но никому не могло придти на ум, чтобы верующие одной и той же епархии и даже того же прихода и при том же самом храме жили по разным календарям. Воистину, трудно вообразить такой дикий духовный разброд в одной и той же общине. Только экуменические принципы, не признающие безусловной истины, но сводящие ее на положение мнения, могут приводить к такому духовному абсурду.

Таким образом, изучение вопроса о новом календаре неминуемо приводит нас к заключению, что введение его с самого начала было неканонично и содержало в себе измену Православию. Присоединение к этому впоследствии, в частности теперь, – есть присоединение к греховно-неправославному акту. Никакое большинство не может

изменить этого положения, как в свое время большинство еретиков и захват ими власти в той или иной Церкви не делал их православными.

Пусть не пугают нас тем, что новостильники могут оказаться в большинстве. Православие измеряется не этим, а верностью Преданию и единством в вере и жизни с прежде отшедшими из этого мира святыми отцами. Мы верим, что они с нами, а не с отказавшимися от их Предания. Мы видим, как прогрессирует модернизм и сбывается предупреждение седьмого правила Седьмого Вселенского Собора „ибо грехам предваряющим и другие грехи последуют“.

Мы не удивимся если в угоду католикам последует принятие предлагаемой ими Пасхи, фиксируемой в пределах одной апрельской недели. „Предваряющие грехи“ уже налицо. Удивляться ли, когда за ними и другие грехи последуют?

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

**Независимый русский православный
национальный журнал**

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

НАША СТРАНА

**ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

еженедельная национальная газета
основанная в 1948 году И. Л. Солоневичем

Издатель М. В. Киреев. Редактирует редакционная коллегия.

Неподкупная, свободная от партийных или групповых влияний,
потому что не зависит ни от каких и ничьих субсидий.

Незыблемо стоящая на трех исконных русских китах „За Веру,
Царя и Отечество“.

Непосредственно связанная с молодыми единомышленниками от-
туда, верящими в возрождение Самодержавия, как единственное
спасение от любого партийного рабства.

Документально разоблачающая подвохи, происки и ложь врагов
России и православной Церкви; врагов их прошлого, настоящего
и будущего.

Дающая оценку мировым событиям, прошедшим и нынешним, в
свете российских народных интересов.

Объединяющая на своих страницах талантливых публицистов, вы-
дающихся знатоков литературы, экономики, истории, политики и
военной науки.

У газеты нет других хозяев, кроме самих читателей.

Цена номера газеты, посылаемой воздушной почтой 0,80 ам. долл.

Почтовые переводы и чеки посылать:

**Miguel Kireeff
Monroe 3579-11
1430 Buenos Aires, Argentina**

Т. Савченко

СОВЕТСКИЕ ОФИЦЕРЫ

На Западе бытует множество досужих вымыслов о Советской Армии, удаленных от истины настолько, насколько позволила сила фантазии разнокалиберных кабинетных „специалистов“ и новых эмигрантских писателей, мало знакомых с предметом своих „описаний“. Серьезный человек мог бы смотреть на это безответственное щелкоперство сквозь пальцы, не будь некоторые рекомендации горе-знатоков положены в основу государственной политики ряда наиболее влиятельных в военно-экономическом отношении стран Запада. „Спецыз“ создали рискованную ситуацию, забыв, что в условиях современной ракетно-ядерной мощи противоборствующих сторон, каждая ошибка может стать последней.

Ныне военный вопрос есть вопрос судьбоносный. Политический вариант данной проблемы в конечном счете сводится к следующему – „Быть или не быть советской власти в России?“ Если быть – сохраняется постоянная угроза новой мировой войны. Если быть – народы мира обречены нескончаемо долго толкать в гору сизифов камень военных нужд. Предел данных состояний один – война. Ведь, согласно поговорке, одно из тысячи заряженных ружей может выстрелить само. Или другой вариант – лица, заинтересованные в постоянной конфронтации двух социально-экономических систем, обеспечив себе гарантированную безопасность, вдруг решат отдать преимущество моносистеме, образующейся в результате уничтожения её искусственного антипода. Обе перспективы с наибольшей степенью вероятности их реального

воплощения в жизнь закономерно вытекают из современной ситуации. Обе перспективы зловещи. Играть „в темную“ на грани таких возможностей преступно.

Война нежелательна, поскольку диалог на поле брани крупнейших армий Востока и Запада победителя не выявит, а потери первого дня войны превысят людские и материальные потери за всю предыдущую историю известных нам войн.

Сторонники идеи „равновесия страха“ не могут дать никаких гарантий сохранения их неприятного „равновесия“ ни сегодня, ни в будущем. В успех превентивного удара мало верят сами военные стратеги. По нашему мнению, ни одна из существующих на сегодня военных идей и теорий не может разрешить полностью и удовлетворительно проблемы гаранта победы над противником с избежанием тяжелейших и невосполнимых потерь со своей стороны. Будущая война сулит всемирную катастрофу.

Глобальной трагедии можно избежать, сделав Советскую Армию другом и союзником сил Российского Национально-патриотического движения. Есть такая возможность? Есть! Но продуктивное использование этой возможности во многом зависит от политической позиции западных держав, почему так важно не только понимание западными политиками сути глубинных социальных процессов в коммунистических странах, но и желание с их стороны по-настоящему помочь народам этих стран в их справедливой борьбе. Но Запад еще не делал и не делает ничего, что могло бы игру превратить в серьезное дело. „Помощь“ с подножкой российским патриотам не нужна. Следовательно, дело борьбы за освобождение России и всего человечества от коммунизма целиком и полностью возложено ныне на плечи россиян, проживающих как в России, так и за ее пределами.

Наш вывод – кроме движения за духовное возрождение, Россию может спасти переход власти в руки радикального военно-гражданского патриотического блока. Для осуществления этой идеи нужно прежде всего окон-

чательно лишить большевиков армейской поддержки. Лишить без применения ракетно-ядерного оружия, без военного вмешательства извне, без крови, убийств и материнских слез.

Сошлемся на исторические факты. Выступая на 7-м Всероссийском съезде советов (декабрь 1919 г.), Ленин допустил ряд откровенных высказываний, заслуживающих внимания. В частности, он сказал: „С точки зрения простого учёта сил, с точки зрения военного взвешивания сил... Антанта была и остается неизмеримо более могущественной, чем мы“. Если бы Антанта смогла „...хотя бы десятую долю своих армий“ бросить против большевиков, „нет ни малейшего сомнения, что судьба советской России была бы решена и её постигла бы участь Венгрии“. Военное наступление союзных армий обещало „наверняка самый легкий успех в кратчайшее время...“ Почему это не удалось? Ленин указывает на одну из двух главных причин, неоднократно повторяя: „Мы победили Антанту тем, что отняли от неё рабочих и крестьян. одетых в солдатские мундиры“. Свою работу большевики выполнили отменно. В остальном им помогли внешние силы, кровно не заинтересованные в реставрации Российской Империи или в образовании на территории России независимого правового правительства. Эти заинтересованные силы создали условия для разложения армий Антанты, и большевики, не нуждаясь в долгих уговорах, всесторонне использовали подаренную им извне возможность. Но Ленин об этом не упоминает ни разу, выдвигая на первый план усилия своей партии.

Большевики отняли у Антанты солдат не устрашением, не техническим преимуществом и не штыками. Отняли СЛОВОМ. Словом победили. По сути дела, Ленин в своем выступлении славил силу слова и он был прав.

Зададим вопрос скептикам: „Если большевикам удалось победить словом армии и в некотором смысле народ, то почему нам, российским патриотам, при благоприятной внешней и внутренней ситуации нельзя словом же победить большевиков, словом отнять у них армию?“

Мы полагаем – можно отнять. Разумное слово должно предшествовать и сопутствовать великим событиям будущего. В назидание вспомним, с чего начался закат Российской Империи? С перехода русской прессы в чужие руки. В формировании общественного мнения и в деле распространения идей решающую роль играют средства массовой информации. С превращением русских газет и журналов в русскоязычные начался процесс вливания в русские мозги хитро замаскированной лжи. Враги России и русского народа стремятся обеспечить себе силу словом лжи. Силу слова правды обеспечивает ныне совсем малое количество газет и журналов, выходящих в зарубежье. В России сейчас вообще нет ни одного свободного русского журнала, ни одной русской газеты. Народ и армия лишены правдивой информации, лишены исторической правды, лишены нужного в борьбе с коммунистами знания. Каждый попавший в хорошие руки изданный за пределами СССР на русском языке журнал читается сотнями, даже тысячами людей. Тем с большим вниманием должны относиться зарубежные россияне к судьбе каждого журнала, говорящего с читателем на русском языке, без акцента чужеродных идей.

Сила слова правды реальна. Её выявление не подвластно законам механики. Мы не можем требовать от истории немедленного ответа действием на каждое усилие или пожелание. Но когда-то дело будет сделано и тогда историки узнают, какое слово лежало в основе победоносных деяний русских патриотов.

Соотечественники нуждаются в нашей помощи и словом, и делом. Но чтобы понять, каким должно быть слово и знать, что делать, нужно в первую очередь выяснить и познать объект восприятия наших слов и действий. Правдивая информация – основа правильных дел. Это – азбука социальной практики. Из буквальных истин этой азбуки слагается живая летопись человеческих деяний, вся целенаправленно осуществленная реальность общественной жизни. Непрактичный политик суть политически неграмотен, даже если стена его кабинета украшена

дипломом доктора политических наук, потому что нельзя быть политически грамотным, не зная азбуки социально-политической **практики**.

Когда Ленин произносил упомянутую нами речь, ему не пришлось хвастать силой воздействия большевистского слова на офицерский корпус союзных армий Антанты. Он „отвоевал“ рабочих и крестьян в шинелях, т.е. солдат. На офицеров большевистское слово столь сильного, как на солдат, воздействия не оказывало. Офицерский корпус состоял преимущественно из лиц, весьма состоятельных или имевших дворянское происхождение. Такая среда для коммунистической пропаганды не самая благоприятная. Кадровая (практически сословная) армейская традиция до сих пор удерживается в ряде европейских стран. Сказать такое о Советской Армии нельзя. Сравним, для примера, кадровый офицерский состав советской и западногерманской армий.

Потомственные офицеры (т.е., те офицеры, отцы которых тоже были офицерами) в СА составляют ничтожное меньшинство, в армии ФРГ потомственных офицеров около 40%. Другая интересная деталь – в СА практически нет выходцев из богатых семей, так как партийные начальники, „блатные“¹⁾ и прочие люди в реальной привилегии обладания властью и деньгами готовят своих детей к более престижной в их среде карьере, способной лучше удовлетворять материальные и „духовные“ запросы советской аристократии. В армии ФРГ в среде офицерства много выходцев из семейств, доход которых превышает средний. В данном случае мы наблюдаем прямо-таки диаметрально противоположность.

С какой целью мы привели данное сравнение? Целей было несколько. Первая – доказать, что судить об офицерах СА, сравнивая их с офицерами западных армий, нельзя. Вторая цель – выявить факт непрестижности армейской службы у „власти придерживающих“ в СССР и доказать тем самым отсутствие родовой пуповины, связующей правящий класс с армией. Третья цель – показать, что советские офицеры есть тот же самый народ,

только одетый в шинели чуть лучшего качества, чем солдатские. Цель четвертая – обратить внимание на малую престижность офицерской профессии среди самих офицеров.

Раскроем тему шире. Действительно, невозможно моделировать образ советского офицера по образцу офицера канадского или швейцарского. Никаких параллелей здесь нет, исключая сходство чисто профессиональное.

Рассмотрим теперь следующий вопрос – почему офицерская карьера не прельщает детей партийных бонз и наследников подпольных миллионеров? Наиболее обстоятельный ответ может быть дан только всем дальнейшим содержанием нашей статьи. Пока остановимся на отдельных, наиболее существенных моментах. На наш взгляд, надо быть потомственным „кабинетчиком“, чтобы различать в советских офицерах признаки правящей элиты коммунистического общества. Советские офицеры не правят. Они – часть управляемых рабов КПСС. В административном управлении страной офицеры важной роли не играют. Несколько выше влияние офицерского корпуса на политические решения партийно-государственного руководства. В „переломные“ моменты политической жизни страны роль армии резко возрастает, но поддержать такой высокий уровень влияния на гражданское руководство, армии пока-что не удавалось. Однако, в последние годы усилилось влияние высшего генералитета, без тенденции к понижению в пределах обозримого будущего. „При Сталине“ любого маршала можно было „поставить к стенке“. Сейчас создается впечатление несколько иное. Времена меняются и вместе с ними изменилась и армия.

Поскольку армия не обладает формальной административной властью, потомственных властителей офицерская карьера ничем не привлекает. Никто из них не желает добровольно обрекать себя на статус раба. Правда, с возрастанием роли армии в политической жизни, у сынков партаппаратчиков рано или поздно интерес к армейской карьере повысится, но пока этого не наблюдается. Гене-

тическую оторванность советского офицерского корпуса от правящего партийного сословия мы расцениваем как положительный факт. Офицеры отделены от правящей элиты достаточно высоким социальным барьером. Отсутствуют также широкие родственные связи офицерства и „блатных“. Ни один полковник не „сделает“ в месяц столько денег, сколько средний ловкач-снабженец или обычный завмаг. Жульнический маразм подпольных советских миллионеров не оскверняет офицерской чести, которая, несмотря на все препятствия, продолжает жить в офицерской среде. Отмечаем следующий положительный момент - офицеры не связаны общим интересом с аморальной делаческой прослойкой.

Итак, офицеры не имеют ничего общего ни с политическими, ни с „экономическими“ врагами русского народа. Их ничто кровно не связывает ни с явными, ни с тайными грабителями и разорителями русского народа. Исключения встречаются, но они крайне редки.

Социальное происхождение обуславливает тесную связь подавляющего большинства офицеров с простым трудовым народом. Многие офицеры родились и выросли в сельской местности, значительная часть, с каждым годом увеличивающаяся, пришла в армию из города, из семей рабочих или мелких служащих. В среднем две трети своего общего отпускного времени офицеры проводят в родных местах. Молодые офицеры чаще всего женятся на девушках родственной (доармейской) социальной группы, получивших высшее образование. Сами офицеры почти все имеют высшее образование, реже - среднее специальное. Современная офицерская семья довольно культурна, образовательный уровень супругов высок, соответственно и потребности изменяются в сторону более высоких духовных стандартов. Неразрывная связь с трудовым народом, глубокое знание народной жизни, широкий кругозор и хорошее образование делают современного советского офицера личностью, способной критически и целенаправленно

формировать свое собственное, отличное от „положенного“ мировоззрение.

В отличие от штатских интеллигентов, увлекающихся западными „новинками“, „модернизмом“, офицеры в большинстве своём интересуются русской культурой. Среди советских офицеров нам не приходилось встречать таких, кто не посещал бы театров, музеев и картинных галлерей, кто не был бы знаком с классическими произведениями русской литературы.

Хотя офицеры имеют свободного времени в два-три раза меньше, чем штатские интеллигенты и значительно интенсивнее „выматываются“ на службе, они затрачивают много сил и времени на учебу и творческие занятия. Некоторые офицеры входят в литературные объединения, существующие сейчас в каждом Военном Округе и систематически публикуют написанные ими стихи или прозаические произведения в газетах и журналах. В армии есть студии изобразительного искусства, творческие группы. Среди армейских художников есть немало прекрасных мастеров, многие из которых имеют художественное образование. Мы не говорим здесь о студии им. Грекова, Мы говорим об офицерах, для которых основное занятие – армейская служба. Примечательно, что никто из армейских живописцев не работает „а ля модерн“, никто не увлекается западными кривляниями. Среда армейских музыкантов и дирижёров выдвинула немало талантливых композиторов, произведения которых по ряду причин не могут иногда „пробиться“ в концертные залы страны. Музыкальное искусство армии достойно представлено Ансамблем песни и пляски Советской Армии, десятками других армейских и флотских ансамблей. Большой вклад в развитие современной русской музыкальной культуры внесли прославленные армейские дирижёры: генерал-майор Николай Михайлович Назаров и полковник Николай Петрович Сергеев. Благодаря их стараниям, популярные старинные русские вальсы и марши сохранились в репертуаре всех армейских духовых оркестров, а некоторые марши звучат даже во время военных парадов

на Красной площади (например, марш лейб-гвардии Измайловского полка, марш „Гренадер“ и др.). Особой популярностью в войсках пользуется марш „Прощание славянки“, исполняемый во время призыва на действительную службу и во время демобилизации.

Здесь уместно сделать маленькое примечание: русские парни считают службу в армии нужной для себя и полезной. От воинской службы активно уваливают только детки „блатных“, партийных чиновников, дипломатов и представители некоторых нацменьшинств (преимущественно мусульмане и евреи). Многие русские мужчины прошли солдатскую школу и парень, не служивший в армии, не пользуется уважением среди старших и своих сверстников. Да и девушки русские отдают предпочтение ребятам, за плечами которых армия или флот.

Вернемся однако, к главной теме и сделаем из сказанного выше первый вывод. Он сводится к следующему – в творчестве армейских писателей, композиторов и художников продолжают свое развитие лучшие национальные традиции русской культуры.

Каждая войсковая часть имеет свой клуб, каждый гарнизон – гарнизонный Дом офицеров. Там офицеры и члены их семей проводят немалую долю своего досуга – участвуют в кружках художественной самодеятельности, учатся играть на музыкальных инструментах, ставят любительские спектакли, разучивают бальные и народные танцы. Традиция офицерских балов жива по сей день. Мы не встречали ни одного русского офицера, не умеющего танцевать вальс. Танцуют обычно под звуки духового оркестра. Вальс живет в России в основном благодаря офицерскому балу. Во время семейных застолий в ходу „камаринская“, „гопак“, народные песни. Присутствуя на штатских интеллигентских вечеринках, мы обратили внимание на один весьма показательный факт – беловоротничковая публика совершенно забыла русские песни и танцы, удовлетворяясь заграничной рок-музыкой. Большой популярностью в их среде пользуются песенки

модных московских бардов, среди которых в армейской среде имел успех только Владимир Высоцкий. Но его как поэта офицеры ставили ниже Сергея Есенина, а как певца-исполнителя ниже легендарного Александра Вертинского. Правда, в последние годы, особенно в Москве, среди русских интеллигентов наблюдается некоторый отход от „западничества“ в сторону увлечения русской стариной.

Почти каждый театр, ансамбль или оркестр имеет „шефство“ над Военным Округом или гарнизонами, поэтому выступления артистов в самых отдаленных гарнизонах вовсе не редкое явление. Армейская публика очень приветлива, благодарна и артисты выступают перед ней с большим вдохновением, с радостью. Есть, конечно, и халтурщики, в основном среди эстрадников, полагающих, что перед „такой“ публикой можно вытворять, что угодно. Однако настоящие мастера искусств не опускаются до халтуры ни при каких обстоятельствах. Чтобы читатели имели некоторое представление о том, кто «шефствует» над войсковыми частями, Округами и т.д., укажем несколько таких „шефских“ коллективов, известных нам по службе в разных Военных Округах. Среди наших „шефов“ были – знаменитый московский Большой Театр, МХАТ, симфонический оркестр Ленинградской филармонии, Ярославский драматический театр, Херсонский ансамбль песни и танца „Веснянка“, Северный русский народный хор и другие известные коллективы. Кроме „шефов“, на сценах армейских клубов постоянно выступают гастролирующие в ближайших городах театры и ансамбли со всех концов страны. Впоследствии неожиданно для нас самих выяснилось что уровень приобщения офицеров СА к культурным ценностям выше чем „средних“ штатских интеллигентов. Основываясь на западных впечатлениях, мы склоняемся к мнению, что средний западный обыватель в культурном отношении тоже стоит ниже русского офицера.

Мобильность офицерской жизни немало способствует расширению культурного и познавательного кругозора

офицеров, в сравнении с гражданским населением страны. Офицеры знают Россию лучше, чем большинство штатских. Офицеры имеют также большие возможности ознакомления с жизнью зарубежных стран, с культурой и обычаями людей самых разных рас, наций и вероисповеданий. Сегодня советских офицеров („легально“) нет разве что в Австралии. На всех остальных континентах они присутствуют постоянно. Жизненная практика офицеров весьма богата.

Следующий важный вопрос – офицерское образование. Этот вопрос мы считаем одним из важнейших вот почему: на Западе, с благословения всяких „ротных придурков“, утверждается, будто современный советский офицер – глупый „Ванька“, счастливо избежавший опытных психиатров. Этакая аномальная натура, чуть ли не снежный человек. Предмет изучения особо одаренных „избранных“. Но в их басни могут поверить разве что россияне, родившиеся в Зарубежье или те, кто покинул Россию лет сорок назад, когда после Сталинских чисток в армии утвердилось большое количество типов, соответствующих описаниям бывших „ротных придурков“ и им подобных.

В настоящее время большинство офицеров имеет высшее образование. Качество военного образования хорошее. Учебные классы, аудитории и лаборатории высших военных училищ и академий оборудованы новейшей аппаратурой, всеми необходимыми приборами, наглядными пособиями и пр. Высококвалифицированный преподавательский состав обладает солидным опытом работы. Выпускникам военных вузов приходится иметь дело с новейшей техникой, которую иногда именуют техникой завтрашнего дня. Служба требует от офицера большой ответственности, поэтому его подготовка должна быть основательной, знания – безупречными. Строгая дисциплина в стенах военных учебных заведений, постоянный контроль за успеваемостью курсантов и слушателей, высокие требования на экзаменах, режим дня, опытное руководство ходом учебного процесса и

вообще вся обстановка ВВУ способствуют получению офицерами прекрасного образования. В дальнейшем, уже по завершении учебы, офицеры периодически повышают свою квалификацию на специальных курсах или проходят переподготовку иными способами. Знания офицера никогда не должны отставать от требований дня. Высокообразованный офицер имеет больше шансов на повышение в должности и своевременное получение очередного воинского звания. Для современного советского офицера не закрыт путь в науку. Широкая сеть военных научно-исследовательских институтов, секретных лабораторий, специальных полигонов и конструкторских бюро нуждается в военных-ученых и получает их в достаточном количестве. Разумеется, бывшие „ротные придурки“ доступа в эти круги не имели и не будут иметь, поэтому данная сфера армейской жизни для них – тайна за семью замками. Военные исследователи вносят немалый вклад в науку, но их заслуги, по вполне понятным соображениям, не афишируются и в списках на соискание Нобелевских премий они не значатся. Интересная особенность – даже на командных должностях сейчас можно встретить офицеров и генералов, имеющих ученые степени докторов наук. В армии поощряется обучение офицеров в „гражданских“ университетах и институтах. Второе высшее образование офицеры получают без отрыва от службы, обучаясь заочно или посещая лекции в вечернее время. Студенты-офицеры пользуются большими льготами, прежде всего такими, которые дают возможность иметь больше свободного времени для подготовки к экзаменам и семинарам, сессий и защиты дипломных работ или проектов. К офицерам, имеющим два диплома – Высшего военного училища и университета – в армии относятся с особым уважением. Советский офицер с двумя вузовскими значками или с ученой степенью давно перестал быть диковинкой.

Может возникнуть вполне правомерный вопрос: сумеют ли военные обеспечить эффективное управление страной, особенно в сфере экономики? Отвечаем: сумеют.

Причем лучше, и гораздо лучше, чем те гражданские, которые разоряют Россию с 1917 года.

В чем особо остро нуждается сейчас Россия? В законности и порядке! Только при наведении должного порядка возможно будет спокойное и разумное разрешение всех экономических, общественных и политических проблем нашей страны. Каждый офицер по роду своей службы есть руководитель. Дисциплина и порядок вошли в плоть и кровь русского офицера и если обстоятельства потребуют наведения армейской дисциплины в масштабах всей России, то лучше всех с такой задачей сумеют справиться офицеры.

В деле управления огромной страной одних административных мер недостаточно. Ценные управленческие навыки должны служить подспорьем при осуществлении мероприятий, проведение которых в жизнь невозможно без специальных знаний и навыков руководителя. Но и здесь мы не видим неразрешимых проблем.

Ведь, современная армия – это всё! В настоящее время на вооруженные силы работают все отрасли народного хозяйства. Политика, торговля, наука – все сферы деятельности в той или иной степени связаны с армией, с её запросами и потребностями. Но в результате этого процесса слияния гражданской и военной сфер деятельности происходит не только милитаризация науки и экономики, но и „экономизация“ армии в условиях постановки военного дела на научных основах. Новейшие достижения науки и техники в первую очередь используются в вооруженных силах, монополизировавших право на их эксплуатацию в обстановке секретности до тех пор, пока новые успехи научно-технической мысли не сделают их устаревшими и пригодными по этой причине к использованию в „гражданской“ экономике. Современная армия пользуется услугами почти всех известных „на гражданке“ специальностей. Все основные сферы профессиональной деятельности представлены в вооруженных силах – от геодезистов, инженеров-путейцев, врачей и юристов до летчиков и строителей включительно. Почти

каждую профессию можно назвать военной профессией. Один наш друг шутил: „Мы (т.е., армия) только рыбу не ловим!“ Возможно, он прав. С каждым годом увеличивается количество военных представителей на заводах и фабриках, увеличивается число военных специалистов, занятых практически той же работой, что и гражданские инженеры, техники и администраторы. Ежегодно миллион военнослужащих участвует в сельскохозяйственных работах, преимущественно на уборке урожая. Армия активно участвует в строительстве нефте- и газопроводов (существует даже особый род войск – трубопроводные войска), железнодорожных и автомобильных магистралей, работах по ирригации и мелиорации, во всех видах промышленного и гражданского строительства, в добыче минералов, словом всюду, где позволяют армейские возможности. А они у армии довольно велики. Кажется, что общего между Военно-Воздушными Силами и сельским хозяйством? Однако некоторые летчики имеют медаль „За освоение целинных и залежных земель“ и тому подобные награды. За что? В так называемые „снежные годы“ военная авиация используется для кормёжки баранов. Все космодромы, подземные заводы и ракетные шахты построены руками военных. Армейский специалист надёжен. Использование военнослужащих экономически выгодно, поскольку обеспечивается дисциплина и сравнительно четкий рабочий ритм, а содержание солдата обходится государству очень дешево. Всё денежное довольствие рядового – три рубля с копейками в месяц, а рацион питания немного выше, чем у заключенных уголовников. Исключение составляют строительные войска, но и они обходятся дешевле гражданской рабочей силы. Солдату нехватает денег на самые дешевые сигареты, не говоря уже о покупке дополнительных продуктов в военторге, поэтому практически все солдаты получают ежемесячно посылки или денежные переводы. Эта неучтенная экономистами расходная статья по содержанию вооруженных сил „страны советов“ довольно велика. Но в данном случае наша цель – не опи-

сание выгод использования армии в народном хозяйстве с государственной точки зрения; мы стремимся показать масштаб участия армии в экономической жизни страны. И на основании приведенных фактов делаем вывод – офицеры способны руководить экономикой, управлять производством и, в случае необходимости, могут быстро и успешно перейти на любую „гражданскую“ работу. Наличие у большого числа офицеров второго („гражданского“) высшего образования еще более расширяет возможности „мирного“ использования офицерского корпуса. Следовательно, армия к управлению страной фактически готова.

Для замены наименее пригодных к исполнению своих обязанностей штатских администраторов, хозяйственников, научных работников, журналистов и т.д. армейских кадров хватит вполне, учитывая наличие огромного „бесхозного“, не используемого в достаточной мере контингента офицеров запаса. При выдвижении лучших гражданских специалистов, по разным причинам „затираемых“ бюрократией, т.е. теми, кто будет немедленно заменён при новом режиме власти, кадровые затруднения быстро ликвидируются.

Поскольку нами косвенно была затронута тема политического устройства Российского государства при новом режиме, вероятно, многим читателям будет интересно знать, что говорят в своем узком кругу советские офицеры о судьбе национальных окраин. Предлагаемые сведения носят обобщенный характер и основаны на содержании многочисленных бесед, в которых участвовало, по крайней мере, не менее тысячи офицеров и генералов Советской Армии. За годы службы в рядах СА мы вольно или невольно обсуждали данный вопрос в самых разных условиях и с самыми разными людьми, проходившими службу во многих Военных Округах. Надо сказать, знакомство офицеров с национальным вопросом носит практический характер и основано главным образом на живых примерах и фактах действительности. В первую очередь армейская точка зрения отражает национальный патриотизм русских офицеров и интересы обороны России. Но

офицеры учитывают также экономические факторы и возможные политические последствия претворения в жизнь их предполагаемых действий. Чтобы в дальнейшем было понятно, кого мы имеем в виду, говоря о русских офицерах, мы предлагаем следовать обычаю, принятому в СА, т.е. русскими офицерами называть всех офицеров великороссов, украинцев и белорусов.

Во время бесед высказывались самые разные мнения, но никто и никогда не говорил о необходимости раздробления СССР на 15 или более самостоятельных государств. Высказывалась мысль о расширении уже существующей территории за счёт присоединения к России турецкой части Армении. Часть русских офицеров восприняла эту идею положительно, сочувствуя армянам, жестоко пострадавшим от турецкой резни. Другие ссылались на нереальность практического осуществления этого замысла в настоящее время и до тех пор, пока армяне не угомонят сами некоторых своих националистов-сепаратистов, составляющих крикливое меньшинство, жаждущее власти над своим народом. Офицеры азербайджанцы несколько раз намекали о желании воссоединить Иранский Азербайджан с советским, но русские офицеры советовали им обойтись собственными силами, а некоторые прямо говорили: „Мы не знаем, как от вас самих избавиться, а вы хотите еще иранских нам на шею посадить!“

Служба в слишком солнечной Туркмении приравнивается большинством офицеров к ссылке или каторге. Каждый ждет не дождется перевода в другой Округ или в лучшее место, а тут еще дети пустыни укоряют: „Едите, русские, наш хлеб!“ Естественно, столь безответственные и лживые утверждения радости не вызывают и офицеры рассуждают следующим образом: „Кто чей хлеб ест – понятно. На соль их плевать, у нас на «мобутовках»²⁾ ее больше, чем в их паршивом заливе. Шли бы они все подальше...“

Как видим, стремления любой ценою удержать в составе России азиатские ее окраины у русских офицеров не наблюдается. Примерно треть известных нам офицеров

поддерживает идею о полном сохранении существующих ныне границ государства, отдельные офицеры стоят за дальнейшее их расширение (таких абсолютное меньшинство), но большая часть придерживается иного мнения. Они предлагают сохранить полезное, избавившись от лишнего и вредного. Рассуждения их выглядят примерно так: „Развитие современной военной техники уменьшило роль территориального фактора. Интересы обороны России могут быть вполне обеспечены без некоторых окраинных территорий, в условиях отказа от политики территориальной экспансии, теряющей для России всякое стратегическое значение. Содержание нескольких крупных военных и военно-морских баз в наиболее важных районах земного шара будет во много раз выгоднее в военном и экономическом отношении“.

Офицеры приводят и другие доводы. Например, советуют возложить бремя азиатского демографического взрыва на плечи самих азиатов. В результате отделения некоторых мусульманских областей, Россия сохранит для себя огромное количество материальных ресурсов, поглощаемых ныне национальными окраинами. Офицеры рассуждают просто – если „окраина“ берет больше, чем отдает, значит, высчитав разницу, можно определить, сколько на данную сумму можно было бы закупить сырья и минералов за границей по существующим расценкам. „Обмен“ России с азиатскими республиками в большинстве случаев оказывается менее выгоден в сравнении с импортом из-за рубежа. Кроме того, более чем невыгодным оказывается для России „внутриазиатский“ фруктовый рынок. Продаваемые на рынках России азиатскими „колхозниками“ фрукты обходятся русскому потребителю в семь-десять раз дороже, чем в случае закупки государством соответствующих фруктов за рубежом. Деньги, выкачанные нацменьшинствами из русских карманов, оседают у „обиженных“, „угнетенных“ жителей азиатских окраин. При наличии на азиатских окраинах большого резерва рабочей силы, там в производстве наблюдается особо

острый недостаток кадров, потому что торговать фруктами в десять раз выгоднее, чем работать на заводах и фабриках. Значительная часть рабочих – это приезжие русские. Особенно трагична судьба русских девушек, насильственно присылаемых на работу в текстильном производстве „нацокраин“. Азиаты насилуют их, убивают, обманывают, морально разлагают, превращая в своих наложниц. Судьба тысяч русских девушек была с благоговения народной советской власти искалечена на всю жизнь. Сами же азиатки предпочитают не работать и сидят дома, ежегодно рожая детей. Дискриминация славянского населения очевидна. В экономическое развитие азиатских окраин вкладывается непомерно большая доля и, разумеется, не за счёт азиатских прибылей. За счёт русских.

По мнению некоторых офицеров отсечение ненужного России балласта должно предполагать возврат в Россию русского богатства, осевшего на „угнетенных“ окраинах. Русские офицеры все более склоняются к убеждению, что Россия должна прежде всего заботиться о самой себе, нежели о неблагодарных „нацменьшинствах“, судьбу которых разумнее всего предоставить в их собственные руки. „Пусть ищут себе новую дойную корову, с нас хватит!“

Особого внимания заслуживает вопрос политической ориентации русских офицеров. Многие офицеры СА разделяют марксистские взгляды на историю, общество и армию, однако их понимание современного марксизма очень своеобразно – советскую власть офицеры воспринимают, как отступление от марксизма, его практическое извращение. В этом смысле большинство офицеров СА, в сущности, антисоветчики. Эта категория офицеров считает Ленина идеалистом, жертвенно служившим интересам народа, Сталина осуждают за коллективизацию, лагеря и другие преступления, – прежде всего отмечая факт уничтожения им лучших армейских кадров накануне войны с Германией, – однако, положительно отзываясь о его умении держать власть в руках и наводить порядок

в стране. Двойственность таких суждений не должна вызывать удивления у людей, более близко знакомых с Россией и психологией народа, выросшего в условиях коммунистической диктатуры. К послесталинским руководителям у таких офицеров не было никакого уважения.

Следующая группа также может считаться „левой“, но здесь уже признаются „ошибки“ Ленина и даже Маркса. К Сталину и всем последующим партийно-государственным руководителям эти офицеры относятся резко отрицательно, считая их узурпаторами власти, превращенной их усилиями во власть ярко антинародную. В сущности, этих офицеров можно приравнять к правым социалистам.

Третья по численности и значению группа придерживается идеи военной диктатуры без коммунизма, социализма и капитализма. Спрашивается, на что они рассчитывают, как мыслят организовать экономику? Надо отметить, что эта группа как раз и есть наиболее организованная, настроенная право-националистически, в их идеях много оригинальных положений, они базируются на знании реальной действительности.

Четвертая группа, также довольно многочисленная – это коммунисты-догматики. Их взгляды ничем не отличаются от взглядов гражданской партийной бюрократии. Тот же цинизм, но в этой группе есть ультракоммунистические элементы, готовые ради укрепления коммунизма пойти на диктатуру похлеще сталинской. Подобного рода личности тоже недовольны нынешним советским руководством, но не за его преступления перед народом, а за „мягкость“ и нерешительность в „перевоспитании“ населения. В этой группе наиболее влиятельны выходцы из среды мелких служащих, гебистов, „сталинских“ офицеров и рабочих.

Пятая группа, подобно всем последующим, малочисленна. Это офицеры, в принципе разделяющие программу НТС. Взгляды их несколько отличаются от „классически“ энтээсовских и представляют собою весьма аморфную смесь социализма с капитализмом. Шестая группа ищет спасения России в Православии и возврате к старому

укладу жизни, но без современных форм её „капитализации“ и морального разложения. Седьмая группа близка по духу „шестой“, но добавляет идею возрождения монархии. Восьмая группа стоит за „чистый“ капитализм, копирует модные социальные идеи Запада, сочувствует диссидентам и, вероятно, находится под масонским влиянием. Остальные мнения и идеи мы не в состоянии выделить как групповые и поэтому заострять на них внимания не будем, хотя некоторые из них вполне могут прорасти в более широкие слои офицерства.

Нашу схему политических группировок в Советской Армии нельзя считать полностью объективной, поскольку мы обобщили только свой опыт – пусть значительный, но все же не всеохватный и до некоторой степени не лишенный субъективности.

Особо следует остановиться на характеристике контингента „восьмой“ группы. В основном, это молодые „блатные“ штабисты и тыловики. Они не столько офицеры, сколько чиновники в армейских мундирах. Среда армейских „западников“ формируется главным образом из уроженцев Прибалтики, западноукраинских (католических) областей, ряда столичных городов. По национальности это в основном литовцы, латыши, евреи, западные украинцы, поляки и эстонцы. В последнее время их состав пополнился также великороссами и грузинами. Люди эти свою столичную спесь тащат за собой через всю службу, что ставит их в обособленное положение по отношению к основной части офицерского состава СА. Воинскую службу такие „кадры“ осваивают труднее остальных, дисциплина их гораздо слабее, в коллектив вживаются плохо. Рано или поздно значительная часть их, не без помощи командования, оседает по разным тылам, штабам и училищам или же „сплавляется“ в „дипзагранку“. Строевые части от „западников“ очищаются сравнительно быстро. О таких „варягах“ потом вспоминают редко и недобро или говорят кратко: „Баба с возу – кобыле легче“. Конечно, ратный труд создан для мужчин.

Приведенная нами схема не включала политическо-идеологической характеристики взглядов, присущих нерусским офицерам СА. Кратко остановимся на моментах, отражающих специфику проблемы. Особо выделим два направления – национализм и сионизм. Национализм нерусских офицеров имеет две формы – „культурный“ национализм и „политический“, иначе говоря, сепаратистский. Представителями первой формы являются в основном армяне и грузины, второй – северокавказцы, прибалтийцы и среднеазиаты. Идеи сионизма находят широкую поддержку только среди евреев, которые сколько-нибудь значительно в армии не представлены и чаще всего встречаются среди армейских врачей, иногда среди тыловиков-снабженцев, клубных работников или замполитов. Мы были свидетелями открытого ликования офицеров-евреев по поводу побед Израильской армии. „Вы слышали? Наши наступают!“ По многим причинам евреев считают в армии „пятой колонной“ Америки и Израиля и поэтому в настоящее время их к ответственным постам в армии не подпускают.

Не идеализируя армию, нельзя обойти некоторые отрицательные явления. В армии, как и в любых других крупных коллективах, существует некая групповая поляризация. Есть настоящие хорошие офицеры, а есть плохие. Высшее образование само по себе не способно „автоматически“ превращать людей в сплошь умных и культурных. Профессия, квалификация, рабочий навык могут осваиваться человеком без высоких духовных потребностей. Эта беда не обошла стороной офицерский корпус Советской Армии. Есть пьянство, нарушение воинских уставов, уголовная преступность, словом, все плохое, что может быть среди людей. Человек в офицерском мундире не перестает быть человеком со всеми присущими человеку слабостями и недостатками. Однако эта доля плохого в сравнении с гражданской средой очень мала.

Армейская жизнь налажена лучше штатской. Офицеры представляют собой сплоченную и прекрасно организованную общественную группу. Ошибочно считать эту

группу социально пассивной. В идейной, политической и даже экономической сферах военные проявляют большую активность. Особенности армейской жизни и оторванность основной массы офицеров от гражданской сферы скрывают эту активность от посторонних взглядов. Но если бы штатские знали, о чем и как ведутся беседы в дружеских офицерских кружках, то речи диссидентских цитеронов показали бы им речами секретарей райкомов партии.

Обеспокоенные слишком глубокой живой связью офицерского корпуса СА с народом, коммунистические правители всеми силами стараются эту кровную связь прервать. С этой целью они создали систему особых привилегий, облегчающих сыновьям офицеров поступление в высшие военные училища и академии. Одновременно изменили программы военных вузов так, чтобы выпускник ВВУ или Академии имел диплом с двумя специальностями – военной и гражданской. Тогда у сына офицера будет некоторая уверенность в своем будущем на случай прихода к власти очередного Никиты-Разоруженца.

Связь потомственного офицера с рабочими и крестьянами в третьем поколении, естественно, ослабевает, либо полностью прерывается. Но, судя по всему, мечты партократов о создании оторванного от народа и безоговорочно покорного промежуточного военного сословия, осуществляются не лучшим образом.

Другая попытка нейтрализовать силу армии сводится к усиленному культивированию национального смещения офицерского состава с креном в сторону его азиатизации и мусульманизации. Но темп мусульманизации низок – дети пустыни, пользуясь благами подпольного многоженства, предпочитают проводить свой мирный досуг в чайхане, а детям гор выгоднее спекулировать в России мандаринами и нарциссами.

Темпы создания спасительного буферного военного сословия срываются еще по одной причине – дети офицеров, наблюдая собачью жизнь своих отцов, согласны большой срок отрабатывать свое право на пенсию, но

зато сберечь на „гражданке“ здоровье в условиях сравнительно нормального оседлого быта.

Не слишком рьяно оправдывают надежду партии и „красные комиссары“ нового поколения. С их „революционными“ местечковыми предшественниками сходства у них меньше, чем у кошки с собакой. Дошло до того, что последнее (из числа известных на Западе) восстание на одном из ракетных эсминцев Балтийского Флота возглавил не кто-нибудь, а сам замполит, т.е. комиссар корабля.

Скептики возразят – одни восстали, другие восстание подавили. Практик, более трезво и всесторонне оценивающий суть происшедшего, панических выводов не делает. При возможности он сможет объяснить скептику разницу между жизненной логикой событий и логикой теоретической, формальной.

События послесталинского периода усилили брожение неконтролируемых „сверху“ идей и настроений в армейской среде. После „Лубянского побоища“ армия вдруг почувствовала свою силу. Партократы тоже учуяли неладное и тогда Политбюро-КГБ направили все свои усилия на аполитизацию армии и десолидаризацию офицерского корпуса. Хитрый Никита Сергеевич решил одним выстрелом, т.е. односторонним разоружением, убить сразу двух зайцев. Одного подстреленного Хрущевым зайчика на Западе кое-как разглядели, а второго увидели, да не поняли – то ли жив он, то ли нет. А случилось вот что: под аккомпанемент миротворческих заклинаний ловкий Никита Сергеевич без малейшего кровопролития провел крупнейшую со времени 1937-38 гг. чистку офицерского корпуса СА от наиболее неблагонадежных элементов. Может быть, Хрущев действительно хотел мира и омоложения офицерских кадров, но эти его цели не были единственными.

Хрущевское „сокращение“ нанесло офицерам глубокую моральную травму. Большое количество офицеров (особенно из числа неблагонадежных) было уволено за год, а то и за несколько месяцев до наступления армейского пенсионного возраста. Некоторые офицеры оказались в

очень тяжелом материальном положении, без пенсии и без гражданской специальности. Никита любил куражиться. Для пущей потехи сняли два киножурнала (а, возможно, и больше), героями которых были два майора – майор-свинарь и майор-подмастерье, обучающийся токарному делу у несовершеннолетнего выпускника профтехучилища. В сатирическом советском журнале „Крокодил“ появились „дружеские“ шаржи на бывших офицеров, откармливавших поросят. Между прочим, многие новые офицеры-свинари были участниками второй мировой войны.

КПСС дала армии хороший урок политграмоты, но в итоге проиграла больше, чем выиграла. Армия сделала первый в послевоенный период решительный шаг в сторону массовой антипартийности. Офицерам досталось крепко, но в данном случае проиграла и карающая их партия, прежде всего в лице инициатора гонений на армию Хрущева. Противники Никиты знали, что его падение армия воспримет с ликованием, поэтому Брежневские заговорщики действовали так решительно и хладнокровно. Армейский тыл был им обеспечен.

Но самолюбивый Брежнев ничем армию не отблагодарил. Военная карьера новоиспеченного генсека была настолько неудачной (начав войну полковником, Брежнев завершил её в очередном звании генерал-майора), что никак не могла подтвердить его особых заслуг, столь необходимых каждому партократу. Комплекс глубокой злой зависти к боевым генералам и маршалам одолевал генсека днём и ночью. Генсек решил во что бы то ни стало стать маршалом. И вот, на глазах изумленных вояк, кабинеты партийного начальства в считанные дни украсились портретами Ильича Второго, где он красовался в новенькой маршальской форме на фоне маленьких портретиков Ильича Первого. Ещё больше подлило масла в огонь назначение Устинова, серого штатского бюрократа, на должность министра обороны в обход претендовавших по праву и традиции заслуженных маршалов. Двухнедельное возвышение Устинова в маршалы выгля-

дело комедийно. Армия сделала второй молчаливый шаг в сторону.

Постепенно Устинов сжился с мундиром и почувствовал себя военным. Армии ничего худого он не причинил, властью не злоупотреблял, никому особенно не мешал и постепенно добился некоторого уважения военных. Но считать Устинова ставленником военных ошибочно. Он партийный выдвиженец. Положение его в армии сейчас довольно прочно, поскольку он не сковывает инициативы новых, молодых маршалов, получивших высшие звания с благословения престарелого Дмитрия Федоровича. Скорее всего, именно один из устиновских маршалов займет его пост в ближайшие годы, т.к. возраст министра обороны (Д.Ф.Устинов родился 30 октября 1908 года) когда-то должен сказать свое последнее слово. Опытный бюрократ, хитрый приспособленец, один из тех, кто пользовался особой милостью всех советских правителей – от Сталина, сделавшего Устинова министром вооружения, до Брежнева, сделавшего его министром обороны, маршалом и дважды Героем Советского Союза. Устинов благополучно пережил в прямом и переносном смысле, замахнувшегося на власть матёрого гебиста Андропова и вписался в реанимированный „брежневский“ кабинет товарища Черненко Константина Устиновича. Видимо, Устинов с Устинычем уживутся неплохо. Во всяком случае, этот временный альянс создал прочный двойной заслон на пути кагебистов, дальнейшие шансы которых к захвату власти отныне практически равны нулю. Звёздный час „железных“ наследников Держинского канул в Лету. Мечты о своей диктатуре чекисты навсегда похоронили вместе с телом своего лубянско-кремлевского шефа.

Некоторые читатели усомнятся в существовании массовой организованной оппозиции КПСС в армии. Действительно, широкой организованной оппозиции партийного образца в армии нет. В большинстве случаев офицеры образуют свои маленькие замкнутые содружества. Иногда отдельные офицеры, реже – группы офицеров, примыкают к радикальной „гражданской“

оппозиции. Случаев вхождения офицеров в открытую оппозицию мы не знаем. По-видимому, генерал Григоренко – исключение. Любая организация есть прежде всего союз единомышленников, преследующих определенную цель. Армия сама по себе есть организация и в рамках ее структуры бурлит массовое недовольство советской властью. Это общее широкое недовольство важно не менее функционирования постоянных организованных групп. При надлежащих условиях скрытая массовая оппозиция офицеров к режиму в любой момент парализует силу партocrats, кагебистов и всех, кто пойдет против русского народа вместе с ними. Однако, с внешним агрессором армия будет сражаться не на жизнь, а на смерть. Эксплуатация антисоветских настроений офицерского корпуса СА в целях порабощения России гарантированно обречена на провал. Русская армия будет защищать Россию при любой власти, даже при такой антинародной, как власть советская, потому что никто в мире не доказал еще своих истинно дружеских отношений к России и русскому народу, никто не доказал бескорыстности своего участия в русских делах. И офицеры хорошо это понимают.

Солидное большинство офицеров СА по национальности великороссы, украинцы и белорусы, что дает нам основания говорить о преобладании в офицерской среде русского духа. Идея „самостийности“ находит признание у отдельных офицеров-украинцев, но число таких офицеров крайне незначительно. Среди белорусов никакой „самостийности“ никогда нами не наблюдалось.

Несмотря на особо жёсткие условия кагебистского (через „особые отделы“) контроля за личной жизнью и политическими симпатиями военнослужащих, некоторые офицеры проявляют открытый интерес к Православию, общаются с наиболее грамотными и честными священнослужителями и читают религиозную литературу. К священникам аполитичным или сотрудничающим с КГБ у этой группы офицеров отношение крайне отрицательное.

Помимо указанных нами причин недовольства офицеров советской властью, есть причины и чисто экономические, материальные. Это может показаться невероятным, так как офицеры относятся к одной из самых высокооплачиваемых категорий советских служащих. Тем не менее, факт есть факт. Офицеры действительно имеют заработок выше среднего в стране, однако есть множество „но“, сводящих некоторое номинальное преимущество к нулю.

1) Средняя месячная заработная плата армейского офицера не самая высокая. Партийное начальство, офицеры КГБ, многие ученые, летчики гражданской авиации (оклад военных летчиков ниже, льгот меньше, работы и риска больше), крупные служащие многочисленных министерств, ведомств и исполкомов, моряки дальнего плавания, привилегированные деятели искусств, артисты эстрады и цирка, металлурги и другие высоко квалифицированные рабочие имеют официально и фактически большую зарплату, чем офицеры. Работники торговли, „общественного“ питания, снабженцы, врачи и юристы при официально низком заработке имеют весьма значительные неучтенные „левые“ доходы, что порою превращает их в людей баснословно богатых. В СССР среди гражданского населения есть немало скрытых миллионеров, среди офицеров их нет. Реальный доход преуспевающего торговца фруктами выше любого маршальского дохода, включая сюда все льготы и привилегии, полагающиеся столь крупному военачальнику. Что тогда сказать о жаловании лейтенанта?

2) На гражданской службе многие имеют дополнительный (неофициальный) доход – прямое воровство, обманы, приписки, обвесы, подпольный бизнес, работы по личной договоренности на „частников“, мздоимство и т.д. Офицеры, за исключением интендантов, живут на одну зарплату. В СССР, когда желают человеку плохого, обычно говорят: „Чтоб тебе на одну зарплату жить!“

3) В семьях штатских людей почти всегда работают и муж, и жена. В силу многих причин жены офицеров часто

не могут найти работу, особенно по специальности и живут на иждивении мужа. Доход офицерской семьи в большинстве случаев ограничен заработком главы семейства.

4) Есть на Руси поговорка: „Раз переехать, что дважды погореть“. Частые вынужденные переезды с места на место причиняют семьям офицеров немалый материальный ущерб, который куцые „подъемные“ не возмещают никогда. Часть домашнего скарба, способного в нормальных условиях к еще достаточно долгому употреблению, приходится бросать, приобретая то же самое на новом месте жительства.

5) Многие войсковые части дислоцируются не там, где лучше жить, а там, где они более необходимы с точки зрения оборонных интересов. В крупных и средних городах мало кто служит. Большинство офицеров разбросано по „точкам“ и „дырам“. Сельские спекулянты знают, что у офицеров есть деньги и взвинчивают цены на продукты питания. Поддержанию высоких цен на рынках хорошо способствует отвратительное снабжение через систему военторгов. Расходы на питание офицерской семьи очень высоки, а качество его низкое (синее „стратегическое“³⁾ мясо по талонам⁴⁾ было известно в армии задолго до появления этой системы распределения на „гражданке“).

6) Желание хотя бы раз в году повидать родственников естественно. Почти все офицеры служат вдали от родных мест. Ежегодные отпускные расходы отнимают весомую часть офицерского дохода. Помимо чисто дорожных расходов, нужно по русской традиции купить всем родственникам подарки, а цены на товары в Союзе довольно высокие по отношению к номинальной заработной плате населения.

7) В конце службы почти каждого офицера поджидает новое разорение – долгая жизнь на частной квартире в ожидании получения квартиры государственной. Многие офицеры пришли в армию из сельской местности, но после службы почти все „отставники“ оседают по городам, где родственников у них нет, или они живут в пло-

хих условиях и принять постояльцев не в состоянии. Странная на партийный взгляд тяга отставников в города объясняется не только лучшими бытовыми условиями проживания в городе, наличием театров или высших учебных заведений, но и тем, что поселившийся в деревне отставной офицер „теряет“ добрую половину своей пенсии. Эта государственная политика имеет глубокий для советской власти смысл, но мы не будем останавливаться на этом вопросе специально.

Итак, наш служивый вышел в отставку. Не имея ни кола, ни двора, приезжает в незнакомый город, останавливается в дешевой гостинице и начинает с утра до вечера бродить по городским окраинам, умоляя мудрствующих домовладельцев „впустить“ его в дом квартирантом. Через три-четыре недели непрерывного стука в калитки и сражений с цепными псами бывший защитник отечества наконец подыскивает для своей семьи пару комнатушек в какой-нибудь кособокой хибаре, которой для полной экзотики не хватает только куриных ножек. Такие хибары-„временки“ некоторые предприимчивые частники, чаще всего из числа снабженцев, торгашей и прочих „блатных“ специально держат для сдачи в аренду отставным офицерам, а сами живут рядом в хороших домах со всеми удобствами, каких честные труженики иметь не могут. Иногда в таких лачугах нет даже водопроводного крана, не говоря уже о ванной и туалете. Дрова, уголь и прочее, включая электроосвещение, отставник должен оплачивать и „доставать“ сам. Кроме этого, он должен ежемесячно выплачивать хозяину хижины от 50 до 90 рублей „за постой“. Года через полтора-два мучения отставника завершаются получением квартиры где-нибудь на дальней городской окраине. Желающие получить квартиру в хорошем районе города должны бесплатно отработать на государство год или два.

Выше мы перечислили всего семь из числа всех расходных статей бюджета офицерской семьи. На самом деле их гораздо больше. Мы решили не злоупотреблять

временем читателя и кратко поведаем о быте офицерских семей, обитающих на „точках“ и по „дырам“.⁵⁾

Близ каждой более-менее значительной войсковой части расположена так называемая зона военного городка или, проще, военгородок. В некоторых местах военгородки выглядят вполне прилично, напоминая сравнительно благоустроенные поселки городского типа. Городки при ракетодромах совсем хороши, но в „глубинке“, по „дырам“ такое встречается, во что современный цивилизованный человек может и не поверить. На „точке“ или в „дыре“ офицерская семья обычно получает во временное (пока служит офицер в данной части) пользование маленький двухкомнатный домик, с кухней, кладовкой, крохотным сарайчиком, но... без газовой плиты, без парового отопления, без душа, без ванной, без туалета и даже без воды! Краны в офицерских домах ремонтировать не приходится, их просто нет. Конечно, нет никаких автогаражей, поскольку почти никто из офицеров не может позволить себе роскоши приобрести собственный автомобиль. Еду жены офицеров готовят на керосинках, дом отапливают при помощи двух маленьких скверных печей, употребляя дрова и уголь. Горячую воду для мытья посуды, стирки белья и собственного омовения разогревают всё на тех же вонючих керосинках, используя большие цинковые баки-„выварки“, тазы и кастрюли. Коромысло – обычный предмет обихода в доме, т.к. воду приходится носить издалека, иногда чуть ли не за полкилометра. „Колонки“ стоят редко и хорошо тем, кто живет близко от них. Домики не имеют дворов, завести сад или огород нет никакой возможности. Приблизительно на каждые 20-25 офицерских домиков приходится один, стоящий в отдалении, „выгребной“ двухместный деревянный туалетик, насквозь продуваемый и промокаемый. В любую погоду даже большие обитатели городка навещают его столько раз, сколько диктуют человеческие потребности. В некотором отношении бытовые условия солдатской жизни лучше офицерской. Забот и проблем у каждой офицерской семьи куда больше, чем

могут представить себе люди посторонние.

Беспокойства и тревог тоже хватает. Воинская служба иногда сопряжена с большим риском. На каждом крупном учении то покалечится кто-нибудь, то погибнет. А какой женщине с детьми охота вдовствовать? Вот, разбились летчики. Из разных полков, но почти друг за другом. Похоронили, стали искать причину гибели. Техники все белые, все трясутся – как бы на них следователи вину напрасно не ввалили. Нет, пронесло лихо. Выяснили – недоедали летчики. Носили детям из своей столовой шоколад, сыр и прочее. В магазине это редко раздобудешь, а каждый своих детишек любит. Вот и погибли. Стали после этого строго проверять, всё ли положенное летчики съедают и не носят ли тайно домой свои пайки. Летчик то он летчик, а самолет миллионы стоит. Технику надо беречь.

Армейская служба трудна. Солдат знает эту собачью службу два года, офицер – минимум двадцать лет. Вот почему отставники редко живут долго. До возраста абхазских пастухов никто из офицеров не дожил и вряд ли когда доживет. Пасты баранов все-таки легче, чем дни напролет превращать в солдат толпы вчерашних школьников.

По нашему глубокому убеждению, офицеров Советской Армии нельзя выделять в особое привилегированное сословие, огульно занося в списки ревнителей и охранников большевизма.

Имей офицеры привилегии, на них не распространялся бы запрет жить после увольнения в ряде крупных столичных и курортных городов СССР. В лучших городах страны отставник может поселиться в двух случаях – либо он родился в этом городе, либо здесь завершил свою службу и имеет право на квартиру. Имей офицеры привилегии, они не стали бы работать после выхода на пенсию совершенно даром, бесплатно, год или более за право получения положенной ему государственной квартиры в хорошем районе города, а не там, где обычно расселяют отставников по распоряжению „свыше“. Имей

офицеры привилегии, не стали бы они рисковать жизнью, пряча шоколадки для своих детей, а пользовались бы обычным для партийно-советского начальства и кагебистов „закрытым“ для армии и народа продовольственным спецраспределителем.⁶⁾ Человеческое достоинство офицера, его права и свобода ежедневно попираются партийными правителями так же, как попираются права и свобода всех остальных рабов КПСС. Советские офицеры – не правящий, а управляемый слой населения России. Советские офицеры – часть народа, прекрасно обученная военному делу. Это и есть главное. На это должны в первую очередь обратить внимание как друзья, так и враги России.

Примечания

1) „Блатные“ – истолковывается по-разному. Чаще всего под „блатными“ подразумевают всех нечестных людей, использующих свое положение и знакомства для извлечения нелегальных доходов или получения иных материальных выгод незаконным путем.

2) „Мобутовка“ – рубашка с коротким рукавом. Принадлежность летней формы для жарких районов. Эта новая форма напоминала форму солдат и офицеров Конголезской армии Мобуту Сесе Секу.

3) „Стратегическое“ мясо – замороженное мясо сине-черного цвета из так называемых „стратегических“ запасов на случай войны. При обновлении этих запасов часть мяса, подлежащего списанию за дальнейшей непригодностью к хранению и употреблению, „реализуется“ офицерам и собакам Пограничных Войск. Офицеры приобретают это мясо по государственным ценам, собаки получают его бесплатно.

4) Талоны – обычные листы машинописной бумаги с проставленными на них печатями войсковой части. Каждая печать дает право на покупку 500 гр. „стратегического“ мяса. Деньги за такие талоны-печати высчитываются из офицерской заработной платы. Срок действительности талонов не ограничен. Ограничено только количество полагающихся на семью талонов. Холостые офицеры права на талоны не имеют.

5) „Точки“ и „дыры“ – самые глухие места, удаленные от крупных городов, как правило, в нездоровых климатических зонах. „Точка“ отличается от „дыры“ только своими „размерами“ – это всего несколько домиков вблизи расположения мелкого военного объекта и т.п. „Дыра“ – более крупный гарнизон.

6) Закрытый продовольственный распределитель – продуктовый склад-магазин, услугами которого пользуются привилегированные слои населения СССР. В армии к таким распределителям имеют доступ представители высшего генералитета. Обычные армейские генералы и офицеры доступа к спецраспределителям не имеют. В спецраспределителях находятся продукты, недоступные простым людям, например – паюсная икра, копченая осетрина, „заморские“ фрукты и т.д.

НАШИ ВЕСТИ

**Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным**

**Редактор Н. Н. Протополов
Казначей А. А. Пустовойтенко**

**Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов**

Подписку направлять по адресу:

**NASHI VESTI,
P. O. Box 5741,
Presidio of Monterey, CA 93940, USA**

А. Яремчук 2-й
РУССКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ
В ИСПАНИИ

Впервые в русском зарубежье вышла книга об участии белых русских добровольцев в гражданской войне в Испании в войсках генерала Франко. Часть книги составляет дневник одного из участников этой войны, который велся изо дня в день с 1936 по 1939 г. Кроме того в книгу включены письма и воспоминания многих русских добровольцев и описания их дальнейшей судьбы.

В книге много фотографий того времени.

376 стр. Цена книги 16 ам. долларов. Пересылка 1 доллар.

Заказы направлять:
GLOBUS PUBLISHERS, P.O.Box 27471
San Francisco, Ca.94127 USA

На складе издательства «Глобус» имеются следующие книги:

Ф.П.Богатырчук, „Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту“, с фотографиями. Цена 16 долл.

С.Стенберг, „Андрей Андреевич Власов“, с фотографиями. Цена 15 долл.

В. П. Артемьев, „Первая дивизия РОА“, с фотографиями. Цена 12 долл.

Станислав Аиски, „Предательство и измена - войска генерала Власова в Чехии“, с редчайшими фотографиями. Цена 21 долл.

К.Кромиади, „За землю, за волю...“, с фотографиями. Цена 15 долл.

„После Платлинга“, Сборник произведений, посвященных мученически погибшим героям, борцам за русское дело. Цена 3 долл.

Ю.Ветохин

ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

После опубликования моей книги «Склонен к побегу» на русском языке ко мне стало приходиться много писем, в которых читатели интересовались тем, как сложилась моя жизнь на Западе. В предлагаемой статье я постараюсь ответить на этот вопрос.

Моя книга кончается на том, как я вылетел из Индонезии в Грецию, где Соединенные Штаты создали крупный пункт для оформления документов выезжающих в США эмигрантов и беженцев из коммунистических стран. В Афинах меня никто не встретил. Когда все пассажиры разошлись, я подошел к греческим таможенным чиновникам и стал им объяснять, кто я. Долгое время они ничего не могли понять. Наконец, созвонились с полицией и часа через два за мной приехала машина. Человек в штатском привез меня сперва в полицейское управление, где я заполнил короткую анкету, а потом проводил в номер гостиницы, и сразу, попрощавшись, ушел.

Я очутился в скромном одноместном номере большой гостиницы, которая, однако, находилась в самом центре Афин. Я оставил в номере свой чемодан и вышел на улицу. Вокруг кипела жизнь. Я пошел наугад и увидел сад, в котором росли лимонные и апельсиновые деревья. Зрелые плоды висели на ветках и валялись на земле. Дальше шли бесчисленные магазины, которые ломались от товаров и продуктов питания. На витрине книжного магазина спокойно соседствовали книжки с портретами Гитлера и Сталина. Постепенно я дошел до исторических мест, о которых много слышал и читал. Но в первый день

я не пошел осматривать их. Мне захотелось есть. У меня было 25 рублей. Я решил поменять их на драхмы и пообедать на них. Но оказалось, что ближайший банк был закрыт. Я понял, что служащие банка бастуют. Пошел в другой банк – то же самое. В третий – опять забастовка. Пришлось идти в свой номер, где я и лег спать натошак.

На следующее утро я отправился в американское посольство. Там меня приняли радушно и дали нужные объяснения. Оказалось, что причиной всему было мое плохое знание английского языка, требования к которому в Греции были выше, чем в Индонезии.

Мне сообщили, что у администратора гостиницы я буду ежедневно получать деньги на обед и ужин, а завтракать буду в баре гостиницы бесплатно. Три раза в неделю специальный автобус будет возить постояльцев гостиницы, которые в основном были эмигрантами, в школу для изучения английского языка. Оформление документов и прочие вопросы будут решаться не в посольстве, а в специальном эмигрантском центре, возглавляемом госпожей Лидорикис.

Госпожа Лидорикис представляла собой женщину, полную брызжущей через край энергии. Все кипело в её руках и все получалось хорошо. Ни ссор, ни недоразумений не было возле нее. Все спорилось быстро, надёжно и эмигранты всегда окружали её с улыбками на лицах. Подстать ей были и две её помощницы. Узнав о том, что у меня нет часов, г-жа Лидорикис подарила мне ручные часы, а также дала мне писчую бумагу для восстановления моей книги. Она выписала мне направление в специальный склад, где мне выдали одежду. Однако спрашивать меня о побеге или о положении в СССР у нее не было времени. Не было на это времени и у генерального комиссара ООН по беженцам, хотя для бесед с представителями нацменьшинств, которые выехали из СССР, у него время нашлось. Для встречи с представителем нацменьшинства, легально выехавшим из СССР вместе с семьей, из ФРГ прилетел специальный репортер телевидения. Он долго интервьюировал этого представи-

теля, снимал его на фоне древних дворцов и храмов, водил в рестораны. Когда этот человек рассказал репортеру об „одном русском, который совершил побег вплавь, а перед этим пробыл 10 лет в спецбольнице, и теперь живет в соседнем номере“, то немецкий репортер ответил, что у него нет времени для разговора с этим русским.

В Афинах я нашел нашу церковь и попросил священника отслужить благодарственный молебен, что он с большой готовностью и сделал. Русская церковь оказалась центром для русских людей, населяющих прилегающие районы. Там же была довольно хорошая библиотека. Я брал в библиотеке книги Достоевского, Орвелла и других авторов, но книг Солженицына не читал. Я это делал умышленно – чтобы его влияние не сказалось на моей собственной книге. Я прочел «Архипелаг ГУЛАГ» уже в США, когда восстановление моей книги было полностью закончено.

Оформление документов заняло около четырех месяцев. За это время я закончил восстановление по памяти своей книги и познакомился с греческой столицей. Я встретил в газете имя Юрия Белова и через редакцию узнал его адрес в Западной Германии. Мы обменялись письмами и поговорили по телефону. Белов прислал мне немного денег, на которые я смог купить икону, библию, серебрянный нательный крест и сделал для него копии нескольких отрывков из моей книги.

В Нью-Йорк я прилетел 5 июня 1980 года. Я очутился в свободной стране, где никто не боится выражать вслух свое мнение о правительстве и критиковать его; в стране, где нет прописки и обязательной трудовой повинности; в стране, где тот пищевой продукт считается лучше, который имеет меньше калорий; в стране, где не знают очередей в магазины; в стране, где одежда и обувь стоят так дешево, что некоторые люди, чтобы выделиться, ходят почти совсем без одежды и босиком. Вместе со мной прилетело много легальных эмигрантов. Нас всех поселили в скромную гостиницу, но тоже в центре Нью-Йорка, как раньше это было в центре Афин. Католическая

организация заботилась обо всех нас: она оплачивала место в гостинице и давала 5 долларов в день на питание. Я купил себе электроплитку еще в Афинах и теперь тоже воспользовался ею для приготовления себе пищи в номере. Так что мне хватало этих денег.

Теперь я уже думал об издании своей книги. В католической организации в ответ на мою просьбу помочь советом мне дали четыре адреса:

адрес „Хроники-Пресс“, возглавляемой г-ном Чалидзе;

адрес радиостанции „Свобода“;

адрес „Толстовского фонда“ и

телефон г-жи Людмилы Торн из „Фридом Хауз“.

В Советском Союзе мне приходилось слышать имя Чалидзе рядом с именем Солженицына и поэтому я думал, что они имеют сходные политические взгляды. Квартира и контора г-на Чалидзе оказались в большом красивом доме, почти в центре Нью-Йорка. У парадной двери меня встретил швейцар и проводил в лифте до самой квартиры. На мой звонок ответа не было и тогда швейцар показал мне контору. Дверь конторы открыла молодая женщина и узнав кто я, пригласила войти. Внутри была еще одна молодая женщина и стояли столы и полки, на которых находились брошюры „Хроника-Пресс“. Я коротко рассказал женщинам о себе и спросил их, не может ли г-н Чалидзе помочь мне с опубликованием моей книги. Меня выслушали, но вопросов не задавали. Женщины только спросили где я остановился и дали мне свой телефон, чтобы я позвонил им в 5 часов вечера, когда они уже расскажут обо мне г-ну Чалидзе.

Перед уходом я спросил их, как мне найти русскую церковь.

– Церковь? – удивились женщины. Потом подумали и вспомнили, что они видели русскую церковь на соседней улице.

„Наверное я не туда попал? – мелькнула у меня мысль. Но все же я оставил им для чтения брошюру Юрия Белова «Не только о Сычевке», которую он прислал перед моим отъездом из Афин.

Когда я позвонил ровно в 5 часов по указанному телефону мне ответил автомат на английском языке. Я позвонил еще – тоже самое. Больше я звонить не стал и ко мне тоже звонков от них не было.

Зато я позвонил г-же Людмиле Торн. Мне ответила по-русски какая-то женщина и сообщила, что г-жа Торн очень занята, так как она разговаривает по телефону с женой Солженицына. В другой раз г-жа Торн оказалась не занятой и у нас произошел такой разговор:

— Я – беженец из Советского Союза, — сказал я и назвал свое имя. — Я пробыл почти 10 лет в Днепропетровской спецбольнице, а после освобождения бежал вплавь, спрыгнув с туристского теплохода в Молуккском море. У меня написана книга о моем побеге и о Днепропетровском концлагере. Не могли бы вы помочь мне с ее опубликованием?

— Нет, не могу, — ответила г-жа Торн. — Вот, если бы вы сами остались в Советском Союзе, а рукопись книги переправили нам, тогда бы я помогла её опубликовать. А раз вы сами здесь, то я ничем помочь вам не могу!

У меня не хватило чувства юмора, чтобы пообещать ей вернуться обратно в обмен на ее помощь с книгой, Я просто повесил трубку.

Контора фонда Льва Толстого напоминала собой бухгалтерию: несколько составленных вместе столов, а за столами – озабоченные женщины. Меня пригласили сесть на стул, придвинутый вплотную к одному из столов.

— Какое у вас к нам дело? — спросила женщина.

Я коротко рассказал о себе и более подробно – о рукописи книги.

— А кто ваш спонсор?

— Я не понял.

— Кто вас привез в Америку? Кто заботится о вас?

— Католическая организация, — я назвал её.

— Ну вот к ней и обращайтесь. Раз ваш спонсор католическая организация, то мы вам ничем помочь не можем.

Мне стало не по себе. Имея спонсора, я зачем-то пришел еще к ним, к занятым людям – докучать своими

просьбами! Как будто, в голодное время незаконно пытался получить вторую хлебную карточку...

На радиостанции „Свобода“ я впервые почувствовал себя в радушной обстановке. Владимир Иванович Юрасов завел меня в свой кабинет, где висел большой портрет генерала Григоренко, и усадил в удобное кресло. Просто, по-дружески он рассказал мне свою жизнь, а потом стал расспрашивать о моей. Тут же достал собственную книгу «Паралакс» и подарил мне с дарственной подписью. Потом он рассказал мне о порядке публикации книг в Америке по собственному опыту и я все это записал. Владимир Иванович позвонил редактору „Нового Русского Слова“ г-ну Андрею Седых, который взял у меня интервью и заплатил за него 50 долларов. Он же помог мне купить подержанную пишущую машинку, дав об этом объявление в своей газете.

На другой день радиостанция „Свобода“ тоже взяла у меня интервью. Потом ко мне в гости пришел представитель НТС и дал мне 10 долларов. И наконец, я получил около 5 долларов за мои 25 рублей в одном из обменных пунктов. Так что я смог даже один раз сходить в нью-йоркский театр и купил англо-русский и русско-английский словари. Однако, с публикацией книги не было никаких предложений. Больше жить в Нью-Йорке мне не хотелось и при первой возможности я уехал из этого города. Накануне отъезда я позвонил сотрудницам г-на Чалидзе:

— Я уезжаю и боюсь, что не застану вас дома. А у вас моя брошюра, Оставьте ее, пожалуйста, у швейцара, а я сейчас приеду за ней.

Когда я приехал к их дому, брошюра Белова оказалась у швейцара. Не знаю, читал ли ее кто-нибудь.

*

Я приехал в южный город Сан-Диего, находящийся в штате Калифорния. К этому времени уже две газеты – „Русская Мысль“ в Париже и „Новое Русское Слово“ в

Нью-Йорке – опубликовали статьи о моем побеге и русские эмигранты, проживающие в Сан-Диего и объединенные вокруг двух русских церквей, знали обо мне из этих газет. Я встретил исключительно радушный прием. Особенно хочу отметить отца Михаила Желнеронка, который является душой прихожан русской церкви, интересуется их проблемами и старается помочь чем только может. Отец Михаил – образец настоящего русского священника!

Через несколько дней после моего приезда в Сан-Диего почти все местные газеты опубликовали сообщения обо мне или интервью со мной, а телевидение показало зрителям рукопись моей книги и некоторые иллюстрации к ней. Сразу же стали приходиться письма от американцев. Одни из них поздравляли меня с благополучным завершением побега, другие посылали денежные чеки, третьи, как например, Джоргия де Вер, – предлагали одежду и помощь при перепечатывании книги.

Однажды пришел молодой человек, который сказал, что он знаком с самим Мухаммедом Али и что теперь он собирается в Рим, чтобы познакомиться с Папой Римским. Так что, он может сделать для меня все, что я пожелаю. Я поблагодарил его и сказал, что вряд ли мне что-нибудь нужно от Мухаммеда Али.

Но тут я встретил американца, который на самом деле сделал для меня очень много и стал моим другом и спонсором. Вильям Линч, бизнесмен из Айовы, прочитал обо мне в газете и, по собственным его словам, был настолько поражен моей историей, что не мог ее забыть, пока ему в голову не пришла мысль – оказать мне помощь в новой стране. Он пригласил меня на свое ранчо, где меня радушно встретила его жена Донна и сестра Джулли Врай, впоследствии тоже очень много помогавшая мне. Будучи деловым человеком и консерватором по убеждениям, мистер Линч сразу понял какое значение имеет моя книга и оказал ей максимальное внимание. Сразу же с моей рукописи были сняты несколько копий и направлены в разные места, чтобы никакая слу-

чайность не могла бы привести к порче или гибели рукописи. Потом Билл Линч снабдил меня деньгами и предоставил работу.

По обоюдному соглашению мы решили сперва опубликовать книгу на английском языке, а потом – на русском. Через год был сделан черновой перевод книги и я послал сообщение о содержании книги и образцы чернового перевода примерно в 60 издательств. Никто не заинтересовался. Тогда мистер Линч нашел литературного агента и американского писателя, который согласился за солидное вознаграждение переписать имеющийся черновой перевод „американским литературным языком“.

Тут начались неприятности. Американский писатель с первого раза неприятно поразил меня своими суждениями: „Ваша книга прежде всего должна развлекать, развлекать, развлекать!“ – повторял он без конца.

– Но я не собираюсь никого развлекать страданиями русского народа, – возражал я ему. Он меня не слушал и твердил свое:

– Я сам знаю как сделать, чтобы **продать** вашу книгу наилучшим образом!

И опять слово „продать“ вместо „опубликовать“ резало мой слух.

*

Но мне было трудно спорить с ним. Английский разговорный язык по-прежнему был у меня камнем преткновения, хотя я уже прошел курсы изучения его, где, по американскому обычаю, мне платили за каждый час присутствия на занятиях 3 доллара с лишним. Я с удивлением вспоминал, что в Индонезии моего знания английского языка хватало на то, чтобы объясняться со всеми. Случалось даже вести дискуссии. Однажды в дом, где я жил в Джакарте, приехал генерал из Департамента Полиции. Хозяйка сварила нам какао и поставила на стол пирожки. Попивая какао с пирожками, мы беседовали на всевозможные темы и особенно много – о блокаде

Ленинграда, о которой к моему удивлению генерал имел неплохое представление. Видимо, Индонезии надо было пережить такие ужасные потрясения, чтобы её государственные деятели научились интересоваться правдой о коммунизме! Мы беседовали с генералом на английском языке и удовлетворительно понимали друг друга, даже спорили. Когда же я появился в Америке, то оказалось, что я не знал правильного произношения ни одного английского слова! К кому бы я ни обращался, никто меня не понимал. И я тоже никого не понимал. И уж, конечно, я не мог уловить скороговорку по телевидению. Для меня речь диктора сливалась в один сплошной шум. Поэтому я был вынужден, как когда-то в Ленинграде, слушать последние известия передаваемые по-русски „Голосом Америки“.

И вот, в одну из таких передач (7 июля 1981 года), я услышал почти часовую программу о новой книге г-на Чалидзе. Книга называлась «Победитель коммунизма» и содержала утверждение автора о том, что Сталин, якобы, в годы чисток и репрессий уничтожил всю коммунистическую партию. Теперь в СССР, утверждал автор, существует вовсе не коммунистический строй, а нечто отличное от него. „Не будь этих сталинских чисток, – писал автор, – то сейчас народы России жили бы хорошо“. Так и ожидалось последующие слова г-на Чалидзе: „Дайте мне вас возглавить! Я лучше всех знаю, что такое настоящий коммунизм! Я вам на голову построю такой коммунизм, от которого вы никогда не опомнитесь!“ Но произнесены эти слова не были. Они только подразумевались. Зато вслух лились славословия в адрес Ленина и Маркса и цитировались слова г-на Чалидзе о том, что „Маркс воплотил в науку вековые чаяния людей о равенстве“ – не больше и не меньше! Потом было интервью радиостанции „Голос Америки“ с автором. В своем интервью г-н Чалидзе заявил следующее:

„Если диссидентское движение в СССР будет достаточно сильным и если они (диссиденты) сумеют **доказать** (как доказать? чем доказать? сотрудничеством с комму-

нистическими властями? – прим. автора статьи), что они **не покушаются на их (коммунистов) монопольную власть**, а только хотят некоторых гражданских прав, то коммунисты дадут им эти права!“

И опять г-н Чалидзе не договорил свою мысль: „Тогда коммунисты не только дадут права (диссидентам, конечно), но и персональные дачи, привилегии и ордена... все-все, что полагается давать в таких случаях и таким людям!“

В тот день мне стало понятно, почему г-н Чалидзе не захотел встретиться со мной, когда я был в Нью-Йорке: не того поля ягода!

Для тех, кто в годы войны призывал народ к сотрудничеству с фашистскими оккупантами, до сих пор существует только одна характеристика: преступление. А вот, для оправдания аналогичных действий, направленных на увековечивание самозванного, террористического и рабовладельческого режима в СССР, на Западе изобрели вполне безобидное слово – „плюрализм“! Хорошо, пусть будет плюрализм. Тогда хочется задать вопрос: „А предоставил ли „Голос Америки“ аналогичную трибуну представителю противоположной точки зрения – великому русскому писателю Солженицыну? Кажется, нет. Возможно, я пропустил такую передачу, но и мои друзья тоже не припомнят такого случая, чтобы „Голос Америки“ когда-нибудь посвятил целый час своей передачи Солженицыну, а вот Чалидзе – пожалуйста!

Я слушал передачу „Голоса Америки“, которая изливалась на головы несчастных жителей Советского Союза махровую коммунистическую пропаганду во имя какого-то пресловутого плюрализма, из самого сердца свободного мира, из Нью-Йорка, где жил и писал свои произведения г-н Чалидзе – новозажженная звезда на небосводе прокоммунистической литературы, и вспоминал стихи Маяковского:

грацию из СССР и готовившемуся к побегу, зная, что шанс на успех – только один из ста!

Мы все помним, что упомянутый закон не был принят Конгрессом США исключительно по вине советского правительства, которое слишком поторопилось с оккупацией Афганистана, что в свою очередь поставило под угрозу нефтеносные районы Ближнего Востока.

*

Писатель, переписывавший мою книгу „американским языком“. получал деньги за свою работу не от меня, а от Билла Линча. Видимо поэтому он решил, что со мной не стоит считаться. Требования не изменять политического и религиозного духа книги, которые были записаны в нашем соглашении, он полностью игнорировал. По поводу последней, VII части моей книги „Размышления советского политзаключенного“ он заявил, что „не допустит её в английскую книгу“. Такой же приговор он вынес главе „За грибами“. Не понравился ему и тот факт, что после пленения немцы освободили солдата Фетишева. Эту „историческую несправедливость“ он исправил одним росчерком пера и запрятал Фетишева задним числом в немецкий концлагерь. Питал он также личную антипатию к русской монархии. Для того, чтобы выразить эту антипатию, он ввел новый абзац, которого не было у меня, где осыпал насмешками русскую императрицу Екатерину Великую. Дальше-больше. „Не надо никаких политических сентенций и выводов!“, – утверждал он. – „Читатель сам будет следить за вашими приключениями и сам все поймет.“ Он выбросил мои политические отступления, а заодно и биографии Гурьева и Иоанновича, которые его не устраивали, а также – все эпитафии из книги Орвелла «1984» и все названия глав. А то, что ему не нравилось из оставшегося – он попросту переделал на либеральный лад.

Я написал ему письмо с требованием придерживаться соглашения и чаще встречаться со мной для обсуждения

текущих планов работы над рукописью. В ответ писатель заявил, что вообще встречаться со мной не желает, пока не закончит всю работу над книгой. К большому огорчению моего друга Билла Линча мне пришлось разорвать договор с этим писателем, а также и с литературным агентом, который принял сторону писателя. Однако уже после разрыва договора, литературный агент показал рукопись писателя местному издательству и оно прислало мне письмо с выражением желания опубликовать эту „либеральную“ версию моей книги. И опять, к огорчению мистера Линча, я ответил отказом, предложив издательству принять к изданию мою собственную версию книги. На это издательство в свою очередь ответило отказом.

*

Я часто думал о своих тюремных товарищах и пытался узнать об их судьбе. Да разве можно было забыть их, если каждую ночь мне снились кошмарные сны из концлагерной жизни и проснувшись, я благодарил Господа Бога за то, что это был всего лишь сон. Но для моих товарищей это по-прежнему была реальная жизнь. Кое-что мне удалось узнать. Сашу Полежаева перевели в другую спецбольницу, где-то в Прибалтике. Александра Шатравку освободили, но по чьему-то доносу пришли арестовывать снова. На этот раз – за написание книги о Днепропетровской спецбольнице. Александр выпрыгнул в окно и долго скрывался. Наконец его поймали и отправили в один из сибирских концлагерей, где он объявил бессрочную голодовку. Во время своего короткого пребывания на свободе Шатравка передал на Запад великолепную статью, которая была опубликована. Юрий Белов занял прочное положение в политической жизни Западной Германии. Ниязы Дедабаш после освобождения из тюрьмы вернулся в Турцию и теперь живет с женой и тремя детьми в сельской местности. Мы переписываемся с ним и он уже прочитал мою книгу. Муравьев очень

болен. Он живет в Донецке. Мне удалось послать ему несколько посылок и есть основания надеяться, что большинство из них он получил.

Из других упомянутых в моей книге лиц Игорь Ефимов и Иосиф Бродский эмигрировали в США, где теперь занимаются литературной деятельностью. Владимир Марамзин эмигрировал во Францию и в Париже обосновал литературный журнал, разрабатывающий проблемы чистого искусства.

До меня также дошли сведения о том, что в Советском Союзе знают о моем побеге. Спасибо за это „Голосу Америки“. Московский корреспондент „Уолл Стрит Джорнал“ мистер Дэвид Саттер прислал мне письмо, в котором передает привет от моих тюремных друзей, с которыми ему довелось встретиться в Москве. (Естественно, я не называю их имена). Они слышали подробности о моем побеге по „Голосу Америки“ и просили корреспондента выразить мне свое восхищение и уважение, если он когда-либо встретит меня в Америке.

С первых дней моего приезда в Сан-Диего меня начали приглашать в местные клубы, колледжи и церкви для лекций и выступлений. Но слушали из вежливости, вопросы задавали пустяковые. Людям было интересно посмотреть на пловца на сверх-дальние дистанции, но слушать о страданиях русского народа не хотелось. Было видно, что мне не верили или просто не вникали, когда я говорил об этих вещах, хотя хлопали, преподносили памятные подарки, исполняли в мою честь русскую музыку. Вот как описывает корреспондент газеты „Ридер“ миссис Джанетт Де Вайс одну из таких моих лекций в „Ротари-клуб“.

„В этот жаркий июньский день Юрий сидел во главе стола в Бронзовом Зале Ла Мезы и медленно пережевывал фруктовый салат, в то время, как сзади его кто-то исполнял на пианино в его честь тему Лары из кинофильма „Доктор Живаго“. В 12 часов 30 минут он встал вместе с другими членами „Ротари-клуба“, чтобы приветствовать флаг Соединенных Штатов. Затем он молча

прослушал, как присутствующие пропели в его честь „Смелый человек“ и „Невероятная мечта“. Его спокойствие контрастировало с шалостями членов клуба. Во время деловой части собрания члены клуба вели себя как бойскауты. Они лаяли и отпускали саркастические замечания в адрес председателя.

Около часу дня председатель представил собравшимся Юрия. Все тепло заплотировали ему. Затем Юрий стал читать одну из глав своей книги. Русский акцент мешал пониманию его рассказа. Хорошо поевшие представители деловой и финансовой элиты выглядели оцепенелыми. Когда Юрий кончил чтение, они задали только несколько вопросов и сразу после этого поспешили за дверь. Я смотрела на Юрия и старалась догадаться: что он сейчас думает о них?“

Однако были и такие люди, которые с искренней непосредственностью интересовались моим побегом, его причинами и вообще жизнью в Советском Союзе. Увы, сказывалось, что все они имели слишком поверхностное представление о жизни в коммунистической стране. Это поверхностное представление касалось политики, экономики (никто не хотел верить, что в СССР нет ни „вельфера“, ни пособий по безработице) и даже географии (они часто не знали где находится Владивосток, где Черное море).

По природе американцы – очень хорошие люди: добрые, отзывчивые, веселые и не склонны к крикам и брани. Но в большинстве случаев они совершенно аполитичны. Иными словами, они – политически незащищенные. А разве можно теперь прожить незащищенным, когда во всем мире свирепствуют коммунистические бандиты? Я имею в виду не военную защиту, её мало, но – политическую, моральную защиту, то-есть умение отличать замаскированную коммунистическую пропаганду и умение отвергать её без колебаний.

Насколько велика эта незащищенность и одновременно насколько сильна коммунистическая пропаганда видно из такого примера. Однажды меня пригласили в Гроссмонд-

Колледж прочесть лекцию „КГБ и кагебешники“. Как положено, заранее был согласован день и час лекции, была выделена аудитория и мне и всем моим гостям администрация прислала путевые карты и специальные пропуска для машин на зарезервированные места стоянок.

Когда в назначенный день я явился в Колледж, то первым делом мне бросился в глаза плакат, на котором сажеными буквами было выведено: „Все студенты приглашаются в кинозал на просмотр документального фильма «Партизаны Сальвадора». Время начала фильма точно совпадало со временем начала моей лекции.

- Что это значит? - спросил я у администратора.

- Это наш принцип: студенты должны иметь возможность выбора, на какую лекцию им идти, - ответил администратор.

Но выбора не было. Рядом с этим большим объявлением не было никакого другого - ни маленького, ни большого.

Все-таки, каким-то чудом прослышав о моей лекции, в зал пришло с десятков студентов (в Колледже учился около трех тысяч студентов!). Один студент сел в первом ряду и установил довольно громоздкую звукозаписывающую аппаратуру. Во время моей лекции он не сводил с меня глаз и в то же время работал его аппарат. Когда лекция кончилась этот студент задал мне такой вопрос:

- Почему наши профессора никогда не рассказывают нам о том, о чем вы говорили сегодня?

Конечно, это был риторический вопрос, не требующий ответа. И я соответственно сказал:

- Об этом лучше спросите у самих профессоров.

А потом я поинтересовался:

- А зачем вы записывали мою лекцию на магнитофоне?

- Чтобы мои товарищи могли услышать её. Они все пошли в кино, на коммунистов смотреть, а потом будут жалеть, что пропустили вашу лекцию.

Вот для этого студента, который хочет знать правду о коммунизме и хочет поделиться этой правдой со своими товарищами, для него и ему подобных, хотя их и не

очень много, я бы хотел опубликовать свою книгу по-английски.

Познакомиться со мною изъявили желание два университетских профессора, один из которых преподает русскую литературу. Мы встретились и провели долгое время вместе, беседуя о русских и русскоязычных писателях. Оказалось, что профессор русской литературы знает буквально все имена, которые знаю я, он покупает и читает их произведения. Беседуя со мной профессор старался пополнить свои знания об этих современных писателях. Единственно, о чем профессора не задали мне ни одного вопроса, это - о моей собственной книге. И уж конечно, они не заикнулись об её покупке. Разве можно? Ведь я - антикоммунист, а они - либеральные профессора! Не знаю, что им грозило в случае обнаружения у них моей книги. Может быть увольнение?!

В том положении, что среди американской интеллигенции сейчас не в моде антикоммунизм, а моден, наоборот, марксизм, я вижу много общего с ситуацией, которая существовала в России перед обеими революциями. Кто мне не верит может прочитать роман Достоевского «Бесы». Этот роман написан 100 лет назад, но многие персонажи, особенно профессор Верховенский и Николай Ставрогин - как будто списаны с портретов ныне живущих профессоров и интеллигентов. А они-то вероятно думают о себе, что они - оригинальны и неповторимы!

*

В Сан-Диего для прочтения лекции приехал известный американский поэт и консервативный писатель Джон Гарднер. Билл Линч познакомился с ним в клубе, пригласил к себе на ранчо и показал ему мою книгу. Владея русским языком мистер Гарднер прочитал мою книгу в подлиннике и она произвела на него сильное впечатление. Он очень хвалил язык, которым написана книга, и восторгался мелкими деталями, которые помогли ему

полнее представить всю картину. Он даже назвал меня за это поэтом. Мистер Гарднер ни в коем случае не советовал мне соглашаться на опубликование „либерального“ варианта книги, который он назвал „не моей книгой“. Гарднер обещал мне найти издателя, который опубликует книгу без всяких изменений.

Однако люди предполагают, а Бог располагает. Через несколько дней после возвращения в Нью-Йорк, Гарднер погиб в мотоциклетной катастрофе, о чем сообщили все американские газеты и телевидение.

Невеста мистера Гарднера позвонила в Сан-Диего и сказала Биллу Линчу, что перед своей смертью её жених все-таки успел переговорить о моей книге с издательством Харпер энд Роу в Нью-Йорке и редактор выразил желание ознакомиться с рукописью. Билл Линч позвонил в издательство и издатель попросил его срочно прислать мою рукопись. Рукопись была послана ночным экспресом и через несколько дней Билл Линч получил от редактора мистера Солотарова ответ, который мне кажется настолько красноречивым, что его следует привести полностью:

„Я просмотрел эту рукопись быстро и не нашел, что она может быть опубликована в её теперешнем виде. Мое впечатление от её чтения состоит в том, что автор – оригинальный дилетант в литературе, который неспособен создать отчетливый рассказ о своих переживаниях и вызвать интерес у читателя. Я представляю себе, что если бы я сидел часами и слушал устный рассказ о его жизни, это было бы то же самое, как и чтение его версии – несерьезной, вычурно-пророческой и скучной.

Проблема усложнена еще и тем фактом, что уже было огромное число публикаций о советских методах лечения и его оппонционерах. Так как трудно продать больше чем несколько тысяч книг Синявского или Плюща*, я не думаю, что какой-либо издатель возмет на себя риск и расходы для перевода этой рукописи.

Я сожалею, что не могу ободрить Вас.

Искренне Тэд Солотаров.“

Приписка от руки к звездочке у слова „Плюща“: „Оба они - первоклассные авторы“.

Пусть читатель обратит внимание на то, как классифицирует уважаемый деятель американской культуры коммунистические пытки и убийства в спецбольницах с так называемых непредвзятых позиций. У него - это лишь „советские методы лечения“ (очевидно, ничуть не хуже, чем методы лечения гриппа или ангины), и согласно Солотарову они „имеют оппозиционеров“ (слово-то какое!), как имеются оппозиционеры приему аспирина или слабительного во время ангины. Каков подход, а? Интересно, к кому мистер Солотаров причисляет себя самого в глубине души: к „оппозиционерам“ или же - к верным сторонникам этого прогрессивного (как все в Советском Союзе) метода „лечения“?

Для тех, кто хочет сам сделать перевод с английского, я прилагаю фотокопию этого письма.



1817

Harper & Row, Publishers, Inc.

10 East 53d Street, New York, New York 10022

Cable: Harpsam Phone: 212-593-7235

Ted Solotaroff
Senior Editor

October 22, 1982

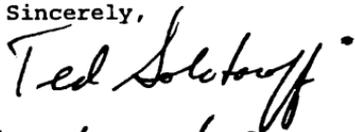
Dear Mr. Lynch,

I've gone over this manuscript in a fairly rapid way since I don't find that it has a prayer of being published in its present form. My impression from reading the translation and the excerpts is that the writer is a distinct amateur who is unable to create a narrative that does justice to his experience or to the general reader's interest. I imagine that sitting for hours listening to him tell the story would be about the same as reading it in this version--superficial, predictable and tedious.

The problem is compounded by the fact that there has been a great deal published about Soviet treatment of its dissenters. Since it's hard to sell more than a few thousand copies of Sinyavsky or Plyusch; I don't see any publisher wanting to take on the risk and expense of translating this manuscript or even investing in a reader's report.

I'm sorry that I can't be more encouraging.

Sincerely,



& both of them first-rate writers

TS/mes
Encl

*

Теперь, после всех неудач, оставалось одно – публикация книги на русском языке методом самоиздания. В этом мне помогли морально и материально два хороших русских человека, горячие патриоты своей родины – России: Нина Алексеевна Степанова и София Николаевна Александер. Набор книги сделал Николай Николаевич Петлин, а рисунки по моим эскизам – американка Дженни Мортон. Мои американские друзья привезли мне из своей туристической поездки по СССР необходимые для книги фотоснимки и в сентябре 1983 года книга вышла из печати. Я стал её распространять сам. Первые же отклики, которые я воспринял с облегчением, опровергли заключение мистера Солотарова. Все они были в высшей степени положительные. Я не буду здесь приводить цитаты из лестных для меня рецензий господ Н.Н.Петлина, Юрия Мейера, Б.С.Бровцына, Олега Красовского, а также г-жи Ефимовой и г-жи Петушковой, которые многие вероятно читали в русских газетах и журналах. Но мне хочется привести некоторые цитаты из личных писем. Вот они:

„Рада, что Вам удалось рассказать жуткую правду о Советском Союзе. Вы – не только человек-герой, но и талантливый писатель.“

/Булина, Калифорния/

„Книгу Вашу сразу же прочел от А до Я, не отрываясь. Потрясающий материал о психбольнице в Днепропетровске! Очень серьезная часть VII – Размышления советского заключенного“.

/Малов, Калифорния/

„Думаю, что Ваша книга необычайно полезна в деле борьбы против проклятого коммунизма, олицетворенного советской властью. О психотюрьмах, об их ужасах еще такого подробного сообщения мне не приходилось читать. Эта книга даже мне раскрыла глаза на очень многие вещи“.

/Стафиевский, Австралия/

„Я прочла Вашу книгу 2 раза – так была ошеломлена описанием Вашего пребывания в психотюрьме. Надо иметь дьявольское воображение, чтобы создать такие устрашающие заведения! Да! Мы были только аборигенами на нашей родине!“

/Бышевская, Нью-Джерси/

„Книга написана захватывающе. Читая её, переживаешь сам пережитое Вами. Слог у Вас не заковыристый, а конкретный и легко усваивается читателем. Поздравляю Вас от всей души за Ваш вклад в современную литературу, в которой столько – для эффекта и так мало – для души“

/Вильямс, Республика Южная Африка/

„Вашу книгу я прочел не отрываясь, с большим интересом. В ней я почерпнул больше знаний и понимания о ежедневном советском быте, чем из всех книг новейших советских эмигрантов вместе взятых“.

/Архиепископ Виталий/

„Написано очень живо, так что вместе с Вами переживаешь случившееся и невольно думаешь: Весь мир ополчился на Православную Россию и продолжает помогать советчикам, считая, что чем больше погибнет „русских варваров“, тем лучше для Запада. До их сердец не

доходят вопли невинных жертв большевистской диктатуры“.

/В. Нью-Йорк/

„Вашу книгу «Склонен к побегу» не хотят издать по-английски без предварительной цензуры, Мне это понятно хорошо. Я знаю в чьих руках находятся ТВ и издательства. Они очень боятся переворота в России и делают все возможное, чтобы этого не случилось“.

/О. Нью-Джерси/

„Ваша книга произвела на меня сильнейшее впечатление. Благодарю Господа Бога нашего за то, что Он даровал Вам свободу, здоровье и разум, необходимые на столь сильное описание всего того, что Вам пришлось испытать ради веры Православной, любви к свободе и любви к Правде. Надеюсь, что Ваша книга «Склонен к побегу» откроет многим глаза и они увидят и поймут как следует ценить, любить и бороться за свободу“.

/Александров, Канада/

„Прочла Вашу книгу и уже несколько дней я – полностью под впечатлением прочитанного. У меня нет умения рассказать все, что я чувствую, но говоря о Вас, я называю Вас: Герой из Советского Союза“.

/Казмина, Нью-Йорк/

„Первое, что бросилось нам в глаза, нам, особо много всяких новых книг читающих, что нет у тебя никакой претенциозности и написано легко, просто, без вычурностей и, что пожалуй самое главное и пожалуй необходимое здесь – с мыслью и радением об отечестве своем. Это пожалуй самое большое достоинство книги твоей. Ты знаешь, как много здесь пишут, чтоб позубоскалить над несчастьем Родины нашей, как много здесь изливают желчи и ненависти на культуру, историю нашу, как выгораживают бывших советских номенклатурщиков, а о русских уже ни слова не говорят и не пишут. На этом фоне твоя книга – истинный подарок России“.

/Юрий Белов, Западная Германия/

*

Таким образом можно подвести итоги. Имея в виду то, что я бежал за океан не в поисках счастья или богатства, а с целью опубликовать свою книгу «Склонен к побегу», я могу считать, что цель моя достигнута.

Конечно, хотелось бы увидеть книгу переведенной на другие языки мира, на которых слово „коммунизм“ еще не стало ругательным словом. Хотелось бы немного душевного тепла и немного устроенности в свои зрелые годы. Но эти простые и доступные когда-то радости стали в нашем современном мире такой же редкостью, как цветы среди зимы. А

„Коль нет цветов среди зимы,
То и грустить о них не надо!“

сказал великий русский поэт в те годы, когда несчастья на нашей родине еще только начинались. Наша беженская неустроенность имеет свою положительную сторону: она напоминает нам о том, что здесь мы находимся временно – только ограниченное время. Пока наша родина оккупирована врагом.

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

**НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ЧИТАТЕЛЯМ
АЛЬМАНАХА „ВЕЧЕ“**

приобрести замечательную, единственную в своем роде книгу

СКЛОНЕН К ПОБЕГУ

Автор книги Юрий Александрович Ветохин — русский, глубоковерующий православный человек — рассказывает о своей беспримерной, героической, длившейся 20 лет борьбе за свободу.

После двух неудачных попыток бегства из Советского Союза: вплавь из Батуми в Турцию, а затем на надувной резиновой лодке из Крыма в Турцию, Ветохин отбыл девятилетнее заключение в советских тюрьмах и в Днепропетровской психиатрической больнице специального типа. Непреклонная воля, непоколебимая вера в Господа Бога и железная целеустремленность помогли Ветохину выдержать жесточайшие пытки палачей от медицины, жертвой которых он стал в Днепропетровском психконцлагере КГБ.

Последняя попытка бегства вплавь с советского теплохода „Ильич“ в Индонезию в Молуккском море окончилась успешно. В конце 1979 года Ветохин обрел долгожданную свободу.

На 544-х страницах своей живо и увлекательно написанной книги Ветохин рассказывает о пережитом, пережитом, обдуманном и выстраданном им на пути к свободе, длившемся двадцать лет.

Книга прекрасно издана, в твердом коленкором переплете с иллюстрациями и фотографиями. Цена книги, включая пересылку, 21 американский доллар. Заказы направлять автору по адресу:

Mr. Yuri V. Vetokhin
P. O. Box 16084,
San Diego, Ca. 92116, USA

М. Мондич

ШТРАФНОЙ БАТАЛЬОН ПОВЕСТЬ

Из темного коридора нас вывели под конвоем во двор, покрытый серо-коричневым снегом. Вокруг — высокие кирпичные стены (кирпич выцвел, и я не мог определить его цвета), над головой — низкое, можно рукой достать, тяжелое небо. Я подумал, что такое небо бывает только перед снегопадом: вот-вот замелькают густые снежные хлопья.

Конвоиры — их было четверо — обступили нас со всех сторон, старший из них — в чине сержанта — махнул рукой, и мы торопливо зашагали к двум грузовикам, поджидавшим нас возле наглухо закрытых ворот. Сержант бойко распорядился:

— Девять человек в эту машину, — он показал рукой на правый грузовик, — остальные — в ту.

Я был седьмым в ряду, и попал в правый грузовик.

Думал ли я о чем-нибудь? Нет, скорее всего я ни о чем не думал, вернее, думал как-то по-особому, поверхностно, не вникая в сущность происходящего. Я не успел даже разглядеть своих ближайших соседей, правда, трудно было разглядеть их: в коридорах, где нас собирали, мы стояли лицом к стенке, на дворе же царил полутьма, и некогда было заниматься посторонними вещами.

— Лезь, лезь, не задерживайся, — торопил нас сержант. — И каждый — помни, что везем мы вас не на курорт, а в штрафной батальон, что вы — те же заключенные, только еще хуже.

Сержант, судя по всему, был веселым парнем. Одет он был не без щегольства в новую шапку-ушанку, в белый полушубок, туго перепоясанный немецким ремнем, и в валенки без калош.

Почему он кричит на нас?

Почему?

Почему?

Почему?

Я чувствовал, что волна бешенства, именно та волна, которая уже не раз захлестывала меня и всегда приводила к большим неприятностям, медленно поднимается во мне, ползет все выше, к горлу, к губам и носу, к глазам, и если не сделать над собой усилия, если сейчас же не остановить ее, не прогнать, то все опять полетит в пропасть, я полечу в пропасть, и теперь уже навсегда.

Я вскарабкался в кузов грузовика и сел рядом с низкорослым узбеком, прижавшим к груди тощий вещевой мешок.

— Боишься, что украдут? — спросил я, отгоняя от себя бешенство. — Не бойся, я не из тех, что воруют.

— Нет, нет, что ты, товарищ, я ничего не говорю.

У меня не было никаких вещей, ни-ка-ких, ни вещевого мешка, ни носового платка, ни гребешка. Я был идеальным нищим, идеальным рабом. Богатство делает человека независимым, оно помогает ему утвердиться в свободе, делает его уверенным в собственных силах. Ведь никогда не было богатых рабов. Все рабы всех времен были нищими. Почему сержант считает меня рабом? Только потому, что на нем — теплый полушубок? Не надо торжачиться.

Не надо.

Не надо.

Не надо.

Но бешеная волна, немного отпустившая меня, опять поднялась. Он — этот подлый сержант — тоже виновен. Нет, он не из тех, кто страдает, кого обманули, кого, по неведению, используют власть имущие. Он — соучастник их злодеяний. Как лихо сдвинул он свою шапку-ушанку на затылок, как уверенно он держит в руках автомат! И голос у

него — повелительный — никаких возражений, никакого неповиновения!

— Эй, кто из вас тут Седов? Выходи!

Я медленно поднялся и пошел к зиявшей сзади щели.

— Тут тебя сестра повидать хочет. Слезь на минутку. Только не размазывай, времени — в обрез.

Спотыкаясь, я добрался до щели и высунул голову. Я так и знал — Лида. Сдержала слово, пришла провожать. Лида, жизнь моя, зачем ты пришла, зачем сдержала слово?

Спрыгнув с грузовика, я очутился рядом с Лидой.

Не ожидали? — спросила она, подавая мне свою теплую руку и улыбаясь одними глазами. — По правде говоря, я и сама не ожидала, что удастся получить разрешение.

— Ну, ну, вы, поскорее! Целуйтесь на прощание, поехали.

Я не обратил внимания на слова сержанта. Передо мной стояла Лида — моя жизнь, моя судьба. В тюрьме, где меня судили, я разболелся. Лида вылечила меня. Целую неделю она по три раза в день приходила ко мне и приносила мне лекарства, хлеб, масло и сахар. Но не это было главным. Она приносила с собой человечность, самую обыкновенную, теплую, как парное молоко, человечность. Не знаю, любила ли она меня или только жалела, не знаю также, любил ли я ее, — в конце концов, не в этом суть дела. Лида вернула мне жизнь, вернула мне желание жить. Я был человеком обреченным, и с этой мыслью я давно свыкся. Меня судили за то, что я попал к немцам в плен, что бежал из плена и пробрался к нашим партизанам; судили меня и за то, что я нагрубил следователю; судили меня еще за что-то, я сам теперь не припомню, за что именно.

Вокруг меня не было людей, были одни звери: мордастые, подлые, злые, фальшивые, все одинаковые, от председателя военного трибунала, до курносого конвоира, который тоже тыкал мне в живот прикладом и угрожал расстрелом.

Увижусь ли я еще когда-нибудь с Лидой? Пожалуй нет. Десять лет тюрьмы мне заменили штрафным батальоном. Лида знала по это, знала она и про то, что из штрафного батальона никто живым не возвращается.

— До свидания, Николай Петрович! — заторопилась Лида, косясь на сержанта. В голосе ее прозвучала нерешительность. Надо верить в возможность встречи, иначе и жить не стоит. Преодолев нерешительность, она обняла меня и поцеловала в лоб.

— Пишите!

— Непременно, — ответил я, — непременно.

Лида, ведь я тебя больше не увижу. А как мне хочется увидеть тебя хотя бы еще раз, после конца войны, где-нибудь в парке или в саду под яблоней.

— Лезь, лезь, всех задерживаешь!

Прощай, Лида, прощай, жизнь моя! Это конец — конец всему, что еще есть человеческого в мире. Слышишь, как кричит сержант?! Это не он кричит, это его глоткой кричит война, даже не война, копай глубже, кричит праисторическая человеческая злоба, может быть, не то, не злоба, а благодать, задуманная, заданная нашей планете ее изначальным творцом, мол, чтобы люди не закисло в болоте, не превратились в машины — пусть им вечно сопутствует война.

Шофер завел мотор: грузовик задрожал всем корпусом, несколько раз дернулся и медленно пополз вперед. Ворота перед ним заскрипели, распахнулись, и мы въехали в проверочную.

— Стой! — раздался зычный голос начальника тюрьмы (я узнал бы этот голос и на том свете). — Стой, тебе говорят!

Шофер резко затормозил. Меня кинуло к узбеку.

— Ничего, ничего, товарищ, — пролепетал узбек и крепче прижал к груди вещевой мешок.

— Сколько в первой машине? — спросил начальник тюрьмы.

— Десять человек, — отчеканил сержант.

— Подними брезент.

Сержант ловко отодвинул брезент, и в кузов полился желто-грязный свет от прикрепленного к сторожке фонаря.

Я мигом обозрел всю нашу партию: ничего неожиданного — люди как люди, арестанты, штрафники; грязные, заросшие щетиной, осунувшиеся, полусонные и безразличные; таких я за свою жизнь навиделся в охотку. Поразил

меня только сосед слева. Он ничем особенным в отдельности не отличался, но в целом, в сумме, он поразил меня своей внутренней силой, которая ощутимо исходила из него. На вид ему было не больше двадцати — двадцати двух лет, совсем пацан, сказал бы про него начальник тюрьмы. И лицо его не казалось исключительным, невиданным, таких лиц на Руси — миллионы. Белобрысый, розовощекий, немного скуластый, с чуть раскосыми глазами.

Широкие ноздри его постоянно вздрагивали: он, видимо, все чувствовал этими ноздрями — и как мы дышим, и как поворачиваемся, и что вынимаем из карманов. Чуть, могут сказать, такого не бывает. Верно, не бывает, и все же я утверждаю — бывает и так.

Я, должно быть, дольше положенного задержался на нем взглядом. Это ему не понравилось и он с насмешкой спросил:

— Чего уставился, профессор? С одного разу хочешь разгадать? Не выйдет. Да и не советую.

У заднего борта грузовика с двух сторон сидели конвоиры с винтовками, зажатými между колен. На винтовках поблескивали штыки, — те самые, трехгранные, которые, если воткнуть в человека, не так легко и вытащить, исторические штыки, суворовские!

Конвоиры хотели что-то сказать моему соседу, но он так строго посмотрел на них, что они тут же закусили языки.

— Плевать я на тебя хотел, — подлаживаясь под тон белобрысого, ответил я.

— А ты не хоти, так будет лучше. Вообще, советую со мной не ссориться, я этого не люблю.

Вся партия притихла и сосредоточенно наблюдала за нами.

За задним бортом грузовика показался начальник тюрьмы со списком в руках, тут же за его спиной вырос сержант.

— Седов?

— Здесь.

— Иванов?

— Здесь.

— Рашидов?

Узбек не расслышал своей фамилии. Начальник тюрьмы повысил голос.

— Рашидов?

— Здесь, здесь, товарищ начальник.

— Рано спать ложишься, — сердито буркнул начальник тюрьмы и продолжал:

— Озеров?

— Здесь.

— Русаков?

— Здесь.

Это был он — мой сосед.

Закончив проверку, начальник тюрьмы приказал сержанту опустить брезент. Еще минута, и заскрипели вторые ворота, те, которые открывали дорогу в царство свободы, в сказочный мир улиц, домов, садов, полей и лесов, озер и морей, в развалины, в блиндажи и окопы, в пасть смерти.

Грузовик затарахтел и, подпрыгивая, выполз на улицу. В кузове под брезентом стало густо темно, настолько темно, что я перестал чувствовать даже присутствие Рашидова и его, прижатого к груди, вещевого мешка.

Лида, дорогая моя Лида, зачем ты пришла? Чтобы расстроить меня? Я хочу поговорить с тобой, хочу сказать тебе про все, ведь до сих пор я ничего тебе не сказал. Как-то так получилось — то ты спешила, то рядом находились посторонние люди, то мне некогда было, — и я откладывал, откладывал. Ничего я не сказал тебе и сейчас — не нашелся, как всегда в таких случаях, прости меня, это со мной бывает, но я постараюсь исправиться. Когда исправиться? Я хотел тебе сказать о самом главном. То, чем все сейчас заняты — война, самолеты, пушки, штрафные батальоны, убитые и раненые, — все это не главное, я хотел сказать тебе о счастье, которое нас ожидает и никогда не дождетя. Не они — правы, мы с тобой — правы, мы хотим жить в мире, хотим семьи, хотим нарожать и воспитать много детей, — нет, не думай, что наша семья будет обыкновенной, мы хотим создать идеальную семью, где не будет никогда произнесено ни одно грубое слово, впрочем, обыкновенная семья тоже

чертовски хороша, именно на ней, на обыкновенной семье мир стоит, слышите вы, вожди и учителя, — на обыкновенной сремье мир стоит, вы же, со своими гениальными мыслями — навоз истории, не больше. Я ничего не требую от вас, я отрекаюсь от вас, — оставьте меня в покое, не трогайте меня! Я хочу поговорить с Лидой, вы мне не разрешаете, вы везете меня в штрафной батальон, заставляете меня опять воевать, стрелять и убивать, убивать, убивать. Ни мне, ни Лиде война не нужна. Это вы хотите войны. Война приносит вам славу. Будь ты проклята, слава! Кто тебя придумал, какой злой дух разносит тебя по земле?

— А мне нужна война! — громко, чтобы слышали все, сказал Русаков. Он — это я почувствовал — приготовился к длинной тираде, но прежде чем начать, стал шарить по карманам в поисках махорки. С козьей ножкой во рту и беседа выглядит солиднее. Я не знаю, как он свернул в темноте козью ножку, — махорку надо натрусить в газету, машина же подпрыгивала, — но он проделал всю работу с изумительной быстротой и ловкостью. Чиркнув зажигалкой, он стал прикуривать. Трепетное пламя на несколько секунд осветило лица конвоиров.

— Курить запрещено! — неуверенно произнес один из конвоиров, тот, который сидел рядом с Русаковым.

— Пошел ты... — примирительно выругался Русаков. — Вот ты говоришь, — он повернулся ко мне, — что война никому не нужна. Оно, конечно, так, если на то пошло. А вот я люблю войну, и все тут. Люблю, понимаешь. Иногда мне кажется, что кончится война — и мне конец придет. Привык я к ней, поганой. Почитай, с самого начала воюю. И представь себе, ни разу не ранило, даже царапины нет. Война, должно, тоже меня любит. Так сказать, взаимная любовь.

Русаков замолчал, ожидая с моей стороны возражений. Но я не торопился. Что ему возразить? Глупый мальчишка, болтун, рисуется.

— Что ты на это скажешь?

— Глупый ты, вот что скажу.

— Ничего ты не понимаешь, а еще профессор! Войне,

брат, нужны такие, которые ее любят. Без них ее и не было б. Вот к ним и я принадлежу, кумекаешь?

Я, действительно, начинал „кумекать“. Русаков показался мне не таким простым, как при первых словах, — он дал мне в руки нить, приоткрыл занавес: верно, без таких как он, войны не было бы. История, время, прогресс постоянно фабрикуют русаковых, избирают их слепым орудием в своих замыслах. Несчастный Русаков! Он должен быть глупым, иначе он разгадал бы свою жалкую роль в планах истории и взбунтовался бы.

Грузовик неожиданно остановился. Конвоиры наперебой закричали Русакову.

— Туши цыгарку! Проверка!

Но Русаков и не думал исполнять приказ.

— Чего взбеленились, турки? Кого мне бояться? Вас? Вашего сержанта-сопляка? Я даже смерти не боюсь. Даже смерти. Вот, профессор может подтвердить. Правду я говорю?

— Правду, — невольно согласился я.

Русаков не шутил, не балагурил и не рисовался, он говорил правду. История, проводя свои планы, нуждалась в нем больше, чем во мне с Лидой, даже больше, чем в вождах, — она выуживала его из темных народных масс, из глухих деревень и темных фабричных поселков, и бросала то на поле Куликово, то под Бородино, то в Сталинград. Он послушно выполнял ее задания: рубил мечом татарские головы, колол штыком французские животы и выпускал очереди из автомата в немецких гренадеров. Он был тысячекратным убийцей, и если в этом было что-либо печальное, так это то, что его за все содеянное нельзя было судить. Он не был ни в чем виновен: ни в том, что тысячи матерей так и не дождалась своих сыновей; ни в том, что тысячи невест не дождалась своих женихов; ни в том, что тысячи детей так и не дождалась своих отцов. Он был орудием истории. Судить надо историю — она во всем виновата, ей постоянно нужны жертвы, она никак не может насытиться мясом упиться кровью.

Так-то оно так, но что такое история? Ее выдумали люди. Корни войны находятся значительно глубже, они кроются в самых глубинных слоях общества, вернее — его души, подсознания. Трудно, невозможно докопаться до источников злобы, насилия, садизма и прочей нечисти в отдельном человеке. Они, эти источники, есть в каждом из нас. Миллионы людей умирают, так и не узнав ни разу о существовании в них, в их душах, всей этой мерзости. Но очень многие узнают — то здесь, то там вынырнет желание кого-нибудь убить, обездолить, подчинить себе. Нужны условия, соответствующее время, и преступление свершается. Так и в обществе. Война — желание уничтожить другое общество, глеет где-то в наших глубинах, на задворках Москвы, в Кремле, в далеких селах тайги. Инстинкт? Возможно. Но не инстинкт отдельного человека, а нечто более сложное, качественно более организованное, — общественный инстинкт. Он, когда наступит соответствующее время, вспыхивает и бушует пламенем по селам и городам Белоруссии, Украины, Бретани и Саксонии. Саксонии?

Я клюнул носом, на мгновение открыл глаза и тут же опять закрыл их. В кузове грузовика стало теплее, и я почувствовал, что засыпаю. Мысли плыли уже не столько в моем уме, как где-то рядом со мной, становились все более путанными и темными.

Русаков затеял разговор с конвоирами. До меня доносилось как бы из соседней комнаты:

— Вот ты говоришь, что я не могу убежать. Вас тут двое, и один из вас успеет пристрелить меня. Ерунда это, — не успеете. Бежать я умею. Но ни к чему это. Я три раза бежал, каждый раз удачно. А кончилось все тем же — тюрьмой, штрафным батальоном.

— Неужто в четвертый раз едешь в штрафной? — спросил один из конвоиров.

— Точно, в четвертый раз. Тут, брат, такое дело — у меня так на роду написано: проштрафился — в тюрьму, под суд, в

штрафной; опять проштрафился — опять в тюрьму, под трибунал и в штрафной; и так без конца.

Что сказала бы обо всем этом Лида? Где она сейчас? Сидит где-нибудь с подругами и шушукается о том, да о сем, а скорее всего — ни о чем. У них, у девушек, всегда так. Вот она где — Лида! В саду под яблоней. А чей это дом? Ее? Конечно. И как это я не признал его? Ведь я сто раз бывал у Лиды и часами просиживал в ее комнате. Досадно. Смотри, забавно как получается! Но почему у меня разболелось сердце? А еще говорят, что чувства не могут причинить физической боли. Постой, постой! Ведь это голос Русакова? Станный он человек — на вид простой, в действительности же — сложнее всех нас вместе взятых, и умнее всех нас. Он — любимец войны. А как выглядит война? Видал ли кто-нибудь ее лично? Во всей красе? Так, как я видел в тридцать пятом Сталина? Постой, постой! Русаков задумал что-то неладное. Он хочет перегрызть мне горло. Ру-са-ков, ты что? Разве не видишь, что рядом со мной — Лида? Пошел, пошел отсюда! Вот, окаянный, кусается как! Чего доброго, он на самом деле перекусит мне горло. Пошел! Вот тебе, вот тебе! Не будь я спортсменом, я никогда не отбросил бы его к крыльцу. Но он не сдается, он опять лезет ко мне. И что я с ним нянчусь? Ведь у меня есть автомат. Заряженный. Сволочь, ползешь? Вот тебе, вот тебе! Боже мой! Ведь это Лида? Это она, я ее убил. Лида, Лида, я не хотел! Я стрелял в Русакова. Лида, не умирай, не умирай!

— Что с тобой? Приснилось тебе что? — Это был Русаков. Он тряс меня за плечо, стараясь вывести из оцепенения. И только тогда, когда он убрал свою руку, я вмиг протрезвел. Остатки страха, все еще сковывавшие меня, быстро разбежались.

Вместо страха приходило робкое успокоение. К чему этот сон? Ни к чему. Снов вещих не бывает. Фрейд учил, что сны — символы инстинктов, не больше.

— Ну как, пристрелил ты меня или нет? — спросил Русаков. Я не уловил в его голосе даже намек на иронию. И от этого мне стало не по себе. Совсем недавно Русаков ответил на

мою мысль о войне, теперь он спрашивает меня о сне. Кто он? Ясновидец?

— Не унывай профессор! Скоро приедем. Хлопцы говорят, уже недалеко. Да я и без них кумекаю, Слышишь?

В грузовике наступила тишина, слышно было только ровный рокот мотора и позвякивание бортов. Не прошло и десяти секунд, как где-то далеко слева, прокатились глухие пушечные выстрелы. Пожалуй, мы услышали только их эхо.

— Это катюши фрицев щекочат, — сказал конвоир, сидевший на нашей стороне.

— Точно, катюши, — авторитетно подтвердил Русаков. — У пушек звук не такой раскатистый.

Грузовик стал сбавлять ход. Впереди прозвучали чьи-то голоса.

— Стой! Проверка!

Никак очередной КП? Пока доберешься до фронта, семь потов из тебя выгонят.

Грузовик остановился. Сержант, переговариваясь с кем-то, обходил грузовик с правой стороны. Брезент приподнялся, и в свете карманного фонарика показалась фуражка пограничника.

— Никто не сбежал? — осведомился пограничник.

— Никто, товарищ капитан, — бойко ответил сержант.

Посветив фонариком по нашим головам, капитан пошел к шоферу. Сержант побежал за ним. Из-за борта донеслось:

— Можешь ехать. Эй, Никулин, подними шлагбаум!

Не успели мы отъехать и ста шагов, как заговорил Русаков:

— Теперь, хлопцы, можете прятать винтовки и ложиться спать, — это он говорил конвоирам, — мы в зоне штрафного батальона. Впереди — немцы, сзади — наши загранотряды.

Вот оно что — загранотряды! Как это я раньше не подумал о них? Конечно, они должны быть. Штрафные батальоны не просуществовали бы и суток без них. Тот, кто все это придумал — гениален. Мне никогда не пришла бы в голову мысль выставить полк пограничников за спиной у штрафного батальона. Он у меня разбежался бы. Как все просто и

как все логично! Нет, те кто организовал эту войну, войдут в историю, как лучшие убийцы всех времен. Александры, цезари, наполеоны — ценки по сравнению с ними.

— Теперь скоро приедем, — продолжал Русаков. — Возможно, будет еще один заграничный, так сказать, для порядка. А там — прямо в штаб батальона. Чай, ждут — не дождутся нас. Подогревают для нас борщ. Ха-ха-ха, — зло засмеялся Русаков.

— Борщ — хорошо, — засуетился Рашидов, — очень хорошо. Я люблю борщ, я голодный, давно ничего не кушал.

— Получишь, Рашид, получишь полный котелок, — все с тем же злобным смехом продолжал Русаков. — А захочешь, и добавку получишь. В штрафных, брат, знаешь как кормят! Во! — И он поднял руку до уровня шеи. — Ха-ха-ха. Чудак ты, Рашид. В штрафных совсем ничего не дают есть. Все штрафные — на подножном корму. Но ты не волнуйся, мы чего-нибудь раскумекаем.

Было около двенадцати часов ночи. Луна ярко освещала дорогу, ее холодный свет проникал и к нам под брезент. Выстрелы теперь раздавались со всех сторон. Пулеметные очереди сменялись одинокими винтовочными выстрелами, взрывы снарядов перекрывались глухими взрывам мин. Конвоиры давно уже приподняли немного брезент и через щель можно было видеть, как вдали вспыхивали ракеты: зеленые, красные, белые. Я понял, что фронт — совсем близко, в каких-нибудь десяти километрах.

Русаков не ошибся — нас еще раз проверили перед въездом в разрушенный город. Судя по всему, город этот нами был взят давно. Об этом свидетельствовали расчищенные улицы и тротуары. Мне неоднократно доводилось входить в отбитые у немцев города. Картина была иная: на улицах громоздились груды кирпичей, камней, подбитых машин, то и дело попадались убитые. Расчищенный город — плохая примета. Она говорила о том, что здесь идет позиционная война, что наши уже давно в городе и никак не могут прорвать немецкие укрепления.

Сонное состояние постепенно оставляло меня. Я с любопытством смотрел на проплывавшие мимо нашего грузовика развалины. Столько развалин в одном городе, пожалуй я раньше не встречал. Есть ли здесь хоть один уцелевший дом? Мы проехали уже три квартала, я искал этот уцелевший дом и не мог найти. Из разбитых темных окон на меня смотрели горы кирпича, скрюченные железные балки, лом, бетонные глыбы и мусор.

А это, вероятно, бывшая школа! От нее уцелела одна стена с большими окнами, за которыми виднелся пустырь.

Грузовик круто свернул влево, и мы въехали на широкую площадь, посреди которой стоял какой-то покосившийся памятник. Возле памятника чернел громадный танк, накрытый шапкой снега.

Потом из темноты медленно выплыла церковь. Бомбы не пощадил и её: крыша рухнула, но белые стены стояли непоколебимо во всём своём безмолвном величии. Нетронутой стояла и колокольня с небольшим католическим крестом. Потом опять пошли развалины жилых домов. Еще совсем недавно здесь текла жизнь — убогая, военная жизнь, но жизнь. Были семьи — без мужчин — были дети, магазины торговали хлебом и картошкой, пастор служил панихиды, пожарники тушили, горевшие после бомбёжек дома. Но вошли мы — и не стало даже этой убогой жизни. Артиллерия и минометы превратили город в сплошные развалины, население панически бежало. Наши части освоили город — расчистили улицы, оккупировали подвалы, наладили связь и приступили к подготовке очередного прыжка вперед.

Солдат в городе было много: одни стояли на часах, другие патрулировали по улицам, третьи работали — подвозили боеприпасы, продовольствие, горючее.

Прошло еще пять минут, прежде чем мы подъехали к штабу штрафного батальона.

Все солдаты похожи друг на друга — особенно внешностью. Сколько я их видел в этом разрушенном городе, но ни один не запомнился мне. Не запомнился мне также ни один из них во время разгрузки. Было их много: и тех, что несли караул у входа в подвал разрушенного здания гимна-

зии; и тех, что нас пересчитывали в темном и холодном подвале; и, наконец, тех, что нас обыскивали.

Почему нас опять обыскивали — никак не пойму. А обыскивали основательно, строже, чем в тюрьме: заставили снять обувь, и долго выворачивали её наизнанку; заставили снять шинели и внимательно их прощупывали; потом приказали скинуть на пол фуфайки и ватные брюки; заглядывали в рот и в уши; рылись в вещевых мешках и шапках; проверяли белье.

Столпотворение — и только! И унижение, конечно. Гнусное, бессмысленное и продуманное унижение. Вот вы все — гниды. Как навоз, что хотим, то и делаем с вами. И заранее знаем, что ни один из вас не разинет рта и не пикнет в знак протеста.

И действительно, никто из нас не раскрыл рта. Великое дело — привычка быть рабом. А если я, вопреки всем вашим математическим расчетам, закричу, да так, что все вы оглохнете и ослепнете, исчезнете, провалитесь в преисподнюю? И я закричал:

— Хва-а-а-тит! Убирайтесь ко всем чертям! Ничего у нас нет! Слышите? Слы-ы-ы-шите?

Наступило замешательство — обыскивающие пооткрывали от изумления рты, Рашидов выпустил из рук свой вещевой мешок, Русаков вздрогнул ноздрями.

— Ну и ну! — покачал головой Русаков. — Знай наших! — И тут же зло рассмеялся.

Из темной щели вышел подтянутый военный с погонами майора и обвел нас разыскивающим взглядом.

— Смирно! — прокричал кто-то в дальнем углу. — Товарищ майор, по вашему приказанию проводим обыск у прибывшего пополнения.

— Что тут происходит? — спросил майор ледяным голосом, в котором я уловил истерические нотки.

Я сделал два шага по направлению к майору.

— Товарищ майор, разрешите сказать?

— Не раз-ре-шаю! Сержант, продолжать обыск! — Майор повернулся и скрылся в темной щели.

Я не помню, как продолжался обыск, знаю только, что я ничего не видел и не слышал и все время повторял бессмысленно: сволочи, сволочи, сволочи! И еще раз — сволочи! Можете убить меня, можете связать меня и содрать с меня шкуру, все можете со мной сделать, но заставить меня покориться вам — никогда не сможете. Никогда, никогда, еще раз никогда!

Потом нас ввели в помещение штаба. Когда-то это был угольный склад: стены черные и грязные, на потолке — угольная пыль. Майор стоял за колченогим столиком и изучал нас. Кто мы? Как от нас защищаться? Его пронзительные черные глаза сверлили нас на все лады. За спиной у майора горой возвышался боец с автоматом в руках, палец на спуске. За бойцом, на черной стене белела надпись: **МИН НЕ ОБНАРУЖЕНО ЛЕЙТЕНАНТ СМИРНОВ.**

Мы стояли в две шеренги и ждали, что будет дальше.

Майор вместе со своим телохранителем обошел колченогий столик и два раза прошелся перед нами.

— Кто ты? — ткнув пальцем в грудь Рашидова, спросил он.

— Узбек, товарищ майор.

— За что судили?

— За плохое слово, товарищ майор. Я сказал, что немец лучше воюет, что у немца — порядок. Какой-то сволочь, товарищ майор, донес. Вот и все.

Майор, подумав секунду, ткнул пальцем в грудь Русакова.

— За что судили?

— За то, что стрелял в командира штрафного батальона.

— А тебя за что? — И майор ткнул пальцем в мою грудь.

— Был в плену у немцев, бежал, был у партизан, был бунтарем.

— Так, так, так, — скороговоркой произнес майор и торопливо зашагал перед шеренгой: туда-сюда, туда-сюда, как взбесившийся маятник.

— Вот что, штрафные! — Он говорил и ходил уже не смотря на нас. Смотрел себе под ноги. — Нам воевать вместе. Про штрафные батальоны говорят, что это та же высшая мера наказания, но с небольшой разницей — пуля не своя, а вражеская. В значительной степени это соответст-

вует действительности — большинство штрафных погибает. Однако некоторая часть, пусть небольшая, остается в живых, так сказать, шанс небольшой, но — шанс. Этот шанс предоставлен каждому из вас, вернее, каждому из нас — я такой же штрафной, как и вы. Выживем — хорошо, умрем — тоже хорошо. Дисциплина у нас — железная. За самое незначительноеслушание — расстрел на месте. Есть вопросы?

Майор исподлобья взглянул на нас и, не ожидая ответа, скомандовал:

— Смир-но! Сержант, выведите пополнение на двор и ждите дальнейших распоряжений. — Подняв голову, майор взглянул на меня. — Ты, Седов, останься.

Я начинал понимать майора. Он смертельно боялся своих подчиненных. И обыск, и караул, и телохранитель, — все это было результатом большого воображения майора. Я почувствовал, что знаю, о чем майор будет говорить со мной.

— Садитесь.

Я сел на стул, стоявший левее колченогого столика и приготовился отвечать на вопросы. Майор не сажился, он ходил, как маятник: сюда-туда, сюда-туда, и смотрел себе под ноги. Телохранитель (рында!) следовал за ним, как тень.

— Какое у вас образование?

— Высшее.

— Предмет?

— История. Точнее, история России. Еще точнее, шестнадцатый и семнадцатый века.

— Кандидат?

— Нет. Диссертацию написал, да не защитил.

— Почему?

— Диссертация была о Грозном. Задался глупой целью — доказать, что в школах неправильно освещают эпоху Грозного, что Грозный — кровожадный тиран. Если бы он жил в наше время и не был царем, его обязательно посадили бы в сумасшедший дом.

— Родители?

— Отец — профессор истории. Арестован в связи с делом

Платонова. О дальнейшей судьбе – не знаю. Мать – не помню, умерла, когда мне было пять лет.

– Есть в пополнении опасные?

– Как-будто нет.

– Были разговоры о побегах?

– Нет, не помню.

Были или нет?

– Нет.

– К немцам кто-нибудь хочет перебежать?

– Нет.

– Кто такой Русаков?

– Простой парень.

– Вы в этом уверены?

– Уверен.

– Может убить, если что?

– Может. Хотя не знаю.

– В меня может выстрелить?

– Не знаю.

– Чаю хотите?

– Нет.

– Почему?

– Устал. Спать хочу. И конца нашему разговору.

В это время в щели справа показался Русаков. Майор остолбенел.

– Как сюда попал?

– С разрешения начальника караула, – ответил Русаков, вздрогнув ноздрями. – Разрешите пожаловаться, товарищ майор?

– В чем дело?

– На дворе холодно, я решил закурить, чтобы обогреть нос, а сержант приказал отставить.

– Ты что, хочешь в карцер?

– В карцер, так в карцер. И еще одна жалоба, товарищ майор. У вас охрана некудышная. Меня сегодня два раза проверяли, и посмотрите! – Русаков ловко потрянул рукой, и из рукава на его ладонь выскользнул пистолет.

– Какой марки? – спросил майор.

– Браунинг.

— Всегда носишь при себе?

— Всегда.

Майор крикнул:

— Ильин! Ко мне!

— По вашему приказанию явился, — отрапортовал Ильин, коренастый юркий боец, одетый в белый полушубок, туго перепоясанный ремнем. Внешностью Ильин напоминал Русакова.

— Тебе — сутки карцера! Ефрейтору Сидоренке — сутки строгого. Можешь идти.

— Есть, товарищ майор! — Ильин вытянулся, как на учении, четко повернулся и исчез.

3

Мытарства наши на этом не кончились. От майора нас повели через полутемный подвал, битком набитый спавшими бойцами, часовыми и ящиками с имуществом батальона, в небольшой фруктовый садик с изуродованными деревьями. В садике стояли на приколе трофейные грузовики: без колес, без моторов и без сидений — все было разворовано шоферами. За садиком возвышалась гора битого кирпича, под которой, в подвале находилась наша рота. Командира роты капитана Коваленкова не было у себя, и мы попали на очередной осмотр к командиру взвода Опацкому. Наш подвал ничем не отличался от подвала, в котором расположился командир батальона, — та же полутьма и черные стены, та же скученность и бесконечные трубы.

Лейтенант Опацкий ждал нас. Когда сержант хотел было построить нас в две шеренги, как перед майором, лейтенант замахал рукой:

— Отставить, отставить! Ни к чему это. — Вынув из кармана шинели листок бумаги, лейтенант стал торопливо читать наши фамилии. Закончив чтение, лейтенант приказал:

— Четыре человека – в отделение к сержанту Суворову, три – к сержанту Нурмухамедову, еще три – к сержанту Панасенке.

Меня, Русакова и Рашидова забрал Панасенко. Он вел нас через щели и без умолку говорил.

— Та тримайтесь за мене, бо потеряетесь. Тут так темно, що ничего не видно.

В углу, в который привел нас Панасенко, на разостланных на полу шинелях, с вещевыми мешками под головами, спали солдаты отделения Панасенка.

— Що, устали? — спрашивал нас Панасенко. — Та голодны теж? Я бы вас охотно накормив, та ничего нема. Скотина – повар, его теперь и сам чортяка не разбудить. Як бы вы знали, який вин у нас подлюга! Я ему кажу – выдай порции для пополнения, а вин, нечиста сила, каже – проваливай ты вместе со своим пополнением, пока в морду не получил. Завтра твое пополнение буде с большим аппетитом есть. Як бы вы знали, что это за хам! Такого хама и мий батько николи не бачив, а був вин, небижчик, козак добрый. И в Туреччини був, и в Монголии був, и на Кавкази був. Повар наш, хлопци, паскудна скотина, як тильки его земля тримаєт!? Половину пайка крадет та виддаєт своим кралям – их у нього и бухгалтер не зарахует. Из санбата до нього приходят три, вид дорожного управления – дви, потим приходит якась красуня вид полковника, що тут напротив поселивсь.

— Слушай сержант, — перебил Панасенка Русаков, — нам с тобой еще долго воевать. Ты нам потом доскажешь про повара. Мы очень устали, спать хотим.

— Що ты, зглуздив? Спать? Капитан наказал, щоб всему пополнению выдать оружие и обмундирование, як що у кого нема. Ось, покажись! Як тебе звать? Русаков? Ось, повернись до мене, Русаков! Ты лучше одет, як повар. Даже у повара нема такого гарного полушубка. Где ты его достав? Небось, украв? Ну, ну, не сердись, — сержант попятился, — я пошутив. У тебя, я бачу, все есть. А може у тебя и автомат есть? Як ще и автомат есть, так можно и никуды не ходить. Автомата нема? Тогда выбачай, надо идти. У нас капитан

строгий, як узнает, ще не у всіх єсть оружє, – такого наробиць, такого наробиць, що сказати нельзя.

– Пошли! – опять перебил Панасенка Русаков.

– А ты не перебивай, когда с тобой командир говорит! – Панасенко весь налился кровью, глаза его сузились и стали колючими, рот перекосялся. – Ты ще малый, щоб мене учить! Я тебе покажу, як с Панасенком говорить! – Панасенко все повышал и повышал голос, последние слова он уже выкрикивал.

Бойцы, лежавшие на полу, стали приподнимать головы. Панасенко, видимо, уже не мог остановиться.

– Стой, смирно! Як держишь руки? Смир-но, тебе говорят! Да ты что, хочешь в карцер? Сми-р-но!

Русаков покачал головой и спросил меня взглядом – за что нам еще и такое наказание?

– Дурак ты, Панасенко! – сказал Русаков и стал медленно укладываться спать рядом с крайним солдатом. – Не веришь? Вот спроси у профессора, он тебе скажет то же самое. И запомни: Русаков уже побывал в трех штрафных батальонах. Этот здесь – четвертый. Умирили командиры батальонов, умирили командиры рот и взводов, умирили командиры отделений, а Русаков продолжал жить.

Я ждал, что будет дальше. Ноздри у Русакова вздрагивали чаще и чаще, в голосе стала появляться металлическая нота – сначала железная, потом стальная.

Прервав на минуту свою речь, Русаков, также медленно как укладывался, начал подниматься. Подойдя вплотную к Панасенке, он процедил сквозь зубы:

– Если ты еще раз закричишь на меня – убью! Слышишь? Говорю при свидетелях... А теперь можешь идти жаловаться. Ну?!.. Не идешь? Боишься?

Последний вопрос Русаков произнес примирительно.

– Не пойдешь? То-то! Вот тебе моя рука! И мы в расчете. Между нами ничего не было. Ясно?

А могло быть – Русаков убил бы Панасенку. Это поняли все, и я, и сам Панасенко, и Рашидов, и проснувшиеся солдаты. Примирение, предложенное Русаковым, всеми нами было воспринято с облегчением. Так бывает, когда летит

снаряд, и люди видят, что он летит прямо на них, что спастись нельзя, что через секунду все погибнут, – а снаряд падает и не взрывается.

– Ясно, – ответил Панасенко, покачав головой.

Многое из того, что произошло, он не понял, но суть понял.

– Где выдают автоматы? Веди! – распорядился Русаков. – И не трепись зря. Когда домой вернешься, расскажешь своим девчатам и про повара и про его красавиц. Понял?

– Ну и злой же ты, Русаков, – как бы для себя одного сказал Панасенко. – Я много бачив злющих, но таких ще не бачив.

– Заткнись! – бесцеремонно оборвал его Русаков.

Сонный старшина выдал нам оружие и Русаков пошел укладываться спать. Мы же с Рашидовым потопали за Панасенком в склад получать недостающее обмундирование. Каптерщик, высокий и красивый парень лет двадцати пяти, был сговорчив. Рашидов сказал, что у него нет ни белья, ни портянок, ни гимнастерки, что фуражка у него рваная, что брюки тоже рваные и что на левом сапоге у него нет каблука.

Каптерщик выдал ему и сапоги, и фуфайку, и брюки, больше того, он выдал ему две пары белья и уже от себя предложил новую шапку-ушанку.

Я попросил вещевого мешок, сапоги, портянки и, если можно, тоже две пары белья. Каптерщик и мне ни в чем не отказал.

Славный парень – каптерщик. Побольше бы таких и жизнь совсем иной была бы. За что он, бедный, попал в штрафной? Впрочем, какое это имеет значение? Все мы здесь – несчастные. Нет между нами виновных. Все воруют, но в штрафной попадают только те, кого поймали. Все ненавидят советскую власть, но сюда направляют только неосторожных... Тот, кто дал нам жизнь жестоко посмеялся над нами. Кто же нам дал жизнь? Не от амебы же мы произошли?! Бог? Какой Бог? Тот, что может спокойно взирать на всю эту кровавую баню? Какой же он после этого Бог? Нет, нет, меня никто не переубедит в том, что в штрафных

батальонах менее честные люди, чем в обыкновенных частях. В тюрьме я сидел с одним рязанским колхозником. Он рассказывал, как их раскулачивали. Отца забрали, мать плачет, дети тоже плачут, детей полная изба – семь человек – есть нечего. На черный день семья спрятала в стог сена мешок ржаной муки. Нашли, проклятые, этот мешок и увезли. В ту зиму пятеро детей умерло с голоду. А сидел со мной тот колхозник за то, что рассказал о своей тяжелой жизни солдатам. Раньше никому не рассказывал, а тут случилась такая беда – рассказал, по пьяному делу рассказал. Забрался он с товарищами в винный погреб, напился вдрызг, вспомнил про то, как с голоду умирали сестренки, расплакался, разжалобился и сказал худое слово про советскую власть. Доносчики в таких случаях всегда тут как тут. Вот и пополнение для штрафного батальона! Жестокая штука – жизнь! Я никогда не любил советскую власть, что правда – то правда. Но я сознательно никогда и не выступал против нее, думал оставит она меня в покое, оценит мою беспартийность. Куда там! Она до тех пор не отставала от меня, пока не превратила меня в своего злейшего врага. Не я восставал против нее, она восставала (и восстает до сих пор) против меня. Сейчас наши взаимоотношения настолько испортились, что примирение между нами стало невозможным. Она решила убить меня и убьет. Я не могу защититься. Где, когда она в первый раз почувствовала, что я не люблю ее? Тот, кто её не любит подлежит уничтожению. Я здесь бессилён – я не люблю её всем своим существом. Я ненавижу её. Не знаю, откуда во мне это, из каких глубин? Скрыть от нее свою ненависть я не могу. Мне на роду написано – ненавидеть, ей – убивать. Мы нужны друг другу.

Не помню как мы вернулись в угол, занятый нашим отделением, как я укладывался спать и как заснул.

Следующий день начался рано – Панасенко разбудил нас в пять часов утра. И мельница завертелась! В море сутолоки и беготни я не заметил, как на дворе рассвело. Добрых два часа Панасенко муштровал нас в садике возле разутых трофейных грузовиков. Потом мы стреляли из автоматов и бро-

сали гранаты. Еще через пол часа мы ползали по грязному снегу от одних развалин к другим.

Отзвуки близкого фронта не затихали ни на секунду – то взрывались мины, то строчили пулеметы, то с ревом пролетали совсем низко, почти касаясь развалин, наши самолеты.

Кому нужна была муштра и холостая стрельба из автоматов? Все мы неоднократно бывали на передовой, участвовали в многочисленных атаках и разбирались в военном искусстве лучше Панасенка.

Во время войны люди быстро знакомятся. Со вчерашнего вечера до сегодняшнего обеда я успел познакомиться со всем взводом лейтенанта Спацкого. Я все постигал на ходу. Я узнал, что командира нашего батальона зовут Уваровым. Раньше Уваров был полковником и очень хорошим, подававшим большие надежды. У него даже были какие-то труды по военной теории. Но и с ним, как с рязанским колхозником, случилась беда. Командуя полком, он прорвал сильно укрепленную оборону немцев и решил преследовать врага как можно дальше. Командир дивизии приказал ему остановиться. Его в это время не было на КП полка и приказ принял начальник штаба. Как потом выяснилось, начальник штаба передал приказ Уварову и тут же, на глазах у Уварова, был убит. Уваров, видя возможность легко захватить несколько километров вражеской территории, не отдал приказа прекратить наступление. Немцы отрезали почти весь полк Уварова. Военный трибунал проговорил Уварова к десяти годам тюрьмы. Потом дело пересмотрели и Уварова направили в штрафной батальон.

Совсем иначе сложилась судьба капитана Коваленкова. Будучи кадровым офицером, Коваленков воевал честно. Раненым был захвачен в плен. Долго отлеживался в госпиталях. Организовал группу сопротивления в концлагере на территории Польши. Очень радовался освобождению и мечтал вернуться в ту часть, в которой служил до плена. В ту часть, конечно, не вернулся. Трибунал направил его в штрафной батальон.

Лейтенант Опацкий пострадал за пьянку. Часть, в которой служил Опацкий, посетил маршал. Случилась беда: пьяный

Опацкий, рапортуя маршалу, несколько раз икнул. Может быть, маршал на это не обратил бы внимания, если бы у Опацкого не заплетался язык. Разразился скандал. Опацкого тут же атестовали и через два дня судили. В штрафном батальоне Опацкий постоянно пьянствовал – говорил, надо задним числом заработать вину.

Русаков успел обзавестись вестовым. Утром, во время завтрака, он внимательно изучал солдат, хлебавших из котелков щи. Выбор его остановился на тихом молодом парне, с неохотой опорожнявшем свой котелок.

— Как тебя зовут? — спросил Русаков тихоню.

— Рабом божьим Алексеем.

Сидевшие рядом бойцы рассмеялись. Русаков же был серьезным и сосредоточенным.

— За что страдаешь, Алексей? — продолжал спрашивать Русаков.

— За веру.

— За какую?

— За истинную.

— Какая же это истинная?

— Православная, тихоновская.

— Хочешь ко мне в вестовые?

— Зачем тебе вестовой?

— Будешь мне носить вещевого мешок, одним словом, будешь следить за моим хозяйством.

— Какое у тебя хозяйство? — с недоверием спросил Алексей.

— Большое. Пожалуй, сам не справишься. Идет?

Алексей не отвечал. Русаков принес из угла свой вещевого мешок и кинул его Алексею.

— Смотри не потеряй.

— Ладно уж, — обиженно ответил Алексей.

— А если тебя кто-нибудь обидит, докладывай мне. Ясно?

— Меня нельзя обидеть.

— Как знаешь, тебе виднее.

С тех пор Алексей неотлучно находился при Русакове.

После обеда, когда все мы сидели в нашем углу и отдыхали, прибежал вестовой капитана Коваленкова.

— Седов и Русаков, к командиру роты! Живо!

Повернувшись, он такой же трусцой побежал обратно. Мы последовали за ним. Если пожар – надо бежать.

Никакого пожара, конечно, не было. Капитан Коваленков подтянутый, весь в фокусе, встретил нас с приятной улыбкой на обветренном лице.

— Прошу садиться! — Он указал рукой на стулья, стоявшие рядом с небольшим дубовым столом, Подтекст при этом был такой: чорт вас знает, кто вы такие, – на всякий случай буду с вами вежлив.

— Разговор нам предстоит длинный и серьезный.

„Кабинет“ капитана Коваленкова был изолирован от остальной части подвала толстой стеной и железной дверью. В одном углу находилась походная кровать, покрытая американским одеялом, в другом – стоял стол. На гвоздике над столом висели дисковый автомат и каска.

Мы сели, капитан не сажился.

— Начнем сразу. — Он тронул пальцем красную булавку, воткнутую в карту. — Здесь – немцы.

Мы с Русаковым следили за его пальцем.

— Посередине – речка. Расстояние между нами и немцами – триста шагов, но каких триста шагов! — Капитан, словно решив, что карта ему больше не нужна, отошел от стола. — Каких триста шагов! Тот, кто их пройдет, проживет, как Ной, девятьсот лет. Каждый квадратный метр простреливается всеми видами оружия – винтовками, автоматами, пулеметами, минометами и пушками. Мин там больше, чем в поле картошки. Как пройти эти триста метров, я не знаю. Вероятно никто в мире не знает. Разве, что Суворов, но его не спросишь, – давно умер старик.

О чем это капитан, в какую сторону гнет? Как я ни старался разгадать его ходы, – все напрасно, он говорил не о том, о чем думал и не о том, что чувствовал. Цель его разговора была так глубоко спрятана, что он и сам как бы забыл про неё, перестал её видеть и ощущать. Бывают же такие люди!

— Наши два раза пробовали, да неудачно. Народищу уложили тьму-тьмушую. Но нет таких крепостей, которых

не могли бы взять большевики. Помните? Значит, надо будет взять и эти триста метров вражеской земли. Командование наше рассуждает примерно так: если послать в атаку роту, ничего не получится. Фрицы успеют перебить всех. Если послать три роты, возможно три человека добегут до вражеских окопов. Но, что могут сделать три человека? Если же послать двадцать рот, то до фрицевых окопов добегит сотня, а сотня – большая сила! Я лично не разделяю такую точку зрения. Я хотел бы взять эти триста метров одной ротой, но как? Я много думал, но решения не нашел. В военном деле, как и в математике, есть неразрешимые задачи. В общих чертах война – та же математика.

Капитан опять подошел к столу и ткнул пальцем в точку на карте, обведенную кружочком. Я заметил у капитана на ногте белую полоску и вспомнил, что в детстве слышал о том, что обладателю белой полоски на ногте будет всю жизнь сопутствовать счастье. У меня ни на одном ногте не было белой полоски.

— Та же математика, — продолжал капитан, — плюс счастье. Видите этот кружочек? Это вражеский дот. Если мы выведем его из строя за десять минут до начала атаки, мы спасем от смерти не менее сотни наших бойцов. Я лично уверен, что согласно математическим формулам, взять этот дот нельзя, не пожертвовав батальоном. Но если кто-нибудь попытается это сделать, кому в жизни везет – успех почти что обеспечен. Батальон будет спасен.

Капитан остановился в задумчивости.

— Я сегодня до обеда просматривал личные дела пополнения, — начал он совсем в ином ключе, стараясь убедить нас, что он – свой, не из породы руководителей. — Твое дело, Русаков, поразило меня. Согласно математике, ты должен был уже по меньшей мере пять раз умереть. И мне пришла в голову мысль: а что, если послать тебя за час до атаки с заданием вывести из строя этот проклятый дот? Ты не умрешь и в шестой раз. — Мельком взглянув на меня, капитан продолжал: — И ты, Седов, в рубашке родился. Тебя наша власть всю жизнь преследует, ты ей не нравишься. Ты совершил такие преступления, за которые тебя надо было давно лик-

видировать. Так нет же! Что-то всегда выступало в твою защиту. И я подумал: если тебя до сих пор не прикончили, то этот проклятый дот ты возьмешь.

Дорогой капитан, я тоже не лыком шитый. Ты можешь говорить, что хочешь, но мне отлично известно, кто мы и зачем мы сюда приехали. Раньше здесь был немецкий город Траумштейн. Мы его превратили в кучу мусора. Из Траумштейна дорога идет в Фриденбург, где находится много военных складов с продовольствием и боеприпасами. Немцы, оставив Траумштейн, решили защищать Фриденбург. В трех километрах отсюда протекает речка Граубах. Речка, как речка, да не совсем так. Правый ее берег обрывистый и крутой, его танками не возьмешь. Сразу за речкой – не высокий, но крутой горный хребет, на который наши Т-34 не вскарабкаются. Горный хребет в одном месте как бы прерывается, образуя впадину в триста метров шириной. Именно по этой впадине проходит шоссе из Траумштейна в Фриденбург. На речке был мост, от которого не осталось и следа. Немцы, зная, что мы почти всегда атакуем танками, организовали оборону так, что никакими танками их не сдвинешь. Наша передовая проходит в ста метрах от речки, немецкая – в пятидесяти с лишним – за речкой. Нейтральная полоса перед нашей передовой простреливается немцами из десятков пулеметов, сотен автоматов и винтовок, из минометов и, говорят, даже пушек. Мы пытались две недели тому назад прорвать немецкую оборону вдоль шоссе, но танки наши не могли преодолеть речку с её обрывистым правым берегом. Семь танков, подбитых во время атаки, так до сих пор и стоят в речке, уткнувшись носами в обрыв. Наше командование решило предпринять очередную атаку стрелковыми подразделениями. За две недели немцы сильно укрепили оборону. Для того, чтобы её прорвать, нужно пожертвовать не одной сотней бойцов.

Штрафные батальоны – вот где выход! – решило наше командование. Бойцы штрафных батальонов – те же смертники. В Траумштейн для очередной атаки привезли три штрафных батальона общей численностью не менее тысячи семисот бойцов. Фронт длиной в триста метров будет атако-

вать три штрафных батальона. Наше командование заранее подсчитало, что во время преодоления нейтральной зоны погибнет не менее тысячи человек. Остаток – семьсот человек – ворвется в немецкие окопы. Схватка с немцами в окопах унесет еще пятьсот человек. Остаток – двести человек – будет задерживать контратаки немцев до тех пор, пока на правый берег не переправится подкрепление из регулярных частей. Потом переправятся наши танки. Минированной полосы не будет, её разминуют бойцы штрафных батальонов своими телами.

Дорогой капитан! Ты хотел сказать нам про все это, но не сказал. Может быть, ты думал, что говорить нам про все это и не стоит, так как мы сами все знаем. Ты вел себя очень корректно, даже галантно и тем не менее ты такой же подлец, как и майор Уваров. Тебя вызвал майор сегодня утром к себе и сказал, что срочно надо ликвидировать из прибывшего пополнения бунтарей Седова и Русакова. Как это сделать? Очень просто – послать их на такое задание, которое сулит стопроцентную гибель. Капитан, сказал тебе майор, вооружись математикой, но не забывай и про счастье. Задание должно быть настолько трудным, чтобы даже счастье не сработало. И ты, капитан, придумал такое задание.

— Пока светло я покажу вам этот проклятый дот, — сказал капитан, доставая из ящика стола бинокль.

Русаков покачал головой. Видно было, что он разгадал подлинную цель предприятия.

Мы вышли из капитанского „кабинета“ и пошли по грязным улицам в направлении фронта. Немцы знали, что нами готовится очередная атака. Они усилили огонь настолько, что на первый взгляд можно было подумать атака уже началась.

— Что это произошло у тебя с Панасенком? — спросил капитан у Русакова, когда мы вышли на маленькую площадь, обрамленную чудом уцелевшими деревьями.

— Так, разведка боем, — ответил Русаков.

— Неужели ты убил бы Панасенка, если бы он не отступил?

— Не знаю, товарищ капитан, может и убил бы.

На площади под деревьями прогуливались девушки из санбата. Кое-где встречались и мужчины. Мы уже прошли площадь и собрались сворачивать на улицу, ведущую к фронту, как послышался тревожный свист. Русаков бросился на тротуар и обхватил голову руками. Мы с капитаном не успели последовать его примеру — раздался оглушительный взрыв и мы увидели как в двадцати шагах от нас разорвался снаряд. Камни, пламя и дым разлетелись во все стороны. Стоявший рядом военный схватился за живот, потом, как подкошенный, боком свалился на тротуар. Девушки вскрикнули. Взрыв произошел так неожиданно, что никто из них даже не попытался бежать.

— Ложись! — крикнул Русаков, заметив, что мы бросились на помощь к упавшему военному. Я лег, капитан заколебался. Русаков схватил капитана за руку и повалил на тротуар. Раздался второй взрыв, более резкий и мощный, на нас посыпались куски кирпича и булыжника. Русаков протер глаза и вскочил на ноги.

— Теперь все! Больше ничего не будет.

Мы тоже встали и подошли к военному, лежавшему неподвижно у небольшой воронки, вырытой взрывом. В двух шагах от военного стояла толстая девушка в шинели и кричала неистовым голосом:

— Санитары! Где санитары? Санитары!

Военный лежал спокойно. Из его полуоткрытого рта сочилась тоненькая струйка крови. Шапка-ушанка соскользнула с его седой головы и прикрыла погон с майорской звездочкой.

Русаков нагнулся к нему и, взяв его руку, стал нащупывать пульс.

— Все! — сердито сказал Русаков и выпустил руку майора.

— Пошли!

Мы, не оглядываясь, зашагали по направлению к фронту.

Очутившись на окраине города, мы выбрали безопасное место среди развалин и стали изучать немецкие позиции. Три километра расстояния между городом и речкой занимала наша передовая. Она состояла из многих ходов сообщений, окопов, блиндажей и дотов. Все поле представляло собой иссеченную во всех направлениях долину, набегавшую на речку и бесцеремонно остановленную горным хребтом, круто поднимавшимся сразу за речкой. Вокруг шоссе горный хребет осел, образуя удобное место для танкового наступления. От взрывов бомб и снарядов, от постоянного обстрела из минометов наша позиция походила на первобытную твердь – нельзя было сказать, что она напоминает.

Самым опасным участком представлялся крутой правый берег речки, густо заминированный и как паутиной затянутый колючей проволокой.

Капитан первым осмотрел немецкие позиции в бинокль.

— Никаких сомнений, — сказал он с сожалением, подавая бинокль Русакову. — Ты настройся на расщепленный черный пень, — указывал он Русакову. — Настроился?

— Есть, товарищ капитан, настроился.

— Медленно спускайся к речке.

— Есть! Речка не замерзла, вода переливается через лед. Придется сапоги намочить.

— Поднимайся по обрыву.

— Ух, проклятый! — выругался Русаков. — Он весь виден и слева и справа.

— Теперь двигайся по долине справа от шоссе. Нашел холмик?

— Нашел.

— Нашел на нем дот и амбразуры?

— Нашел.

— Вот их и надо вывести из строя.

Русаков молчал. Он долго и внимательно изучал немец-

кие позиции. Прошло не менее пяти минут, прежде чем он заговорил.

— Нашел! — закричал он радостно. — Радость его была чистой, детской, напоминавшей забитый во вражеские ворота мяч.

Я не мог предположить, что Русаков может так беззаботно радоваться.

— Вот так позиция! Почтище Очакова. Люблю, люблю! Дело серьезное, не для сопляков. — Русаков протянул капитану бинокль. — Товарищ капитан, дадите Героя? Конечно, если выполню задание?

— Героя не обещаю, а к Знамени представлю, — подделываясь под безоблачную радость Русакова, ответил капитан.

Но безоблачной радости у него не получилось, — прозвучала едва прикрытая ложь.

Я тоже осмотрел позиции немцев в бинокль. Неужели можно доползти до „нашего“ дота незамеченным? Если бы у меня была белая полоска хоть на одном ногте!

В подвал мы вернулись поздно. Панасенко встретил нас приветливо. Он смертельно боялся Русакова и потому суетился вокруг него, даже противно было смотреть.

Бойцы отдыхали, вернее, занимались хозяйскими делами — чистили и смазывали оружие, курили махорку (я не курил, дым от махорки, завернутой в газетную бумагу, выедал мне глаза и раздражал меня), сушили у небольшой чугунной печки портянки и валенки (запах портянок и немых ног я не замечал, привык к нему), разговаривали, шутили.. Однако шутки получались плоские, натянутые, несмешные. Все знали, что ночью, скорее всего за несколько минут до рассвета, начнется наступление. Все знали, что немецкая оборона неприступна, что именно поэтому командование решило брать её не обыкновенными частями, а штрафными. Чем больше штрафных погибнет, тем лучше.

Во всех трех штрафных батальонах не было новичков, не было их и в отделении Панасенка. Все бойцы знали какой будет предрассветная атака. Никто не рисовался, не корчил из себя героя, хотя, я в этом был уверен, почти все были героями.

Тут я должен сказать, что несмотря на мое стремление вести себя с бойцами просто, на равной ноге, известная отчужденность между мной и ими оставалась. Русаков был признан ими своим без оговорок, признан негласным вождем, выразителем их дум и чаяний, их сущности. Русаков не стремился играть этой роли, само так получалось. Я же был как бы в стороне. Это давало мне возможность оценивать обстановку более объективно.

Рашидов сидел возле меня и о чем-то думал, опустив голову. Вещевой мешок лежал рядом с ним. О чем думал Рашидов? О жене? О детях? О девушке? Или вспоминал Ташкент, в котором никогда не был, но в который всю жизнь собирался съездить? Может быть, завтра утром он погибнет, так и не успев съездить в Ташкент.

Почувствовав, что я о нем думаю (в минуты большого душевного напряжения люди настолько чутко ощущают друг друга, что могут обходиться без слов), он быстро заговорил, словно боялся, что не успеет мне всего сказать, что я уйду, не дослушав его.

— Понимаешь, у меня дома, там, далеко за Ташкентом, осталась девушка. Я её всего один раз поцеловал, жалко было её, берег, думал: успею, зачем её портить. А тут война пришла. Я ей говорю: не плачь, я вернусь. А она все плачет, не верит. Пора ехать, хлопцы торопят, а я не могу отойти от неё. Вот тут у меня в мешке горсть земли нашей, узбекской. Она мне дала. Береги, Рашид, говорит. Пока, говорит, земля эта с тобой, я буду знать, что ты любишь меня. Сказка это! Нельзя знать любишь или не любишь. Пошел четвертый год войны, а я эту горсть земли с собой ношу.

Рашидов, осознав, что высказал самое главное и сокровенное, замолчал.

Алексей сидел в углу особняком, не желая принимать участия в общей жизни, а общих заботах. Глаза его ярко горели. Скорее всего, он мысленно молился и проклинал войну. Я знал, что в штрафной батальон он попал за дезертирство. Перед трибуналом он не раскаялся, напротив, с отчаянным упрямством говорил, что война – богомерзкое дело, что воевать он не будет. Бог, кричал он, запретил

людям убивать друг друга. Тот, кто нарушает эту заповедь – преступник.

Ваня Токарев усердно чистил свой автомат. Бойцы знали, что Ваня недалекий парень, что он всему верит. Кто-нибудь скажет: Ваня автомат у тебя самый грязный во всей роте, – и Ваня принимается вновь протирать ствол, приклад и диск. Он чистил с готовностью и чужие автоматы. Лицо его при этом выражало сосредоточенную напряженность. Казалось, что он верил в то, что делает самое полезное в мире дело.

Милый кретин! Брось это грязное занятие! Не все ли равно, из какого автомата убивать людей. Лучше ты присоединился бы вот к тем ребятам, что режутся в шашки. Этим, действительно, трын-трава. Старшего из них зовут Костей-Жуликом. Настоящей его фамилии никто в роте не знает. Под трибунал Костя угодил за изнасилование школьницы-полячки. Грязное было дело, не стоит даже рассказывать.

Младшего, более отчаянного, зовут Володькой-Прохвостом. Вот по ком тюрьма плачет! Бритва-парень. На груди у него снайперский значек. Говорят, что он убил тридцать пять немцев из своей снайперской винтовки. Маршал собственноручно награждал его, в газетах шелкоперы о нем легенды рассказывали. Срезался Володька глупо. Он тогда в госпитале долечивался, уже ходил без костыля. Своя братва – все голодные, как мартовские волки – подбила Володьку на мокрое дело. Ночью, когда луна спряталась за тучи, братва вышла на улицу. Если мимо проходила компания – не трогали, когда же подвернулся одиночка – набросились на него, избили до полусмерти, раздели (шуба на нем была, все равно что бобер), да убежать не сумели – подоспел патруль. Володька убежал, да толку от этого никакого – другие выдали.

Костя с Володькой не думают о предстоящей атаке. Для них убивать – что иному в футбол играть. Их тоже могут убить. Конечно, могут, – какая разница!

Злым и мстительным был Богдан Крапива, киевский рабочий. Он постоянно матерился, ругал немцев и грозился до тла сжечь Берлин. Немцы, говорил он, расстреляли его старого отца. Он сам толком не знал, за что именно.

Пришел Русаков с кипятком в котелке.

— Алёшка, дай заварку! — крикнул он, удобно усаживаясь на ящике, покрытом чьей-то шинелью.

Алексей принес заварку и началось солдатское чаепитие. Потом завязался разговор о немцах, о предстоящей атаке.

— Немец стреляет метко, — говорил Токарев, — пули бережет. Бают, что у него и пуль уже не хватает.

— Для нас с тобой, Ваня, хватит, — вмешался в разговор Богдан Крапива. — Эх, хоть бы до Берлина добраться, чтобы посмотреть, как он, проклятый, так его ..., будет гореть.

— Нашел на що смотреть, — укорял своего земляка Панасенко. — Ты лучше смотри, щоб тебя завтра спозаранку не пристрелили.

— Ничего ты не понимаешь, Панасенко! За что они убили моего старого батька? Ни за что! Он никогда мухи не обидел. Сволочи!

— Конечно, сволочи, — согласился Русаков. — Вот, профессор небось думает — что вы, простые солдаты, понимаете в войне? Война неизбежна. Ну, хорошо, не начал бы её немец, так начал бы турок или японец. Человеку нельзя жить без войны. Или не так, профессор?

Ненавидели ли мы немцев? Да, ненавидели. Я сильно ненавидел их. Они напали на нас. Но не в этом суть. Они с самого начала повели нечестную войну. Мудрые люди прошедших времен, руководствуясь не умом, а интуицией, ограничивали разрушительные силы войны. Они знали, что война неизбежна, что быть ей или не быть — зависит не от них. Поэтому они, в разное время по разному, не позволяли войне перешагнуть за определенный моральный барьер. Немцы же, может быть потому, что были слишком умны, что полностью доверились математике, отвергли чувства, не установили никакого барьера. Они позволили войне развернуться во всю ширь — и пошла такая свистопляска, что кровь в жилах стала стынуть. Народ — явление неисследованное. Никто не мог предсказать, как он будет вести себя, когда его начнут поголовно уничтожать. Наш народ в своих задатках — добрый, терпеливый и выносливый. Хотя немцы открыто не говорили, что ведут войну на уничтожение всего

нашего народа, он инстинктивно понял, что его хотят истребить. В нем появились такие качества, о существовании которых можно было только догадываться. Хорошо, что эти качества не умерли в нем. Он отбросил все житейское – в том числе жен и детей – и взялся за оружие. Конечно, в отдельности каждый боец стремился сохранить свою жизнь. Таких, которые нисколько не дорожат жизнью, мало. Народ как таковой тоже дорожит жизнью. Нет ничего в мире крепче, устойчивее, постояннее, чем жажда народа сохранить себя. Таких народов, которые не дорожили бы жизнью, история не знает. В этой проклятой войне наш народ перестал дорожить своей жизнью. И тогда он почувствовал, что победит. Он превратился в железный кулак и никому ничего не говоря, не считаясь ни с какими авторитетами, вопреки математике, вопреки логике, даже вопреки ходу истории, ежеминутно сознавал, что победит. Когда немцы подходили к Волге и Гитлер составлял план торжественного приема своих генералов в Москве, наш народ подспудно чувствовал, что победит.

Немцы не допустили никаких ошибок, у них было все правильно учтено: логика была на их стороне, техническое превосходство тоже было на их стороне.

Нельзя было переходить барьер! Ведь за историей, за войной, за нашей жизнью кто-то внимательно следит. И этот кто-то не мог не знать, что война всегда, хоть чем-нибудь, хоть пустячком каким-нибудь должна быть ограничена. В противном случае история кончится прежде, чем человечество выполнит свою земную миссию.

Наш батальон был частью народа. Всем батальоном вместе, как и каждым из нас в отдельности двигали те подспудные силы, которые вырвались из народных глубин благодаря нечестной войне.

Бойцы нашего отделения, каждый по своему, ненавидели немцев. Их ненависть была страшнее моей. Меня волновали разные вопросы, я иногда колебался, сомневался, не был уверен в своей правоте. Они же не сомневались и не колебались. Они чувствовали, что воевать надо, что убивать тоже надо и эти свои чувства не подвергали ни осуждению,

ни похвале. Они привыкли к ненависти и перестали замечать её. И это меня пугало.

— Почему молчишь, профессор? — настаивал на ответе Русаков.

— Конечно без войны мы, люди, жить не можем. Но я другого боюсь.

— Чего? — насторожился Русаков.

— Неограниченной ненависти. Безразлично чьей — немецкой или нашей. Человек даже на войне обязан оставаться человеком. Война — наше общее несчастье.

— По твоему выходит, что немцев следует жалеть? — спросил Крапива, не скрывая своей неприязни ко мне.

— Постой, не перебивай, — остановил Крапиву Русаков. — Здесь дело мудреное. Вот, к примеру, я не чувствую того, что война — несчастье. Не чувствует и Крапива, и Ваня, не говоря уже о Володьке с Костей. Может быть, она — не несчастье? И таковой ее рисует только твое профессорское воображение?

— Для Богдана, — ответил я, повысив голос, — для Вани, как и для Володьки с Костей война — несчастье. В этом я убежден. Ты — другое дело. Хорошо, что таких как ты — мало.

— Слышишь, Русаков? — обрадовался Крапива.

— Замолчи! — прикрикнул на него Русаков. — Мы о деле говорим, а ты лезешь со своими глупостями.

Повернувшись ко мне, он продолжал:

— Вот мы пойдем с тобой брать немецкий дот. Ты будешь стрелять в немцев или нет?

— Буду. Я и раньше стрелял в них. На то и война, чтоб стрелять друг в друга.

Нет, ничего они не понимают, даже Русаков не понимает. Я не против войны. То есть — я против. Но раз она уже есть, то я не против нее. Я против неограниченной войны. Человек, ограничивая войну, как бы сознает, что она — гнусная, отвратительная и подлая.

Ход моих мыслей нарушил Ваня Токарев. Он запел тихим, но полным ненависти голосом:

Германия, Германия,
Проклятая страна!

К Ване присоединился Крапива. Песня стала мощнее. Еще через секунду запели и корешки – Володька с Костей.

Германия, Германия,
Проклятая страна!

Неужели это верно? Ведь Германия дала миру тысячи замечательных людей. Её гуманистическая культура смягчала нравы не только у себя дома, но и в других странах. Что случилось с Германией? Что случилось с нами? Почему и немцы, и мы, и весь остальной мир все делают для того, чтобы погубить себя? Кто мне даст ответ, кто мне может дать ответ? Пожалуй никто. Пути истории неисповедимы.

К песне присоединились отделения Суворова и Нурмухамедова. Странная песня, жестокая! В целом она не выражает наших чувств к немцам, к Германии. Но сейчас, в эту минуту, перед наступлением, она каждому напоминает о том, что из-за Германии мы сидим здесь, в этом холодном подвале и думаем о том, кто из нас доживет до завтрашнего вечера. У всех у нас были в жизни мечты. Мы строили, каждый по своему, воздушные замки и надеялись, что построим их. Были среди нас и обреченные, возможно, вся наша страна была обреченной. Зачем немцы пришли к нам? Чтобы усугубить нашу обреченность?

Германия, Германия,
Проклятая страна!

Не будь Германии, Рашидов женился бы на своей девушке жил бы, пусть трудной, но мирной жизнью. У всех у нас есть счёты с советской властью, но это наши счёты, пусть кровавые, но наши. Меня, конечно, советская власть отправила бы в концлагерь, может быть, расстреляла бы. Я – антипод советской власти, я люблю свободу.

Зачем немцы пришли к нам с такой войной?! Неужели они не знали, что у нас, как и у них, есть и Русаковы, и Крапивы? Что даже такие противники советской власти, как я, будут воевать?

Ненависть, ненависть
Проклятая ненависть!

Я вышел из подвала, чтобы подышать свежим воздухом. Русаков последовал за мной. На дворе стояла светлая ночь. Строчили без умолку пулеметы, взрывались мины, тяжело, с надрывом бухали пушки. Не слышно было только наших катюш. Я знал, что к нам на подмогу еще вчера их прибыло большое количество. Говорили, что они расставлены справа и слева от Траумштейна и когда мы пойдем в атаку, они будут громить вторую и третью линии немецкой обороны. Танки наши стояли за городом. Жаль, что не танки пойдут первыми.

Немцы, конечно, знали, что мы будем на рассвете наступать. Не могли они не знать и того, что первыми в атаку пойдем мы, штрафные. У них, за речкой было тревожно.

— Я знаю, что ты не подведешь меня, — заговорил Русаков. — Но в случае чего — пеняй на себя!

— Пошел ты к черту! — рассердился я. — Неужели ты серьезно думаешь, что я могу перебежать к немцам? Надо быть круглым идиотом, чтобы не видеть, что перебежать к ним нельзя. Кроме того, я был у них в плену и знаю, с чем плен едят.

— Ладно, ладно! Не сердись! Я вышел за тобой, чтобы рассказать, как буду преодолевать обрыв. Ни хрена у майора с капитаном не выйдет. Ты, конечно, знаешь, что они нас посылают отдельно от остальных не потому, что им нужно вывести из строя этот паршивый дот, а потому, что боятся нас и хотят прикончить нас как можно скорее.

— Кто этого не знает? Спроси Ваню — и он знает.

— Ладно, не сердись! Я разыскал в обрыве изгиб. Он находится немного правее того места, что показывал капитан. Там обрыв осунулся и образовал воронку. Вот я в эту воронку и проскользнул. Самый трудный участок — не обрыв,

а речка. Её надо будет преодолеть за две-три секунды. Я заметил, что немцы освещают ракетами нейтральную зону с интервалами в две-три секунды. Главное – не зевать, уловить правильный миг!

Русаков воодушевлялся. Видно было, что он постоянно думает о предстоящем задании, что с тех пор, как мы расстались с капитаном, он подробно разработал весь план уничтожения дота.

— Ты видел как выглядит нейтральная зона? Её подготовили для нас, как по заказу – воронка на воронке, серая земля смешана с белым снегом. Я уже получил белые маскировочные халаты. Бежать вперед надо осторожно – подниматься только тогда, когда потухают ракеты. Из воронки в воронку и так до самой речки.

— Слышишь, как стреляют? — перебил я Русакова.

Немцы, зная про наши приготовления, беспрестанно простреливали всю нейтральную зону. Их минометы стреляли и по нашим позициям. Доставалось и Траумштейну.

Высоко в небе вспыхивали ракеты, повисали на несколько секунд в воздухе и тухли. Тут же вспыхивали новые.

Я не поддавался настроению Русакова: для меня взятие немецкого дота по-прежнему оставалось невыполнимой задачей, вернее, нашей смертью. Русаков недооценивал продуманности немецкой обороны. Он хотел взять дот, хотел получить орден, поэтому увлекся и потерял способность реально мыслить. Воронка, на которую он возлагал надежды, являлась во всем предприятии только незначительной деталью. Даже, преодолев речку и обрыв, нам предстояло еще пройти десятки метров заминированного поля. Нет оптимизм в данном случае был ни к чему. Я смирился с мыслью, что нас убьют еще на нашей стороне, до речки. Воронки – ненадежное укрытие. Однако мысль о неизбежности смерти не полностью завладела мною. Ум и сознание всецело утверждали меня в неотвратимости последнего часа, даже чувства мои не протестовали против его прихода, смирились с ним и смирившись, успокоились. Но где-то, я и сам не знаю где именно, едва уловимо протесто-

вало против решения ума. Война всегда была национальным явлением, не поддающимся оценке ума. Очень часто там, где ум был абсолютно уверен в своей правоте, проявлялась несуразность войны и результат оказывался неожиданным, противоположным тому, который предвидела логика.

Русаков не допускал даже мысли, что мы не выведем из строя дот. На чем основывалась его уверенность? На продуманности плана? Или на счастье? Скорее всего – на счастье. Или на интуиции? Пожалуй – на интуиции. Он обладал изумительной интуицией, На первый взгляд его поступки казались нелогичными и опасными, в действительности же они были и логичными и неопасными, – они представляли собой единственно правильный выбор.

Но на этот раз даже его интуиция была бессильной. Немцы стреляли и стреляли. На каждый метр земли, который нам предстояло преодолеть, они отпустили сотни пуль и мин. Если же они заметят, что кто-то ползет, пробирается к их окопам, они в тысячу раз усилят огонь.

— Стрелять-то стреляют, это верно. Но разве ты не слышишь, что стрельба ихняя – так, лишь бы стрелять. А куда и зачем – неважно. Кумекаешь?

Нет, Русакова нельзя сбить с толку, пожалуй, и не следует этого делать. Пусть он идет к смерти своим путем. Людям, идущим на смерть, во все времена делались поблажки. То им разрешали покурить или выпить стакан водки, то давали возможность провести пять минут с любимой, наконец разрешали плюнуть в сторону судьбы, вынесшего смертный приговор.

Зачем отнимать радость победы перед смертью у Русакова? Все дороги войны ведут к смерти – и те, по которым проходят с песнями, и те, по которым бредут с опущенными головами, едва передвигая ноги.

Война, война,
Проклятая война!

Пройдет еще несколько часов и все исчезнет, исчезнет навсегда. Исчезнут эти изуродованные деревья, исчезнут

эти трофейные машины, сиротливо прижавшиеся босыми ногами к холодному снегу, исчезнет Русаков. Все, все, все исчезнет потому, что исчезну я. Горько умирать в тридцать с лишним лет, так и не успев ничего сделать. А можно было сделать много хорошего – написать книгу о бессмысленности существования тиранов, о необходимости свободы как условия жизни на земле, можно было влюбиться, жениться и нарожать детей: целую дюжину, наперекор смерти. Смотри, смерть, завидууй! Дети смеются, они не подозревают о твоём страшном существовании. Может быть, поэтому так горько потом встречаться с тобой лицом к лицу.

Эй, сентиментальность, прочь от меня! Ты – признак близкого конца. Я не хочу умирать, я хочу жить! Хочу написать книгу о глупостях жестоких тиранов, хочу написать книгу о бессмысленности войны, хочу рассказать своему сыну сказку про курочку рябу. Он будет слушать и спрашивать, откуда к нам пришла курочка ряба.

Значит конец неизбежен. Как я ни стараюсь отогнать от себя сентиментальность, она не уходит.

– Слушай, Русаков! Ты оставайся лежать в какой-нибудь воронке. Я один поползу к доту. Мне эта смерть на роду написана.

Расаков пристально посмотрел на меня и смачно плюнул на стоящий рядом трофейный грузовик.

– Ну и псих же ты! С таким опасно ходить в дело. Одно слово – интеллигент. Меня, брат, пули не берут, в этом я убеждался много раз. Псих, право слово, псих!

Мы вернулись в подвал, прикованные друг к другу предстоящей нам смертельной опасностью. Моя судьба – твоя судьба, думал я, чувствуя, что вместо ненависти, в моем сердце разгорается дружба к Русакову. Я был против дружбы с ним. Он представлялся мне человеком без внутренних устоев. С детских лет ему твердили, что Бога нет, что любовь ко всем людям без различия их происхождения, – преступление; ему говорили, что к врагам надо быть беспощадным что богатых следует убивать; наконец, его учили доносить даже на родного отца, если

родной отец выступит против партии. В его уме и чувствах все категории объективных ценностей смешались, потеряли значение и превратились в пустые слова. Ему твердили, что только то полезно и ценно, что одобряет партия. Он, разуверившись в старых ценностях не поверил и новым. Его душа превратилась в пустыню, которой овладел праисторический инстинкт убийства. Если нет объективного добра, не может быть и объективного зла. Он подсознательно сделал вывод – убийство не является злом. В мирное время за убийство наказывают, следовательно, не попадайся. Совсем иначе обстоит дело в войну – убивай сколько хочешь, за это даже ордена дают. Кто может определить объективное добро и объективное зло в войну? Я не могу. Но если это так, то кто мне дал право обвинять Русакова?

В подвале было тихо – песня давно отзвучала. Бойцы думали каждый о своем, все же вместе они думали о войне, о том, кто переживет атаку и кто умрет. Никто не был уверен, что выживет, но никто также не хотел верить, что умрет. Все хотели жить и все сознавали, что в ближайшее время, лишь только начнется атака, могут умереть.

Так думали все кроме Русакова. У войны – свои законы. Она по своему отсчитывает каждому из нас часы жизни и смерти, каждому, но не Русакову. Есть люди, которые ей неподвластны несмотря на то, что именно они являются её вернейшими слугами.

Вернулся Панасенко. Вид у него был строгий и сосредоточенный.

— Отделение, слухай мою команду! – произнес он каким-то чужим, ледяным голосом. Если бы не это „слухай“ вместо „слушай“, можно было бы сказать, что говорил не Панасенко.

Вот когда завертелось колесо войны! Если еще минуту тому назад мы считали, что атака далеко, что еще есть время собраться с мыслями и подумать о том, о чем до сих пор думать не хотелось, подумать о самом главном в

жизни, то теперь уже думать было некогда. Теперь надо было подчиняться команде и действовать.

Команду давал Панасенко и мы беспрекословно подчинялись. Потом команду давал лейтенант Опацкий и мы, как бы сознавая, что без команды нам сейчас нельзя жить, охотно подчинялись. Наконец, командовал капитан Коваленков и вся наша рота, вооруженная автоматами, пулеметами и гранатами, выстроилась на грязном утопанном снегу возле оголенных трофейных машин.

На темных улицах было много солдат. Все они молча двигались на запад в сторону фронта. Оттуда доносилась глухим непрерывным гулом стрельба. Мы старались выполнять приказ и шли молча, соблюдая дистанцию. За городом, на сползавшей к речке равнине, было светло – отблеск наших и вражеских ракет освещал нас настолько отчетливо, что я отличал даже шагавшего впереди роты, капитана Коваленкова.

Потом мы шли ходами сообщения. Кто-то полушепотом окрикивал нас, капитан Коваленков так же полушепотом ругался и мы шли дальше, к нашему участку. Я удивлялся выдержке капитана и его умению ориентироваться в этом сложном и запутанном лабиринте окопов, траншей и рвов. Мы несли с собой ящики с дисками и гранатами, поэтому идти было трудно, особенно там, где приходилось преодолевать насыпи. За день насыпи оттаивали, вечером же покрывались тонким льдом и мы скользили и падали. Несколько раз, совсем рядом с нами, рвались снаряды и тогда мы припадали к земле и замирали в неподвижности. Капитан произносил: „вперед“, и мы ползли за ним, ощущая на руках, на лице и на коленях холод промерзшей земли.

Немцы, заметив нас, повели систематический огонь. Перед нами стали взрываться снаряды, один от другого на расстоянии двух-трех метров. Точная математика! Пройти этот огненный вал было трудно. Мы залегли надолго.

Почему наши молчат? Множество катюш, и не одного выстрела. Если бы наша артиллерия открыла огонь по

вражеским батареям, преградившим нам дорогу, мы давно уже были бы на месте. И здесь не хотят нам помочь, и здесь действуют согласно инструкции – штрафных не жалеть, пусть умирают, они этого заслужили!

Видимо, выждать дольше нельзя было и капитан отдал приказ двигаться вперед.

Я не помню, как мы прошли через огненный вал. Знаю только, что никто из нашей роты не был убит. Были раненые – всего пять человек, но убитых не было, это я определенно помню.

Последние три сотни метров до нашего участка мы прошли легко – ходы сообщения были глубокие и широкие, можно было проехать даже на мотоцикле.

Вот и ты, передовая! Неужели мы добрались до тебя благополучно, живыми и невредимыми? А народу сколько! На каждый метр – по десять человек. Наш участок – двадцать метров в длину. И расщепленный пень видно – торчит себе, как и вчера, когда мы осматривали его в бинокль.

Капитан позвал меня и Русакова к себе.

— Надо начинать! – приказал он шопотом.

Зачем этот шопот? Вокруг грохочут пушки, земля вздрагивает до самой своей сердцевины – кричи как хочешь, никто не услышит.

Я так и не закончил своей мысли. Сухой, какой-то знакомый, словно мы уже где-то встречались с ним, взрыв – комки обледенелой земли и чей-то стон рядом! Это война, живая война.

— Никаких вопросов нет? – спросил капитан.

Мы скорее догадались, чем услышали о чем он спрашивал.

— Нет.

— Тогда начинайте в добрый час.

Русаков взял меня за руку и мы, выждав секунду, стали карабкаться через насыпь. Русаков действовал ловко и уверенно. Легко, как кошка, он перекинулся через насыпь и прильнул к земле. Я неумело повторял его движения.

Вправо от меня в насыпь врезалась пулеметная очередь – пули часто, часто зацокали. Я, ощутив их близость и почувствовав их запах, намертво прижался к земле. Русаков пополз вперед. Он хотел доползти до черневшей в двух шагах перед нами большой воронки, настолько большой, что её могла вырыть только бомба. В этой воронке он видел наше спасение. Очутившись в воронке, мы, как по команде, облегченно вздохнули.

– Теперь можно и закурить, – громко сказал Русаков, доставая из кармана пачку румынских сигарет. Здесь, глубоко в земле, он чувствовал себя в полной безопасности.

– Стреляют-то как, стреляют-то как! – покачал он головой

Щелкнув зажигалкой, он стал прикуривать. Ноздри его вздрагивали точно так, как тогда в грузовике.

– Не боишься?

Я молчал. К чему эти ненужные разговоры? Мы пока прошли не больше семи метров от наших окопов и за эти несколько секунд нас могли убить два раза. Если нас не убили, то в этом нет ни капли нашей заслуги.

– Самое главное – не поднимать от земли голову, – учил Русаков.

– Отстань, – перебил я его, – мне не нужны твои советы!

– Псих, настоящий псих!

После этих слов Русаков долго молчал. Он жадно курил и о чем-то думал. Докурив, он отбросил окурочок, плюнул и приподнялся.

– Дрянь! Не понимаю, что хорошего в этих сигаретах. То ли дело наша махорка. Божий табак!

Что он, претворяется? Прячет свое волнение? Пожалуй нет.

– Поползем дальше? – спросил он, испытываясь взглянув на меня. Не дожидаясь моего согласия, он быстро вскарабкался к краю воронки.

Он полз невидимо. Казалось, что его не было, что он растворился в снегу, смешался с серой землей, улетучился.

Глядя на него я впервые за всю свою жизнь пожалел о том, что оторвался от земли, что не чувствую землю так, как чувствует он.

Опять пулеметная очередь – на этот раз слева. Пронесет?

Не пронесло.

Я почувствовал, что меня ранило в ногу и почувствовал не потому, что было больно, а потому, что по моей холодной правой ноге над щиколоткой, потекла горячая струя крови.

— Черт! –выругался я.

Русаков оглянулся.

— Ранило?

— Да.

— Ползи за мной. В пяти шагах перед нами воронка.

Боль. Она одновременно с ударами сердца стучала у меня в мозгу. Видя, что я не двигаюсь, Русаков одним рывком очутился возле меня. Обхватив меня вокруг спины, он поволок меня к воронке. Как раз в то время, когда мы начали сползать в воронку, ярко вспыхнула магниевая ракета. Она была так близко над нами и свет её был так ярок, что мы на секунду ослепли. Глина уползла из под моих ног и я полетел вниз, хватаясь руками за снег, летевший вместе со мной. На дне воронки я обо что-то ударился раненой ногой. От боли у меня потемнело в глазах и в темноте вспыхнули яркие искры.

(Окончание в «ВЕЧЕ» № 15)

М. Д. Мондич
(1923 - 1968)



Михаил Дмитриевич Мондич - автор публикуемой в «Вече» повести „Штрафной батальон“ - родился 5 марта 1923 года в селе Нанково, на Карпатской Руси. Рос и воспитывался в крепкой русскими традициями и верой в Бога православной крестьянской семье, состоявшей из отца и матери, дедушек, бабушек и двух братьев. Михаил - второй по рождению сын, по желанию родителей должен был перенять хозяйство. Однако он хотел учиться.

После упорных просьб, на которые родители не поддавались, в одно прекрасное утро, двенадцатилетний Миша „пошел учиться в Прагу“. К вечеру его догнали на лошадях и лишь обещанием, что „отдадут“ учиться, вернули домой. Обещание сдержали, отвезли Мишу в Прагу, в русскую гимназию. В гимназии он находился в среде детей из первой русской эмиграции, учился у замечательных учителей, среди которых было немало университетских профессоров. По окончании гимназии поступил на инженерный машиностроительный факультет Пражского университета. С юных лет солидарист, член НТС.

Война смела все планы. Немецкая оккупация. Подпольная патриотическая деятельность на территории России. Разгром и отступление немецкой армии. Возврат из России домой. Занятие Советской Армией Карпат. Призыв в армию в чине лейтенанта. Медаль за взятие Берлина. Неожиданный поворот в судьбе – назначение переводчиком (знание языков: чешского, венгерского, румынского) в „СМЕРШ“. Год пребывания в этом страшном учреждении, побег на Запад описаны Михаилом Димитриевичем в книге, названной „СМЕРШ“, опубликованной издательством «Посев» (переиздана в 1984г.) под псевдонимом М.Синевицкий. Псевдоним был избран по названию озера на Карпатах.

В 1949 г. М. Д. Мондич эмигрировал в Соединенные Штаты, где в 1950 г. женился. В 1952 г. вернулся в Европу, где по 1968 г., вплоть до ранней своей кончины в 46 лет, был сотрудником Исследовательского отдела Радио Свобода.

Основными чертами характера М. Д. Мондича были мужественность, стойкость, честность, правдивость, при сострадательном, добром сердце. У него не было врагов, к людям он подходил по Евангальски: ненавидел зло и грех, жалел и любил ближних. Он был человеком исключительно начитанным, обладал замечательной памятью. Очень хорошо разбирался в людях, не ошибался в суждениях о них. Прекрасно знал человеконенавистническую сущность коммунистической системы, лживость её тео-

рии и преступность её практики. Рожденный в свободном мире, хорошо знал Запад и в его лице Радио Свобода имела эрудированного, ценного эксперта, исследователя и советника.

При многих положительных качествах характера М. Д. Мондич обладал редкой в наше время чертой – подкупающей сдержанностью и скромностью. Никогда никакого самомнения, никакой позы. Самовыпячивание, рисовка – были противны ему.

Безвременная кончина М. Д. Мондича, после продолжительной и тяжелой болезни, была тяжелым ударом для его семьи: жены, дочери и сына, а также для многочисленных друзей-единомышленников, с которыми плечо к плечу до конца своей жизни, безгранично любя Россию, он боролся против тирании зла за свободу и свет на своей родине.

Михаил Мондич

«СМЕРШ»

1945 год. Советская армия „освобождает“ Европу. За нею следует СМЕРШ – «Смерть Шпионам», организация НКВД, специально созданная для истребления «врагов народа». В Закарпатской Руси, на этом клочке русской земли, принадлежавшем к довоенной Чехословакии, в СМЕРШ в качестве переводчика забирают местного паренька, автора этой книжки. Мондич умеет правдиво и просто рассказывать. Его описание службы в СМЕРШе, своих переживаний во время этой службы и побега читается с неослабевающим интересом. Записки Мондича – небольшой, но яркий отрывок, как бы луч света, внезапно освещающий читателю страшную правду о насаждении сталинщины в странах Восточной Европы. Сейчас, через 40 лет, минувшая война становится постепенно историей. Сталин умер, НКВД и СМЕРШ переименованы. Но дух угнетения и насилия жив, и книжка Михаила Мондича (опубликованная в первом издании под псевдонимом Синевирского) нужна не меньше, чем в то смутное время, когда она была опубликована впервые.

1984, 2-е изд., 216 стр.

26 нем. марок

Заказы направлять:
Possev-Verlag, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/M. 80

П.П.Мейер

ЗАПИСКИ*

В СВЯЗИ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПЕРЕВОРОТОМ 27 февраля - 3 марта 1917 г.

Вечером 11 февраля 1917 г. я получил телеграмму из Петрограда: „Прошу Вас прибыть по делам службы. М.В.Д. Протопопов“. Причина вызова была мне неизвестна, однако я имел основания предполагать связь такого с недовольством местных членов „Союза русского народа“. Зная, что у них прочные связи с правящими сферами, что сами они старались подчеркивать при всяком удобном и неудобном случае, я все время был готов к выпадам „союзников“.¹⁾

Выехал я утром 14 февраля и с опозданием на 19 часов приехал в Петроград. Несмотря на посланную накануне телеграмму, в военной гостинице (бывш. „Астория“) ком-

* Генерал-майор Петр Петрович Мейер (1860 –1925) был Градоначальником города Ростов-на-Дону до 6 марта 1917 года. Уволен от должности приказом временного правительства. Публикуемые „Записки“ П. П. Мейера, написаны им по свежим следам событий в 1917 году. „Записки“ хранились дочерью П. П. Мейера – В. П. Креггер, которая передала их для публикации в альманахе «Вече».

1) Под „союзниками“ П. П. Мейер подразумевает членов партии „Союз русского народа“.

наты для меня не оказалось. В таком же положении был еще один проезжий генерал. Швейцар все-таки нас устроил до утра в комнате какого-то офицера, который на эту ночь выехал в Кронштадт, оставив номер за собой. К вечеру следующего дня получил маленькую комнатку с разбитым окном, довольно холодную. Но рад был и этому.

Петроград внешне был спокоен, шла обычная жизнь. Но очереди у лавок, даже у хлебных и булочных в самом центре города, чуть ли не рядом с домом градоначальника. Вереницы людей, стоящих в „хвостах“ с понурыми и злыми лицами, ежащихся от холода, не предвещали ничего доброго. В последующие дни пришлось ознакомиться с общим недовольством, общим озлобленным отношением к правительству. Оно высказывалось всеми и во всех кругах. Негодовали извозчики, открыто высказывали злобные намеки кондукторы в трамваях, критиковали и злобствовали в салонах. Всего нехватает, все трудно достать, даже для весьма состоятельных семейств продовольственный вопрос превратился в труднорешимую задачу. С недостатчей мяса, рыбы еще мирились, но в последнее время стало недоставать булок и даже ржаного хлеба. Прислуга от всех бежит, ибо заработки на фабриках сравнительно высокие, служба же в домах сопряжена с невыносимым торчанием в очередях из-за каждой мелочи. Рано утром в ожидании мяса и молока, потом у хлебных лавок, днем из-за сахара. Рабочие семьи в отчаянии: надо оставлять дома детей, стоять в очереди у лавки, чтобы их прокормить... Всюду ругают градоначальника и в простонародьи разговоры, что хлеб, дескать, в России везде есть, а недоставляют нарочно, что это немецкая интрига, которая идет из Царского Села, потому что верховодят теперь Царица-немка и её приспешники, купленные немцами.

Начал я с того, что отправился к директору Департамента Общественных Дел Шинкевичу. Он мне сказал, что знает о причине моего вызова немного, подробно же могут говорить со мной об этом лишь товарищ министра

внутренних дел Анциферов и сам министр Протопопов. Он лишь знает, что на меня подана какая-то жалоба, в которой обвинителями выступили местные правые. Обвиняют меня в действиях идущих вразрез с интересами правительства. Из обвинения Шинкевич помнит: привлечение редактора „Ростовского Листка“ Костричина к судебной ответственности за перепечатку из газеты „Земщина“ стихотворения под заглавием „Глупая Дума“, что влечет за собой обвинение по статье закона и лишает Костричина права быть избранным в состав городской Думы Ростова на Дону. Так как Костричин принадлежит к числу наиболее влиятельных деятелей по агитации за выборы в состав будущей городской Думы правых и убежденных монархистов, то обвинители усматривают в этом сознательное с моей стороны содействие прогрессивным и левым в деле захвата будущей городской Думы в их руки. Это содействие тем же элементам они усматривают в ряде моих других поступков и во всем моем поведении. Упоминалось в жалобе разрешение лекции члену Государственной Думы Аджемову, на которой будто бы допущены резкие выпады по адресу нынешнего правительства, вплоть до обвинения председателя Совета Министров в шпионаже. Говорилось о банкете, на котором в моем присутствии произносились явно антиправительственные речи, о преследовании мною правых монархистов Кошкина, Дутикова и других, о возбуждении против них безосновательных следственных дел. И наконец, указывалось на влияние Парамонова, Зеелера и других прогрессивных деятелей на меня, с которыми, по мнению жалобщиков, у меня установились хорошие личные отношения.

- Я, - сказал мне Шинкевич, - сообщил и министру, и Анциферову, что знаю вас, как отличного обер-полицеймейстера, у которого была лучшая во всей России полиция, корорым всегда было довольно и начальство и население, о котором даже все поляки отзывались очень хорошо. Я высказал министру мнение, что вероятно жалоба основана на недоразумении, которое выяснится

при приезде генерала Мейера. Советую переговорить с товарищем министра Анциферовым и записаться на прием у министра. Сегодня же - к управляющему канцелярии министра. Он, может быть, устроит вам внеочередной прием у министра. Но прежде всего переговорите с Анциферовым. А после непременно заезжайте ко мне.

Я пояснил Шинкевичу, что по моему мнению, ни губернатор, ни градоначальник, ни администратор вообще не должен быть ни левым, ни правым, что этого господина Костричины и им подобные не понимают, так же как не понимали некоторые из моих предшественников, в особенности последний - генерал Комиссаров. Избалованные близостью к этому генералу они и меня желали подчинить своему влиянию и сделать из меня свое послушное орудие. Никакими враждебными актами в отношении „Союза русского народа“, как такового, я себя не проявил, на совещания с участием общественных деятелей приглашал представителей этой партии также как и представителей прогрессивных кругов. Но чем больше пришлось знакомиться с деятелями правой монархической организации, тем более приходилось убеждаться, что большинство их вовсе не идейные правые, а состоят в партии для того, чтобы иметь связи, нужные им для их коммерческой деятельности, порой даже для хищнической мародерской деятельности. К таким личностям принадлежит, между прочим, и купец Кашкин, гласный Думы, член „Союза русского народа“, соборный церковный староста, вообще видное лицо в городе, который проделал крайне беззастенчивую и наглую операцию с гвоздями, полученными им для населения, как председателем городской продовольственной секции и частью распроданными им по двойной цене в его же магазине. Об этом злоупотреблении было напечатано в местных прогрессивных газетах и само собой разумеется, что публикация в этих газетах открыла мне глаза. Откуда бы обвинение не исходило - от правых или от левых - оно должно быть обоснованным. Обследование было мною выполнено по соглашению с прокурором суда. Произведенное

дознание дало полные данные к возбуждению судебного преследования, что и подтвердилось при рассмотрении дела в присутствии по городским делам, состоявшемся под моим председательством. Я поступил в этом деле согласно закона и поступив иначе, подвергал бы себя ответственности за сокрытие преступления. Из-за этого дела была поднята против меня травля редактором газеты „Ростовский Листок“, Костричиным, который не стеснялся грозить вмешательством Петрограда и который, получая, насколько мне известно, субсидии правительства на издание своей монархической газеты, явно подчеркивал свою близость к правительственным сферам и пытался использовать таковую в смысле влияния на членов градоначальства.

Помимо Кашкина находятся под угрозой привлечения к судебной ответственности купец Дутиков и агент городской управы по снабжению города углем Геродиматос. Оба эти лица принадлежат к „Союзу русского народа“, но не моя вина, что монархические убеждения они связывают с хищнической деятельностью. Допускаю, что моей деятельностью недоволено и большинство гласных городской Думы, тоже правых, причастных к продовольственному снабжению, ибо мне приходилось выступать с обвинениями их в бездеятельности, углубиться в рассмотрение причин продовольственных трудностей в городе. Но это критическое отношение к деятельности муниципалитета, совпавшее с таким же критическим отношением со стороны прогрессивных кругов, возникло не потому, что я сам вошел в состав организаций прогрессивного лагеря, а потому, что этого требовали существенные интересы населения. Не говоря о том, что градоначальник не должен приписываться к какой бы то ни было общественной организации, поддержка в данном случае скомпроментированных в глазах населения правых общественных деятелей, могла бы привести лишь к падению авторитета власти и еще большему падению монархической идеи.

Что касается возбужденного мною обвинения против редактора „Ростовского Листка“ Костричина за помещение стихотворения явно неуважительного для Государственной Думы, то полагаю, что ругать в печати Государственную Думу, как и всякое другое высшее государственное учреждение – недопустимо.

Наконец, о каком банкете упоминается в жалобе – я не знаю. Был действительно вечер-концерт в доме городского головы Нахичевани К. М. Попова, на котором были в числе приглашенных наказной атаман граф Граббе и другие. В нескольких тостах, сказанных за ужином, ни он, ни я ничего предосудительного, направленного „против основ“, не нашли. Граф Граббе, как старший, отвечал за тосты, я же их не произносил.

На следующий день я был у управляющего канцелярии министра внутренних дел Писаренко. Я не узнал этого господина. Год назад он держал себя очень скромно. Теперь – это был олимпиец, который разговаривал со мной крайне сухо, тоном большого начальника и весьма раздражительно. На вопрос, когда я могу быть принятым министром, вызвавшим меня по делам службы телеграммой, Писаренко ответил, что затрудняется сказать что-либо определенное, так-как у министра на всю неделю распределено время приемов с точностью почти до четверти часа, что он доложит о моем приезде, но что, прежде всего, мне нужно повидать товарища министра Анциферова, которому известны причины моего вызова.

– Я могу сказать вам лишь в общих чертах об этих причинах, – сказал Писаренко, хотя я у него о них вовсе не спрашивал, ибо сколько не перевидал управляющих канцелярий министерств, со всеми разговор был лишь о времени приема у министра.

– До министра, – продолжал Писаренко, – дошли слухи из источников, которым он вполне доверяет, что правые люди, монархисты, подвергаются в Ростове преследованиям с вашей стороны и что вы содействуете провалу правых на предстоящих выборах в городскую Думу.

Я ответил, что служу не первый год и потому смею рассчитывать, что министр внутренних дел будет судить о моих поступках не по одному только доносу, идущему не со стороны правых, а со стороны лиц, прикрывающихся флагом правых для осуществления темных дел и получения личной наживы.

- О каком доносе вы говорите?

- О том, который министр получил и вследствие которого последовал мой вызов. Я действительно принимал участие в возбуждении судебного преследования против Кашкина, хотя он состоит в числе монархистов, но раскрытие преступного деяния, совершенного монархистом, не есть преследование монархической организации.

- Я, - сказал Писаренко, - не знаю ничего о деле Кашкина, но удивительно, что вами возбуждены судебные преследования лишь против правых. Ведь вы не можете назвать ни одного из левых или прогрессистов, против которых вы тоже возбуждали судебные дела. Вот, у вас есть такой господин Парамонов, миллионер, высасывающий всю Донскую область, он несомненно тоже принадлежит к мародерам тыла. Однако вы его не привлекали к судебной ответственности Он несомненно левый, но повидимому власти боятся его трогать или не желают трогать. По каким побуждениям - я не знаю. Потому ли, что сами разделяют его политические взгляды или по каким иным соображениям - не знаю. Политические взгляды - мои, ваши - их ведь никто не знает, судят же по поступкам. Вы привлекали правых, а не провлекли левых...

Я ответил, что привлекал к ответственности не правых или левых, а совершавших преступные действия. Если бы в отношении Парамонова были бы данные для обвинения его в мародерстве, то, конечно, привлек бы и его к судебной ответственности.

- Скажите, как бы вы сами, ваше превосходительство, поступили, - спросил я, - если бы к вам, как к градоначальнику или губернатору, поступили неопровержимые данные, изобличающие то или иное лицо в преступном

деянии и в особенности, если помимо вас посредством печати об этих же данных знало все население и даже судебные органы. Стали бы вы выяснять кто преступник: правый или левый и если бы выяснили, что он правый, то не реагировали бы вовсе на это дело?

– Вы сами сказали, – ответил Писаренко, – что об этом знали судебные власти. К чему же ваше вмешательство? Дело судебной власти реагировать. Вам же следовало остаться в стороне, тогда и правые не были бы на вас в претензии. Вот вы и против Костричина возбудили обвинение и послали сообщение прокурору. Но ведь и прокурор сам читает местные газеты и если бы нашел напечатанную статью оскорбительной, мог возбудить обвинение или не возбудить, по своему усмотрению. Ваше же сообщение заставляет его прибегнуть к этой мере вне его собственного желания. Разве это не определенная тенденция против редактора правой газеты?

Я ответил, что тенденции против правой газеты у меня нет. Но не скрою, что против газеты подобной „Ростовскому Листку“ у меня действительно есть предубеждение и что считаю эту газету в том виде, в каком она издается, более вредной для монархии и правительства, чем всякая левая или прогрессивная газета. Газета, в которой чуть ли не в каждом номере имеются выражения вроде: „паршивые жидаы“, „мерзавцы армяне“, издающаяся в городе, в котором половина населения евреи или армяне, приучает население к тому, что монархическая газета и все монархическое связано с враждебным отношением к российским подданным нерусской национальности.

Дальше продолжать разговор было бесполезно. Я встал и еще раз попросил сообщить мне когда примет меня министр, сказав, что если я останусь градоначальником Ростова, то мне важно скорее возвратиться в этот город, где у меня есть много неотложных дел.

Расстались мы с Писаренко очень сухо и я вышел от него в крайне удрученном состоянии. В такое время ближайшим лицом при министре внутренних дел состоит господин со взглядами Писаренко! И что еще более

ужасно, говоря со мной, он очевидно высказывал взгляды своего начальника – самого министра внутренних дел Протопопова!

Через день я был принят товарищем министра Анциферовым. Принял он меня очень любезно.

– Мы с вами старые товарищи, будем говорить совершенно откровенно, – начал беседу Анциферов. – У вас твердая, установившаяся репутация опытного администратора. Быть администратором – это искусство, талант и потому судить об администраторе на основании субъективного заявления какой-либо обиженной стороны, давать указания на основании таких заявлений, для нас – центральной власти, представляется неудобным, ибо при этом мы легко можем впасть в ошибку. Переписываться в таких случаях тоже нежелательно, ибо переписка, даже самая секретная, в конце концов, неизвестно какими путями, получает огласку. Были случаи когда секретные записки от министра к товарищу министра перехватывались по дороге и становились достоянием газеты. Поэтому на ваш вызов сюда смотрите, пожалуйста, как на желание министра переговорить и посоветоваться непосредственно с вами по делу, которому министерство придает особо серьезное значение. Мы будем поступать так и впредь с градоначальниками и губернаторами, избегая переписки. Прошу и вас во всех сомнительных случаях, для разрешения более серьезных вопросов, сложить свой чемоданчик, протелеграфировать мне и приезжать лично.

Анциферов сказал в ходе разговора, что правые Думы существуют только в двух городах: в Одессе и Ростове. Правительство считает необходимым сделать все возможное, чтобы по крайней мере в этих городах и после следующих очередных выборов Думы сохранились в руках правых. Правительство надеется, что удастся провести большинство правых и в других городах, в частности в Петрограде. Во всяком случае необходимо, прежде всего, отстоять и закрепить позиции правых в Ростове и Одессе.

– Одессу считаем обеспеченной, – продолжал Анциферов, – в отношении же Ростова с недавнего времени у нас

появились опасения, основанные, вероятно, на каких-то недоразумениях, развеять которые можем лишь при вашем участии. Министр получил сведения о том, что с правой монархической группой в Ростове у вас создались отношения до крайности стесняющие, парализующие агитацию правых, поддерживающие авторитет прогрессивных и левых организаций в городе, что грозит правым провалом на выборах в городскую Думу, а впоследствии на выборах в Государственную Думу. Особенно стеснена правая печать в лице местной монархической газеты, редактор которой привлечен вами даже к судебной ответственности, чем отстранен от участия в выборах и лишен права быть избранным в число гласных.

Я заговорил о Костричине, о деле Кашкина в том же духе в каком разговаривал с Писаренко, развивая мысль, что на этих людей нельзя смотреть как на правых и монархистов, что их деятельность идет прямо во вред правых и сторонников монархической идеи, что она порождает лишь новых врагов монархического строя среди населения, что поддержка „союзников“ (не говорю о „союзниках“ других городов, а о „союзниках“ ростовских), т.е. небольшой группы во главе с Костричиным и Кашкиным, может лишь компрометировать власть в глазах населения и что такая поддержка невозможна без риска быть обвиненным в бездействии и покровительстве хищникам, прикрывающимся монархической организацией для облегчения проведения нечестных операций.

Наш разговор перебивал все время телефон. Анцифоров попросил зайти к нему еще в 9 часов вечера, сегодня же.

– Нам нужно все-таки побеседовать, чтобы выяснить программу действий на будущее. Я понял из ваших слов, что ваши обвинители, действительно, народ неприятный и нечистоплотный. Но иногда во имя общего блага надобно уметь быть снисходительным и терпеливым.

На этом мы расстались до вечера. Вечером он меня принял не в своем кабинете при Департаменте Общественных Дел, а в кабинете Совета по делам местного

хозяйства – Мойка, 61. Он опоздал почти на час, очень извинялся и после краткого вступления спросил, не имею ли я чего-либо против участия в нашем разговоре его ближайших сотрудников и товарищей по службе. Я не возражал. Он вышел из кабинета и через несколько минут вошел вместе с Писаренко и еще каким-то молодым человеком лет 26-28 – тип недавно кончившего учебу правоведа или лицеиста.

Писаренко держал себя довольно напыщенно, перебивал иногда Анциферова и казалось, что Анциферов старался попасть в тон Писаренко, а не наоборот. Молодой человек удивил меня прекрасной осведомленностью о ростовской жизни. Фамилии Костричина, Парамонова, Кашкина, Дутикова, Смирнова, Чирикова, Геродиматоса назывались им так, будто он или жил в Ростове, или был давно в курсе всех наших ростовских событий, нашей повседневной партийной борьбы.

Я сказал, что если они хотят иметь в Ростове дело с правыми, то им следует опираться не на Костричина, Кашкина и прочих членов „Союза русского народа“. Есть в городе и другие правые в составе той же Думы даже в числе профессоров университета. В торговой среде на первом плане интересы коммерческие, политически стойких убеждений нет. Среди населения большинство „нейтральных“, которые может быть пойдут за именем кого-либо из умеренных правых, но не пойдут за Костричиным, ибо даже название „костричинец“ среди населения стало ругательным. Я упомянул, что даже в прогрессивном лагере уже ходили разговоры о кандидатуре в городские голобы генерала Черноярова, на котором, по мнению прогрессистов, могли бы помириться как они, так и большинство правых и нейтральных. Конечно, это пока только разговоры, но они показывают, что может найтись не левый и не прогрессист, который соберет достаточное количество голосов. Кандидатов же из костричинского лагеря несомненно ожидает провал.

Мне возразил Писаренко, что правые, о которых я говорю и нейтральные – инертны и неспособны к агита-

ции в широких масштабах. Что какие бы ни были отрицательные качества Костричина, он не инертен и обладает большим опытом и способностью к ведению агитации. Что нельзя ставить себя в положение, при котором левые не постесняются выдвинуть опытных и деятельных агитаторов, а со стороны правых будут лишь одни лояльные, но бездеятельные лица. Это возражение поддержали оба других собеседника, причем Анциферов высказался очень откровенно, когда речь шла о невозможности полагаться на Костричина.

– Но когда у нас других лиц для борьбы с левыми нет?! Назовите других, способных к агитации в пользу правой Думы, тогда мы откажемся от этих. Назовите лицо, которое могло бы издавать правую газету лучше чем Костричин, мы дадим субсидию тому другому. Но нельзя складывать руки, ничего не делать, преследовать плохих правых и этим давать все козыри в руки левых. Мы готовы предоставить технические средства на места, а местная власть должна суметь их использовать.

Я доложил, что по моему мнению, местная власть должна быть в глазах местного населения беспартийной в области выборов, что вмешательство градоначальника в выборы может привести к совершенно обратному результату – к провалу поддержанного им кандидата.

– Должен сознаться, – сказал я, – что почти вся предыдущая моя служба прошла в Царстве Польском, где нет самоуправлений, и потому я не знаком даже с технической стороной выборов и потому не сумею использовать технические средства, если бы они были даны в мое распоряжение. Притом градоначальник настолько перегружен деятельностью в связи с войной, что ни следить за выборной кампанией, ни тем более направлять её, он не имеет никакой возможности. А такое дело невозможно поручить кому-либо из сотрудников.

Мне было на это сказано, что они могли бы командировать кого-либо из своих чинов для заведывания делом производством по выборам. Я задал вопрос в какую служебную форму выльется командирование такого

чиновника и в какие служебные рамки он будет поставлен в отношении градоначальника? Анциферов ответил:

- Это намечается еще вчерне и требует обсуждений. Во всяком случае, вам надобно еще быть у министра.

Писаренко заявил, что получить аудиенцию у министра нет никакой возможности в течение всей недели.

- Но Петр Петрович не может без конца ожидать приема, ведь у него тоже есть срочные дела на месте, - сказал Анциферов.

Я подтвердил это. Писаренко заявил, что он завтра же переговорит с министром и даст мне ответ по телефону в гостиницу. Анциферов просил, во всяком случае, перед отъездом быть у него еще раз. Я пообещал и раскланялся с ними, когда уже был двенадцатый час ночи.

В среду 22 февраля я завтракал у министра иностранных дел Николая Николаевича Покровского, с которым давно знаком и состою в некотором родстве (жена Покровского Екатерина Петровна родная сестра покойной жены моего брата, Анны Петровны). Я рассказал Покровскому обстоятельства моего вызова, кое-что из разговоров с Анциферовым и Писаренко. Он все время возмущался: „Черт знает, куда они Россию ведут, чем все это кончится, так продолжаться долго не может“ и т.п. От Покровского я поехал в автомобиле с Екатериной Петровной, которая подвезла меня к зданию министерства внутренних дел. По дороге она рассказывала, что Николай Николаевич три раза просил Государя его уволить, но Государь настоял на том, чтобы он оставался, ибо это нужно России. Она говорила, что положение её мужа невыносимо, вследствие полного расхождения во взглядах с Протопоповым и абсолютной бездеятельности председателя Совета Министров Голицына.

Пробовал повидать Шинкевича, но он не приехал в этот день так как затянулся его доклад у Протопопова. В гостиницу сообщили, что министр внутренних дел меня принять не может, просит после разговора с товарищем министра Анциферовым, ехать обратно к месту службы.

В четверг 23 февраля в 9 часов утра я поехал на вокзал

за билетом на обратную поездку в Ростов. У билетной кассы масса народа, но благодаря генеральскому чину меня приняли вне очереди. Думал выехать в пятницу, но на пятницу ни одного свободного места не оказалось. На субботу же было еще одно верхнее место первого класса. Пришлось взять его и отложить выезд до субботы 25 февраля. Когда возвращался в одиннадцатом часу дня, то на Невском было заметно стягивание полиции. Говорили о каких-то беспорядках среди рабочих.

Днем был у Анциферова. Он спешил куда-то и разговор наш был непродолжительным. Подтвердив, что министр не может меня принять в ближайшие дни и не желает также задерживать дольше в Петрограде, он резюмировал указания министерства: по возможности устранить остроту отношений, которая создалась между мною и правыми монархистами; ознакомиться с положением предвыборной агитации в городскую Думу и через месяц, по возможности, к концу Пасхальной недели или на Фоминой неделе снова приехать в Петроград для доклада и получения инструкций. При этом вновь подтверждено, что министерство ни за что не примирится с потерей правой Думы в Ростове. Я на это ответил кратким: „слушаюсь“ и стал прощаться. Расстались мы холодно. Анциферов чуть привстал из-за стола и подал мне руку, тогда как раньше вставал и провожал по кабинету чуть не до двери.

Входя к Анциферову в кабинет для окончательного разговора перед выездом я думал, что если мне будет предъявлено требование создавать в Ростове правую Думу и принять непосредственно участие в агитации в пользу такой Думы, то придется просить увольнения от должности градоначальника. Я предполагал выговорить себе возможность подать прошение об отставке в мае или июне, так как переезжать или найти квартиру ранее этого срока по моим семейным обстоятельствам было бы очень трудно.

Форма разговора со мною Анциферова дала возможность отложить такое решение еще на один месяц. Судя

по всему тому, что мне довелось слышать в Петрограде, общее положение было таково, что следовало ожидать, что недовольство всего населения Протопоповым, настроенность против него Государственного Совета и Государственной Думы, раскол среди членов кабинета министров, должны были привести к скорому его падению. Это был минимум для нахождения выхода из тупика, в котором очутилась вся Россия и в частности изголодавшийся, изнервничавшийся и обозленный Петроград. „Так дальше жить нельзя“, – стало ходячей фразой во всех слоях населения.

После Анциферова я зашел к Шинкевичу. Рассказал ему о разговорах с Анциферовым и данных мне директивах и сказал, что по моему мнению, желание сохранить правую Думу в Ростове при помощи „союзников“, совершенно несбыточно. Я повторил свое мнение о костричинцах, о том, что всякое сближение с ними ведет к вреду, а не на пользу монархии.

– Вот, и у вас в Петрограде, – сказал я, – много ли правых? Теперь все полевели у вас, так же как и у нас.

Я рассказал об разговоре с одним из варшавских генералов, которого встретил в гостинице „Астория“. Он постоянно посещал все рестораны, вращался во всех аристократических салонах. „Черт знает что, – сказал он мне, – наша аристократия теперь вся неузнаваема, все красные. В семьях сановников повсюду революционные разговоры, все обратились в левых. Давеча зашел в английский клуб, прошел в бильярдную, смотрю – играют в бильярд левой рукой...“

Шинкевич лишь сказал:

– Да, трудные теперь настали времена. Ну, слава Богу, что все-таки у вас здесь все кончилось благополучно.

Заговорили о начавшихся сегодня беспорядках в городе. А это, чем все кончится?

В тот же день я был приглашен обедать к бывшему президенту в г. Варшаве В. К. Литвинскому. Выйдя из министерства, ни одного извозчика не нашел. Боясь опоздать к обеду, возле Аничкова моста вскочил в трамвай.

Но трамвай все время останавливался, видно было, что где-то впереди задержка. С трудом добрались до угла Литейной и Невского. Там сплошная толпа, много полиции и по обеим сторонам Невского конные казацьи разъезды. Публика с ними мирно беседовала. Дальше пришлось пробираться в толпе пешком. В толпе шел разговор о какой-то манифестации, которая прошла по Загородному и Садовой, останавливала трамваи, снимая ручки с тормозов, кричала: „Хлеба!“

На следующий день, в пятницу, мне пришлось много ездить по городу. На Невском и на Литейной была сосредоточена полиция, видно все было поставлено на ноги. Жандармы и полицейские занимали все перекрестки в центральной части города. Невский и часть Казанской площади пришлось объезжать вследствие огромного скопления народа. На Выборгской Стороне в этот день были убиты полицмейстер и несколько городских. Между публикой и казаками установились дружелюбные отношения. Публика угощала казаков папиросами и яблоками. Трамваи в некоторых частях города не ходили.

В субботу 25 февраля утром начались разгромы некоторых лавок со съестным. Почти все хлебные лавки были закрыты, на дверях везде надписи: „Хлеба нет“. На Знаменской площади все магазины разгромлены, забиты досками. Щиты появились на окнах в магазинах и во всех других частях города. Трамваи не ходят. По Невскому в некоторых местах не пропускают и извозчиков. Полиция и жандармы – все на улицах. Много казачьих разъездов. Заняты нарядами угол Невского и Большой Конюшенной, Полицейский мост, мосты через Неву и повидимому все подступы со стороны окраин к центру, к Дворцам и к Градоначальству. Однако меры эти не достигли цели. Рабочие и безоружные солдаты заполняли уже все, прилегавшие к центральной части города, улицы. Около 4 часов дня, проезжая по Суворовской улице, видел массы рабочих, идущих не по тротуару, а по мостовой. На Невском и на Казанской площади огромные толпы народа, среди которого масса учащихся, солдат, рабочих. При проезде в

гостиницу пришлось сделать большой крюк, минуя Невский и выехать со стороны Дворцов.

Вечером с трудом достал извозчика, чтобы ехать на вокзал. Просто захватил подъехавшего к гостинице с пассажирами и несмотря на его отказы, сунул вещи и сел в экипаж нахрапом, сказав, что дам три рубля.

- Что ж; тебе мало?

- Нет, не мало, а только своя жизнь дороже.

Все-таки повез и по дороге рассказывал, что на следующий день извозчики решили не выезжать вовсе.

- Сегодня я сам видел на Знаменской площади, как пристав с полицией бросился на толпу с шашками, - рассказывал извозчик, - а казаки бросились на полицию, зарубили голову приставу, убили нескольких полицейских. Остальные разбежались. Толпа их била, со всех сторон стреляли. Можно пропасть ни за что, надо ехать домой. Бог с ней, с выручкой.

Вез меня окольными путями через Сенную, Садовую, Колокольную и подъехал к вокзалу с Лиговки. В пути я видел всего одного городского. Все остальные уже сошли со своих постов. Вокзал был занят ротой Лейб-Гвардии Волынского полка. У ворот руководили впуском публики офицеры. Поезд отошел с опозданием на пол часа. Дальше следовал благополучно, но с опозданием. От пассажиров, севших в Москве, узнали, что там пока все благополучно, но началась забастовка рабочих и на Страстной площади были сборища.

Все, что я видел за время своего шестидневного пребывания в Петрограде, привело меня к полному убеждению, что события, сопровождавшие великий переворот, возникли совершенно случайно и приняли стихийную форму без чьего-либо сознательного руководства и подготовки, главным образом потому, что всеми слоями населения овладело чувство безнадежности, злобы, нервной раздражительности, свойственное голодным и полуголодным людям, которое искало выхода. „Так жить нельзя“, „существующая власть ничего не может сделать для улучшения положения народа“, „страной давно

Монарх не управляет, власть в руках темных сил с императрицей-немкой во главе, связавшейся с Распутиным, замененным ныне Протопоповым“ – вот, что говорилось одинаково и во всех дворцах Великих Князей, и в аристократических салонах, и у рабочих станков, и в придворных лакейских, на передовых позициях и в глубоком тылу. Достаточно было небольшой искры, чтобы объединить чувства всего народа и вылить в форму всеобщего восстания против существующего порядка и против Династии, в особенности.

Что же было искрой? Точно не знаю, но из версий более правдоподобных началось с бунта, отчаявшихся в длиннейших очередях людей, в ожидании хлеба на Выборгской Стороне перед хлебными лавками и пекарнями. Ждали на морозе несколько часов рабочие и их жены, но хлеб был распродан. Стоящие в очереди остались без хлеба. Начали группироваться, не расходились. Явилась полиция, приказала разойтись. Возникла драка с полицией уже большой толпы. Вероятно, полиция попробовала прибегнуть к оружию. Беспорядок расширился. Толпа убила полицмейстера и еще кого-то из полицейских, почувствовала, что еще что-то надо сделать. Пошли по городу, перенесли беспорядок на другую сторону Невы. И уже после этого приняли участие в беспорядках более сознательные элементы и повели толпу за собой к достижению более ясно поставленных целей. Революционное движение возникло неожиданно для всех тех, кто принял в нем участие. Но более всего оно было неожиданным для правительства и его петроградских органов.

Уже из того, что товарищ министра внутренних дел находил возможным тратить время на разговоры, связанные с доносом каких-то ростовских „союзников“, и серьезно говорил о выборной кампании в этом городе, которая предстояла лишь в августе месяце, можно заключить, что в ближайших к министру сферах никаких опасений в эти дни не было. Также не предчувствовали и не ожидали серьезных событий и другие сановники.

Во вторник 21 февраля в полдень, я был с визитом у Градоначальника Петрограда генерала Болка. Он повел меня к своей жене, потом пригласил завтракать. Болк рассказывал мне о продовольственных затруднениях, о том, что получает сейчас на весь Петроград 5 вагонов муки, когда по самым скромным подсчетам Петрограду нужно для ежедневной потребности 50 вагонов, что у населения еще остались кое-какие запасы, но недостаток в хлебе острый.

– Я сделал все, что мог, – говорил Болк. – Докладывал председателю Совета Министров и министрам внутренних дел, земледелия, военному, также военному генерал-губернатору Кабалову о необходимости увеличить подачу вагонов, но все пока безрезультатно. Я еще удивляюсь народному терпению: стоят в очередях спокойно, как будто обыватели привыкли и втянулись в это положение.

Однако и генерал Болк никаких вспышек в ближайшие дни не ожидал, тем более, что был он под свежим впечатлением благополучно миновавшего 14 февраля, когда у всех была полная уверенность в неизбежности беспорядков и были предприняты решительные меры к их предотвращению.

Выступление самой Думы против беспорядков, как мне кажется, успокоило власть и вселило уверенность, что беспорядков не допустит не только „центр“, но и значительная часть левого крыла Думы. И оно, вероятно, так бы и было, если бы в Петрограде хватало хлеба.

Кроме генерала Болка я встречал в эти дни сенатора Белецкого, генералов Комиссарова и Климовича, полковника Заварзина. Все эти лица близко стояли к Департаменту полиции, были в курсе агентурных сведений, которыми располагал Департамент. Со всеми этими лицами я виделся в пятницу и субботу (24 и 25 февраля) и они так же мало знали о характере происходивших событий как и я. Во всяком случае они были далеки от опасений серьезных последствий начавшихся беспорядков.

С. П. Белецкий и М. С. Комиссаров пригласили меня завтракать к Донону в субботу 25 февраля. Хотя этот день был для меня неудобен из-за отъезда вечером, я принял это приглашение. Завтракали в отдельном кабинете, подано было великолепно, и видно было, что на завтрак они не поскупились. Говорили о моем вызове в Петроград и о текущих событиях. Белецкий критиковал генерала Болка и полицию, которые, по его словам, не сумели вначале локализовать беспорядки на Выборгской Строне и дали движению переброситься на другую сторону Невы. Генерал Комиссаров говорил, что ему очень не нравятся отношения, которые установились между толпой и казаками. И только. Говорили одобрительно о решении распустить Думу, но опасений за последствия сего не высказывали...

В четверг 23 февраля ко мне заходил сотрудник газеты „Русская Воля“, Горвиц (псевдоним „Самойлов“), бывший редактор газеты „Варшавская Мысль“, отношения с которым у меня всегда были дружественные. Зашел как добрый знакомый, между прочим, интересовался причиной моего вызова. Я взял с него слово, что будем говорить не для газеты, и тогда объяснил ему в общих чертах эту причину. Мы долго беседовали о создавшемся положении, о протопоповской политике, о Царском Селе и отношении к нему армии.

Как хорошо осведомленный о настроениях в газетных редакциях Горвиц рассказал мне много интересного, все больше на тему: „так жить дальше нельзя“. Но все, что он говорил, было неизмеримо далеко от того, что произошло через несколько дней. Вообще, повторяю, переворот произошел неожиданно для всех.

Обычно, какое бы ни подготавливалось противоправительственное выступление, готовили его всегда тайные организации, деятельность которых была хорошо известна Департаменту полиции, получавшему информацию от своих сотрудников – членов этих тайных организаций. Некоторые террористические акты удавались лишь тем организациям, число участников которых было неве-

лико. Но обо всяком организованном выступлении Департамент полиции всегда был осведомлен заблаговременно, что и давало ему возможность предпринимать предохранительные меры для предупреждения или ослабления выступлений.

Полная неожиданность для властей выступлений, сопровождавших февральский переворот, доказывает, что в этих выступлениях противоправительственные организации никакой роли не играли, что начались они случайно. Случайно же и разрослись, и приняли катастрофические размеры.

(Продолжение в «Вече» № 15)

**Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:**

**RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)**

Б. К. ГАНУСОВСКИЙ

„10 ЛЕТ ЗА ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ“

Эту книгу следует отнести к разряду т. н. „страшных книг“ Автор книги — старый эмигрант из „первой волны“, в 1943 году, желая активно бороться против коммунизма, поступил добровольцем в формирующуюся Казачью Кавалерийскую дивизию, позднее превратившуюся в Казачий Кавалерийский корпус.

По окончании второй Мировой войны этот Казачий корпус был выдан англичанами в руки Сталину. Был выдан на расправу и автор этой книги. Он рассказывает в своей книге о трагических годах, проведенных в советских концлагерях. Книга эта посвящена миллионам мучеников, страдавших там вместе с ним и продолжающим страдать и сейчас.

В 1955 году случилось чудо: наступила „хрущевская оттепель“ и автору, никогда не бывшему советским подданным, удалось вырваться из советского „рая“. Прощаясь со своими лагерными друзьями, он дал им обещание рассказать „свободному миру“ о том, что он видел и пережил там, ничего не прибавляя и не выдумывая.

Русское книгоиздательство „ГЛОБУС“ в Сан-Франциско издало воспоминания Б. К. Ганусовского с 14 фотографиями и 6-ю зарисовками из лагерной жизни, сделанными художником Юрием Зиггерн-Корн, так же отбывшем десятилетний срок в советских концлагерях.

Книгу можно выписать из книгоиздательства „ГЛОБУС“ по адресу: „Globus Publishers“, P. O. Box 27471 San Francisco, Ca. 94127, USA. Tel. (415) 668-4723.

Цена книги 16 ам. долларов и 1 ам. доллар за пересылку.

ЛАГЕРНАЯ ПОЭЗИЯ

СТИХИ ВАЛЕНТИНА З/К

В газете «Русская Мысль» (23 февраля 1984 года) было опубликовано „Обращение бывших советских политзаключенных в „Международный ПЕН-клуб“, авторы которого успешно ходатайствовали о приеме в эту организацию писателей русского поэта **Валентина Петровича Соколова**, известного под псевдонимом Валентин З/К. В Обращении, в частности говорилось:

„Валентин Зека начал свой путь по зонам ГУЛАГа в сталинские времена, по знаменитой 58-й статье УК РСФСР. Вот даты его пребывания в неволе:

1947 г. - 1956 г
1958 г. - 1968 г.
1970 г. - 1971 г.
1972 г. - ...

Сейчас он находится в Черняховской психиатрической больнице специального типа (СССР, 238100 Калининградская область, город Черняховск, учр. ОМ-216, ст-2, 1-е отделение). На бессрочное пребывание в психбольнице-тюрьме он проговорен судом только за свою политическую деятельность - по статье 190 (1) за „клевету на советский строй“.

Хочется верить, что это Обращение и принятие Валентина З/К в ПЕН-клуб положит начало борьбе за спасение большого русского поэта, о котором недавно напомнил наш альманах статьей Махмета Кулмагамбетова (подписавшего названный документ).

Уместно напомнить, что впервые стихи Валентина Соколова увидели свет в самиздатском журнале Владимира Осипова «Вече» (№ 4 – 31 января 1972 г.). Публикация сопровождалась коротким введением:

„Валентин З/К (Зека) – Валентин Петрович Соколов, род. 1927 г. – с 1947 по 1956 и с 1958 по 1968 годы находился в заключении. Мотив – стихи „враждебного“ содержания. Однако, помимо т.н. „враждебных“ стихов, Валентин З/К писал на темы любви, природы и родины. В настоящее время тяжело болен. Проживает в г. Новошахтинске Ростовской области. Стихи печатаются без ведома автора – это первая публикация Валентина З/К в СССР.“

Первая – и последняя. Немного печатали Валентина З/К и за пределами СССР: помимо изданного в Израиле сборника „Поэзия в концлагере“, журнал «Русское Возрождение» опубликовал в 1979 году наиболее известную его поэму „Гротески“ (по авторскому списку).

Между тем, поэзия Валентина З/К – явление уникальное. Выразительным языком старого лагерника, где за каждым словом опыт лично пережитого, он создает навсегда запоминающиеся образы и картины страшного мира.

Юродивый
в бушлате рваном
Стал родине
живым экраном...

И во всем – пронзительной остроты лиризм, истинная стихия этого гениально одаренного поэта-самородка, которого медленно убивают вот уже несколько десятилетий.

Птица отколет
крылом синевы
кусок
упадет
в траву и цветы

Предлагаем несколько стихотворений Валентина Соколова - из Лагерной тетради. Все стихи печатаются по автографам.

С нар словно черные статуи
Рушатся злые, косматые:
 Бей его гада!
Округлое зеркало взгляда
Кем-то разбито в осколки
Нары ломают, воют как волки
Жизнь отымают чью-то
Эх, на минуту бы круто
Вздыбить вот это над миром
И показать квартирам
Полным цветов и уюта.
Взглядом заржавел я в рыжем
Больно мне! Жутко мне!
Кто-то заржал и выбежал
Нож унося в спине.
Дверью голодной проглочен
Он побежал подарить
Черному телу ночи
Руки и сердце в крови.

1959 г.

Оглушили как дубиной
Днями сидки в пустоте
Тот, кто жил на высоте
Не просил у неба скидки.
Он навстречу страшным нам
Глаз выкатывал смотреть,
Перед тем как умереть
Смерть за глотку схватывал
И была причина в этом
Многих свет струящих дел -
Человек не зря сидел
Десять, двадцать лет.
Появлялись на дороге
Пятна крови, на крови
Вырастать цветам любви
И прекрасной нови.

1959 г.

Вы молчите, а мы говорим
Иногда в нас стреляют в кричащих
Нас ломают тупыми руками труда
На костях наших ваши растут города
Там, в сибирских завьюженных чащах.
Вы живете в квартирах построенных нами
И молчите как рыбы.

1961 г.

В каждом слове - собор
В каждом слове - Сибирь
Огневые рождающий струи
Рот -
 Это твой эшафот
 Умереть за сказанья живые.
Выйдет в красной рубахе палач -
 Политрук
Рвать палитру из рук
В трупных пятнах и в знаках отличия труп
 До предела циничен и туп.
 Он уронит топор
 В каждом слове - собор
Кровь рождается пролитой кровью
 В каждом слове - Сибирь
 Зарешеченный дом
И огонь под нахмуренной бровью.

1963 г.

Если вены расхлестать
Крови красные хвосты
По стенам пойдут плясать,
Изогнутся нависать
Черные мосты...
Выпью грам триста
Заору в голос
Ждет меня завтра
На работе голод
От труда горбаты
И горбы как гробы
Мы не люди - лопаты
В черных пальцах судьбы
Жрать захочешь - выроешь
Яму ближнему своему
С каждым днем ближе
И понятней тюрьма
По ночам к тебе бежать
Тихой сказкой письма...

1963 г.

В узловатых развилках
Этих каменных гряд
Жизнь свою ты разбил как
Сиреневый сад
Умереть мне в тюрьме
На заплеванных нарах
В этой каменной сумке
Я как солнца кусок
Пью из каменной рюмки
Дня серебряный сок.
На высокие стены
Тень моя упадет
Жизнь уйдет постепенно
Постепенно уйдет
А не лучше ли сразу
От удара ножа
Выпить белое море
В темноте этажа?
В узловатых развилках
Этих каменных гряд
Жизнь свою ты разбил как
Сиреневый сад.

Изолятор 1962 г.

Я сражен, я не могу
 Больше
Поклонись, моя душа,
 Богу
Я всего лишь человек
 человеку
Нужно пламя
 Отогреть руки
Нужно солнце каждый день
 видеть
Человек меж синих льдин
 ходит
Высота течет глазами
 моими
Я затерян в темных контурах
 ночи.

1961 г.

Рот твой покрашен
 Ногти тоже
 Белая чаша -
 Тела овал
 Я эту чашу
 В ночах целовал.
Пьешь из нее
 И всегда остается
 Тело твое
 Как струя из колодца.
Но я не пустыня,
 Чтоб пить без конца
 Мутную пену
 Пустого лица.

1961 г.

Я искал тебя в тебе
Так как ищут неба в небе
Ты была и человек
И прекрасный белый лебедь
Ночь и солнце
Зной и снег
В каждой женщине тупик
Солнце юного лица
Спит
Оно не греет
Я искал в тебе сестру
Шел к погасшему костру
Трепетал едва коснувшись
Храма тела твоего
Нес тебя к себе глазами
От тебя едва очнувшись.
В каждой женщине - тупик
Солнце юного лица
Спит.

1962 г.

Я на воле, вольным стал
Мысли словно волны в сталь
И от этого „на воле“
Только глубже море боли
Лиц мелькают острова
И слова, слова, слова...
Я на воле, вольным стал
И меж пыльных стен
Проносу свой полный стан
Окнам сдаться в плен
Между тысяч есть одно -
Прорубью на дно.
Мне стволами пушечными
Эти окна явлены
В грязных стеклах мутный блеск
И кричит зеленый лес
На камнях раздавленный
И срываясь с пьедесталов
В небо статуи плывут
Люди липкие, хвостатые
В тихий прячутся уют
Да, от этого „на воле“
Только глубже море боли.

1961 г.

По земле сады, сады
И следы, следы, следы
А по сердцу холод, холод,
Холод словно синий молот

Бьет

Сведет она с ума

Эта длинная зима.

Ты за ней следи, следи

Кружат белые следы

Под каскадом белых кружев

Ветки синие висят

По утрам сверкает инеем

Подошедший к окнам сад

А по сердцу холод, холод,

Холод словно синий молот.

1961 г.

Час пробил - хана ханыгам
Досвиданья, чайхана!
Горе тем, кто не попробовал
Горя горьковского дна.
Здравствуй, унтер Пришибеев!
Мне большому разреши
Подарить глазам плебеев
Книгу солнечной души
Горе тем, кто не изведал
Рук, завязанных узлом
Тем, кто каждый день обедал
Так свирепо не везло.
Вам еще не мало топать
Через жизнь, ходули ног
Потому что в каждом деле
Колеи больших дорог
Час пробил - хана ханыгам
Закрывайся, чайхана!
Горе тем, кто не попробовал
Горя горьковского дна.

1961 г.

Люблю седых
И ненавижу юных
Я не монах – я сам грешу
Но я не дам плясать греху
На обнаженных взгляду струнах.
Моя гитара говорит
О теплых чувственных касаньях
Но хор откуда? – голосами
Черниц и ангелов звенит.

1962 г.

Не обессудь, послушай:
Тяжелый путь прошла моя душа
Я шел такими дикими местами
Где человек быть не стремится выше
На каждой плоскости ты был раздет
И вынут из пропасти своих печальных дум
А руки стынут на ветру от счастья
А руки станут синими от света
Теперь ты ищешь у меня тепла, огня
Я дам тебе любви так много
Беги в меня – я золотая дверь
Я ночь,
Я песня,
Я – дорога.

1961 г.

Этот уж -
Ваш муж.
Как сумел он вас обвить
Ваше маленькое тело
Кольцами любви?
Черными жгутами
Захлестнуть глаза
Черным-черным цветом
Разлучить с цветами.

1962 г.

Милая - осколок неба,
Зеркало мое туманное
Меж холодных злых зеркал
Профиль мой весь день мелькал
Милая - осколок неба,
Как мне тихо и тепло
Ночи черное стекло
Брать из рук твоих
Ночи черное стекло
Если даже упадет
На цветы и ветви сада
Все равно не разобьется
В этой черной тишине
До утра скользить луне
Милая, осколок неба...

1962 г.

Чуть заметное смещение
Икон
И словно на ладони
Вся жизнь моя – и явь и сон.
Не раз менялось освещение
Поступков тех или иных
Встречались тени
На путях стальных
А воздух
Был преображен
В огонь
И крыл огромных трепет –
мой сон,
А явь, как детский лепет...

1963 г.

Если статуи начнут
Танцевать на пьедесталах
Если ночь мою качнут
Черным пламенем в бокалах
Я и сам к тебе навстречу
Черной лилией качнусь
Рук твоих просить у ночи
Губ и глаз и сердца, милая.

1963 г.

Будьте осторожны!
Вас женщина любит
А это очень опасно
Постольку поскольку
Любить не умеют сегодня.
Хотят вас иметь
Ручной обезьянкой
Водить на цепочке
Вокруг обнаженного тела
Орудье убить человека...
Особенно бойтесь красивых!

1962 г.

Дорогая, сделай, сделай
Ночь подобьем вьюги белой
Пляшут люди-колдуны
Когда в землю кол луны
Пусть звучит она без слов
Песня белых лепестков
В голубых осколках сна
Ветер, звезды и луна
И рукам светло и колко
В огневом струеньи шелка
Черным вихрем огневым
Ночь прильнет к цветам
живым.

1962 г.

АННА АХМАТОВА И ЛЮДИ С ТРЕХСЛОЙНОЙ ДУШЕЙ

„Впервые я услышала имя и стихи Ахматовой в 1935 году... Книжки Ахматовой я увидела лет двадцать спустя...“

Это признание Раисы Орловой в книге „Мы жили в Москве“.* От себя добавлю – услышала тогда, когда ей по возрасту полагалось услышать, правда, не только услышать, но и понять. А книжки можно было увидеть значительно раньше – в Москве же жила.

И еще, что следует запомнить: – „Но долго я даже не знала – жива ли одна еще.“

„Анну Андреевну Ахматову я увидел впервые в мае 1962 года...“ – Лев Копелев в той же книге. **Впервые** – выделено мною. Он же: „Я слушал царицу русской поэзии“.

Но „царствование“ Ахматовой длилось уже свыше сорока лет, а он только в 1962 году увидел её. Судя по его возрасту, он примерно тридцать пять лет должен был знать „царицу“ – но был в эти годы и глух, и слеп. Не хотел знать. А тут – „Глаза у меня были мокрые...“ Читатель, запомним и это – были времена, когда были значительно более веские причины для слез.

„Я сидела с Лидией Корнеевной Чуковской... и стала вспоминать „Реквием“... Лидия Корнеевна оглянулась по сторонам и сурово прервала: – Мы, нас, кажется, десять, молчим об этом уже больше двадцати лет.“

* См. «Грани» № 131, 1984. Р.Орлова, Л.Копелев – „Встречи с Анной Ахматовой“

Больше двадцати лет! Следовательно, где-то около 1960 года, в разгар „оттепели“, десять героев и героинь оглядываясь (это в собственной квартире!) „сурово“ хранили тайну! Хранили тайну или заживо хоронили великую поэтессу? Чего они боялись? Не угрожала им судьба сына Ахматовой, а подавно судьба её мужа. Разве что попросили бы их отойти подальше от кормушки, из которой кормятся „передовые“ писаки.

Ахматовой бы гласность только помогла. Кстати, об Ахматовой, о Гумилеве и о многих других уже громко заговорили – сам был свидетелем, как молодежь в вагоне пригородного поезда – не под Москвой, а в российской провинции, бурно спорила об Ахматовой, Гумилеве, Волошине... Спорила наивно, путали годы, имена, произведения... Это были годы, когда молодежи вместо русской культуры еще не подсовывали гнилые плоды западническо-диссидентской псевдо-культуры, попмузыки и соцарта.

Но Раиса Орлова хорошо запомнила урок и восемнадцать лет – немного не дотянула до двадцати – в сердце хранила „Реквием“ (впрочем, не ручаюсь, насколько свято, и хранила ли вообще), а в сумочке – партийный билет.

Но есть вещи и пострашнее, и погнуснее. Вернемся к первоисточнику:

„Постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» застало меня в поезде... Меня это постановление не возмутило, не испугало, просто не задело... Ругань всегда неприятна. Но раз сказала партия!...“

Еще деталь – когда член корейской (!) делегации спросил Орлову об Ахматовой, она не смогла ничего ответить.

Это Раиса Орлова. Что же говорит Лев Копелев:

„Речь Жданова и постановление ЦК 1946 года я прочел в лагере... Но тогда у меня были другие мучительные заботы...“

Копелев был в лагере, заключенным. Но и там он прежде всего заботился „о стране в разрухе“, а не о том, что русской культуре наносится еще один подлый удар.

Бывший политкоммисар (а он был именно им, напрасно пытаются его „замазать“, называют его „офицером-пропагандистом“ – так или иначе – политработник) еще не понял, что, попав в лагерь он перешел из разряда тех, кто бьет, в разряд тех, кого бьют. До того, что шельмуют величайшую поэтессу России, ему дела мало...

И вдруг метаморфоза. Вдруг Анна Ахматова стала „царицей“, вдруг Лев Копелев прозрел и увидел её, вдруг Раиса Орлова стала лучшим другом, чуть ли не наперсницей. С чего бы это?

Не потому ли, что быть другом, знакомым Анны Ахматовой, поклонником её поэзии стало модным, престижным. Ложь советской официальной литературы перестала удовлетворять самолюбие новоявленных снобов, нужно было срочно присосаться к истинной литературе, истинной культуре. Благо, уже не представляло опасности знать, кто такая Анна Ахматова, уже её не „прорабатывали“ во всех школах „от Либавы до Владивостока“ – как говорит сама Орлова. „Родная партия“ если и не велела любить Анну Ахматову, то во всяком случае, не карает за любовь к ней...

Мы все, всегда и во всех случаях радуемся возвращению блудного сына, покаянию грешника. Но в Раисе Орловой и Льве Копелеве мы не видим раскаяния. Не только нет раскаяния, но наблудившие соучастники злодеяний над великой поэтессой и мученицей земли Российской, над её мужем, над её сыном, над тысячами русских талантов, над миллионами русских простых людей имеют смелость **поучать** нас, как любить Анну Ахматову, как ценить русскую литературу, как поклоняться русской культуре, как любить самую Россию.

Вчитайтесь в то, что пишут Раиса Орлова и Лев Копелев! Как смещены акценты, как упорно возвеличивают они самих себя и как коварно, исподволь поносят они тех, кто не подобен им, кто **никогда** не был прислужником советской власти, кто **всегда** был – хоть и бесильным, а часто очень далеким – другом Анны Ахматовой. Как Орлова и Копелев, втаптывавшие – когда „пар-

тия велела“ – поэтессу в грязь, лишавшие её, буквально, куска хлеба, как они упорно утапывали, и сейчас утапывают, себе почетное место у её трона, только переменив своих жертв!

Как они, сорок лет жившие в одной стране, а то и в одном городе, с Анной Ахматовой и не знавшие её и не хотевшие знать её (вспомним то, что мы приводили из собственных признаний Раисы Орловой в начале настоящей статьи!) – иронизируют, что кто-то в эмиграции не знает, жива ли она. Но эмигрант этот за железным занавесом – тем занавесом, который сорок лет так рьяно возводили Орловы и Копелевы и иже с ними.

Как они трогательно устроили „гражданскую“ панихиду православной поэтессе, оскорбляя её, мертвую, советским безбожным обрядом, как они изысканно принесли „только цветы“, словно этим можно возвыситься выше советской казенщины. А на христианской панихиде – не на ярмарке снобовских самолюбий – устроили балаган, оскорбивший и возмутивший сына покойной...

Как мне знакомы все эти современные „столичные“ Эдики и Алики, Эллы и Светланы, увешанные заграничными фотоаппаратами и магнитофонами, в заграничных джинсах и вельветовых куртках, добытых за отданные подешевке русские иконы, как они кощунственно щелкали фотоаппаратами, сверкали вспышками, с хищным блеском в глазах расталкивали молящихся, рвались вперед, к гробу поэтессы, чтобы запечатлеть себя рядом с нею, хоть в последний момент „застолбить“ себя в её присутствии – благо, она уже не прогонит – чтобы потом хвалиться: и я был там...

Характерная деталь: Раиса Орлова видела на похоронах „каких-то старушек“. Не плохо бы ей было поинтересоваться – кто же это? Думаю, что среди них она бы нашла и истинных, верных на всю жизнь почитательниц Анны Ахматовой, а то и тех, кто стоял с ней в очередях перед тюрьмами. Но эти старушки не были членами Союза писателей или Союза кинематографистов, даже не завсег-

датаями московских и ленинградских „салонов“, зачем ими интересоваться?

По истине потрясающая по своему цинизму и низости сцена, когда над могилой поэтессы начинается спор, где ставить крест – в ногах или у головы! Для чего слетелись к могиле стервятники от культуры, ни разу в жизни не перекрестившиеся? Мерзостно читать, что происходило, еще мерзостней равнодушный, бесстрастный тон, каким это описывается.

Так что же это за люди, взявшиеся писать об Анне Ахматовой? Когда они **настоящие**, когда служили злу, или когда поклонились добру? Как у них сочетается членство в Союзе писателей – заметьте, долгие годы после встречи с Ахматовой – и любовь к русской культуре? Как можно было попеременно ходить к Анне Ахматовой, слушать её „Реквием“, и на партсобрания? Что за души у этих людей – двухслойные, двухдиапазонные, что ли?

Как радиоприемник: Щелк! – переключились на Анну Ахматову. Щелк! – на партийные мерзости...

А может быть, души то не двухслойные, а трехслойные? Может быть, в основе всего третий слой – беспринципность? А остальное все наносное. Лакировка, приспособленчество?

А может быть слой то – один – **голая беспринципность?**

О.П.

НОВАЯ КНИГА!

А. А. Лодыженский

ВОСПОМИНАНИЯ

Предлагаемые русскому читателю „Воспоминания“ А.А.Лодыженского (1886 – 1976) ценны как свидетельство очевидца развития предреволюционных и революционных событий в России, наблюдавшего их из редкостной перспективы – из Ставки Верховного Главнокомандующего Российской Армии к Штабу которой он принадлежал в судьбоносные годы первой мировой войны.

25 сентября 1914 г. по возвращении с Восточнопрусского фронта А.А.Лодыженский был командирован в распоряжение Верховного Главнокомандующего. Приказом начальника Штаба Верховного Главнокомандующего от 25.5.1915 г. назначен и.о. начальника Канцелярии по делам гражданского управления Ставки, а приказом Государя Императора Николая II от 25.9.1915 г. назначен начальником этой Канцелярии. От должности уволен 10.9.1917 г. приказом Керенского в связи с обвинением в участии в выступлении генерала Корнилова.

В „Воспоминаниях“ А. А. Лодыженского читатель найдет личные суждения очевидца, бросающие особый свет на уже известные исторические факты.

В приложении к книге публикуются впервые личные письма генералов Алексеева, Деникина, Врангеля и других руководителей и участников Белого Движения А. А. Лодыженскому.

В книге 144 стр.

Цена – 26 нем. марок или 10 ам. долларов.

Заказы направлять:

Russischer Nationaler Verein e.V., Theresienstr. 118-120,
8000 München 2, West Germany

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ШУЛЕРА

Мне уже доводилось писать в «Вече» № 13, в статье „Ликвидаторы Российского Государства“ о гитлеровской теории, в которой ставился знак равенства между дореволюционной Россией и СССР, и о том, с каким усердием эту, с позволения сказать, теорию подхватили и начали развивать в своей русскоязычной прессе прибывшие на Запад диссиденты.

Нужно заметить, что и до Гитлера, и до появления т.н. „третьей волны“, на Западе было немало любителей рисовать старую Россию не иначе, как только черной и серой краской, однако на такую наглость — обобщать Российскую империю с Советским Союзом, ставить знак равенства между законным и мягким правлением последних предреволюционных десятилетий и ужасающим тоталитарным коммунистическим режимом, они все же не осмеливались.

Собственно, поливанием зловонной марксистской грязью дореволюционной России левацкие диссиденты, будучи литераторами, редакторами и сотрудниками советских газет и журналов, занимались всю свою жизнь — это их амплуа, за это им хорошо платила родная партия, а теперь свою деятельность они перенесли на Запад — и здесь за это тоже платят немало. Наглая ложь, подтасовка, фальсификация истории России, ее порядков и законов — все пускается в ход, лишь бы опозорить Российское государство. Если говорится о неграмотности русского народа, то приводится не статистика 1917 г. или даже 1910 г., а статистика прошлого столетия; если говорится о порядках в Российской Императорской армии, то описываются порядки, имевшие место при Николае I; если речь идет о быте русских крестьян, то

приводятся цитаты из сочинений Герцена и Некрасова, хотя описанные ими порядки имели место 120 лет тому назад, во время крепостного права, а с его упразднением все изменилось, и в России утвердилась справедливость, и русский суд стал самым гуманным и справедливым во всей Европе. А диссиденты все еще пытаются представить Россию начала 20-го столетия крепостным правом, т.е. той общественной структурой, которая давным давно ушла в небытие. А теперь для пушщего эффекта в свою русофобскую кампанию они включили национал-социалистическую теорию о тождестве Императорской России с СССР.

Из этих специалистов по дискриминации России наиболее известны: Абрам Терц-Синявский, Борух Вельберг, Эфим Эткинд, Михайло Михайлов, Лев Копелев, Максудов, Вайнс...

Однако, одними ссылками на крепостное право диссиденты не ограничиваются. Так как в гуманном правлении предреволюционной России трудно, даже невозможно, найти примеры, которые можно было бы привести для сравнения со зверскими советскими методами, то „русскоязычники» углубляются в века и, выдергивая из русской истории ее непривлекательные страницы, — а они есть в истории любого народа, — пытаются ими охарактеризовать всю историю русского народа. В этой нечистоплотной игре их козырным тузом является Иван Грозный. Ничего, что со времен его царствования прошло 400 лет, но раз дело идет о дискриминации русского народа, то вытащим на Свет Божий и Ивана Грозного.

Действительно, правление Ивана Грозного в последние годы его царствования было деспотическим. Но не было ли в ту эпоху правление в западноевропейских странах еще более ужасающим? Ведь в то же самое время, когда Иван Грозный рубил головы своим оппозиционным боярам, во Франции мать короля Карла IX., Катарина Медичи организовала уничтожение гугенотов, и только за то, что они уклонялись от исповедования католической религии. В Париже в одну Варфоломеевскую Ночь было зверски убито около 10.000 человек, в том числе женщин и детей (Иван

Грозный хотя и был злодеем, но все же детей резать не приказывал), а всего во Франции в течение одного месяца было убито свыше 30.000 гугенотов. В ту же эпоху, в Испании генерал-инквизитор Торквемада сжег живьем на кострах 10.220 человек, большей частью евреев, которые, перейдя в католичество, продолжали тайно исповедовать иудаизм; а остальных евреев — около миллиона — выгнал из Испании. За время своего царствования Иван Грозный казнил 3.750 человек. Так что, как мы видим, по линии кровопускания культурные Франция и Испания перещеголяли „варварскую Московию» во много раз. Впрочем, людей жгли живьем и во Франции, и в Германии, и в Италии, и в Америке. Так почему же диссиденты трактуют правление Ивана Грозного характерным для России, но никто не подумает охарактеризовать Францию Варфоломеевской Ночью, Испанию — аутодафе Торквемады, Англию Генрихом VIII, Италию — кинжалами и ядами Цезаря Борджия?

Итак, в Западной Европе были сожжены многие тысячи людей только за то, что они не исповедывали католическую религию, а как же обстояло дело с сожжением людей живьем в России? Разве цари не жгли на кострах своих еретиков? На этот вопрос ответил член Государственной Думы В.Шульгин в своей речи, произнесенной в Государственной Думе 28 января 1909 года: „Я вам напомню, что в темные времена средневековья, когда на Западе руками святейшей инквизиции десятками тысяч сжигались на кострах разные ведьмы и колдуны, в России, руками православной церкви, о которой только невежды могут говорить с пренебрежением, знаете вы, как наказывали наших колдунов? Их заставляли бить поклоны перед иконами или лежать пластом в церкви. Вот, господа, пример прошлых времен“.

Правда, здесь нужно оговориться: во время царствования Федора Алексеевича был сожжен протопоп Аввакум. Но послан он был на костер не за ересь, а за бунтарство, за нещадную брань и расточения проклятий по адресу патриарха Пимена и царя. Конечно, это не оправдание подобной жестокости, даже если Аввакум сам искал возможность „пострадать“, но вспомним, что в то же самое

время в Америке, в штате Массачусеттс было сожжено живым 20 „ведьм“. В общем-то, на Западе жгли людей на кострах вплоть до XVIII века, а в Испании последняя группа еретиков и „ведьм« была сожжена в 1826 г. — всего 160 лет тому назад. Но можно ли представить, чтобы при царе Николае Первом в России людей жгли бы на кострах?

Но посмотрим на примерах, как выкладывают свои крапленые карты политические шулера из т.н. „третьей волны“.

„Со времен князя Курбского государственные рубежи скрывали от русского путешественника заманчивые и неведомые просторы. Уже тогда граница была на замке, и для того, чтобы стать путешественником, часто приходилось становиться изменником. Даже солнце русской поэзии, Пушкин, мечтал нелегально пересечь границу“.

Что это, выдержка из „Записок сумасшедшего“ Н. Гоголя? Ничуть не бывало. До такого болезненного бреда гоголевский сумасшедший не дошел. Это заявили на страницах еврейской газеты »Новый Американец«, № 53, журналисты Е. Вайль и А. Генис. И опять они копанули в средневековье и вытащили Ивана Грозного и Курбского. Но спросим мы их: когда, кто в России считал Пушкина изменником? Многие десятки авторов писали биографию Пушкина, но ни один из них, даже и советские „пушкиноведы“, которые искажают отношения Николая Первого с Пушкиным, и намеком не говорили, что царская администрация обвиняла Пушкина в измене. Пушкин никогда серьезно не собирался покинуть Россию. Почему же утверждают такое Вайль и Генис? Кто им такое поведал? Вероятно, сам Пушкин с того света.

Жуковский, Гоголь, Тургенев, Гончаров, Тютчев, Григорович, Толстой, Чехов, Гумилев, Бунин — все русские писатели, как знаменитые, так и малоизвестные, без каких-либо затруднений и особых разрешений уезжали из России, разъезжали по разным странам, оставались за границей годами, возвращались и опять уезжали, и никаким русским царям и в голову не могло прийти чинить им препятствия и тем более, обвинять их в измене. Даже будучи в неладах с

правительством, довольно левый В. Короленко и явный революционер и большевик Максим Горький, разъезжали по разным странам и российское правительство за это изменниками их не считало, хотя Горький изменником был. А на страницах газеты «Новый Американец» самым серьезным образом пишется, что для того, чтобы пересечь границу, русским путешественникам „приходилось становиться изменниками“.

И трудно представить, что „русскоязычные“ журналисты настолько примитивны, что не знают, что только лишь за два десятка лет до первой мировой войны свыше 3 миллионов российских подданных, добрая половина которых были евреи, эмигрировали в Северную и Южную Америку без всяких разрешений и выездных виз. Достаточно было иметь деньги на пароходный билет и никакой русской администрации и в голову не приходило не только чинить им препятствия, но даже спросить о причине их эмиграции. А. Вайль и Генис нагло врут, плетут чушь: „Граница была на замке“.

Но поношением дореволюционной России в своей „русскоязычной“ прессе, левацкие диссиденты не довольствуются. Они пытаются действовать уже в планетарном масштабе, и чтобы привить ненависть к русскому народу, проникают в западноевропейскую и американскую прессу. Так, например, Лев Копелев послал в американскую газету «Вашингтон Пост» (от 30 сентября 1983 г.) письмо в редакцию, в котором пишет:

„Русский народ не может быть представлен грубыми солдатами царского и сталинского времени“.

Солдаты Русской армии царского времени, на 90 процентов были крестьянами — великороссами, украинцами и белоруссами (инородцы, т.е. азиатские народы и племена, от воинской службы были освобождены), а по Копелеву, „русский народ они не представляли“. Почему же — нет? Не потому ли, что его представляли копелевы, эткинды, вельберги?...

Явно передергивает бывший политрук, когда заявляет, что не советские солдаты вообще, а **только сталинского вре-**

мени были грубыми. Из этого следует, что солдаты ленинского времени, подавившие восставших против коммунистического режима кронштадских матросов, расстреливавшие тысячи непокорных тамбовских мужичков, уже грубыми не были, а раз воевали не за Сталина, а за Ленина, то представляли и русский народ. Расстрелы же крестьян при Ленине были необходимы — он и сам, как явствует из его книги «Хранить вечно», не раз принимал участие в раскулачивании крестьян на Украине.

Хотя принципиальная цель Копелева та же, как и у прочих диссидентов, но он оригинальничает. Он не подгоняет царское правление к коммунистическому, а только к **сталинскому времени**, ибо правление ленинского времени для него священо. Однако, будучи коммунистом, и живя сей час не в социалистическом Советском Союзе, а в капиталистической Германии, он и теперь неустанно талдычит немцам в прессе и по телевидению, что он как был, так и остался марксистом. А марксистам оплевывать Россию, так сказать, положено по штату, ибо Маркс, будучи вообще человеконенавистником, особенно ненавидел русских и Россию. Следовательно, отбивая поклоны своему красному угоднику, марксисты вроде Копелева, Плюща, Мороза, обязаны придерживаться его ритуала, в который входит и распространение клеветы по адресу России, чем они усердно занимаются.

Но далеко не все диссиденты являются марксистами: многие ими были, но с образованием государства Израиль перековались на сионистов; другие не были марксистами и раньше. Но независимо от того, все они изучали историю по Марксу, а марксистско-ленинские догмы впитали в себя с молоком матери так глубоко, что и по сегодняшний день эти догмы сидят в их нутре. Даже враждебно настроенные против коммунизма русскоязычные диссиденты не упускают возможности лягнуть дореволюционную Россию при каждом удобном и неудобном случае. Так, например, некий А. Львов прислал в газету «Новое Русское Слово» письмо в редакцию, в котором пишет, что большевики легко захватили власть в России в 1917 году потому, что до революции царизм не давал развиваться в стране демократическому

движению. В подтверждение своего заключения А. Львов приводит примеры:

„Такое не могло бы случиться в демократических странах — и не случилось ни в Германии, ни в Австро-Венгрии“.

Как бы не так! **Не случилось?** — посмотрим. Как известно, до 1933 г. в Германии была полная демократия и свобода, — уж лучше бы поменьше, — как и в настоящее время. Но вот, хорошо организованная партия национал-социалистов, возглавляемая отставным ефрейтором Гитлером, совершенно законно, получив на всеобщих и свободных выборах большинство голосов, пришла к власти и был установлен в Германии такой же деспотический режим, какой установили коммунисты в России. А Львов самоуверенно заявляет, что „такого не могло случиться в Германии“.

Не так просто обстояло дело и в Австро-Венгрии. В 1918 г. Венгрия отделилась от Австро-Венгерской империи и провозгласила себя демократической республикой, которую возглавил премьер Михаил Каролий. Однако демократия просуществовала в Венгрии не дольше Временного правительства в России. И здесь, в 1919 году коммунистическая банда, возглавляемая венгерским Троцким — Бела Куном, арестовала и перестреляла демократических министров и депутатов, и провозгласила Венгрию советской республикой. Бела Кун начал пускать кровь венграм не хуже, чем Ленин русским. А местечковый журналист Львов пишет: „В Австро-Венгрии подобного не могло произойти“.

Но в Венгрии националисты оказались сильнее, так как большая часть венгерских интернационалистов-коммунистов (около 100 тысяч) в это время воевала за большевиков в гражданской войне в России. Не прошло и года, как националисты разгромили венгерские коммунистические банды, а сам Бела Кун бежал в Советскую Россию, где в Крыму устроил кровавую бойню пленным добровольцам.

То же самое произошло и в Италии, где была конституционная монархия. В октябре 1922 г. отставной капрал и социалист Муссолини пришел с отрядом чернорубашечников в Рим и заявил, что отныне править Италией будет он со

своей фашистской партией. И никаких особых возражений не последовало.

Так что разница в захвате власти тоталитарными системами та, что в демократической Германии национал-социалисты и в Италии фашисты¹⁾ пришли к власти без всякого сопротивления, а в „не дающей развиваться демократическому движению России“ большевики окончательно пришли к власти лишь после ожесточенной трехлетней гражданской войны (а на Дальнем Востоке она продолжалась пять лет) и многочисленных антисоветских крестьянских восстаний. И вряд ли можно сомневаться, что не вступи в войну с нацистской Германией Франция, Великобритания и США, то национал-социалисты хозяйничали бы в Европе, в том числе и в России, и по сегодняшний день.

Всю концепцию диссидентской теории о „злостном царизме“ и отождествлении России с СССР, предельно четко разбивает в пух и прах самый выдающийся польский писатель нашего времени Юзеф Мацкевич, книги которого вышли на восьми главных европейских языках. В своей книге «Победа провокации»²⁾, в главе „Существует ли еще Россия“, Мацкевич пишет: „**Советский Союз – это не продолжение, а противопоставление прежней России.**

Не рискуя можно утверждать, что СССР больше, чем только измененная Россия — он ее прямая противоположность. И это в любом отношении: политическом, экономическом, философском, бытовом и, быть может, больше в психическом(...).

Россия XIX века была страной заговорщиков и бунтарей, Советский Союз стал страной молчаливого послушания; символом России были церкви с куполами и крестами, символ же Советского Союза — уничтожение креста; русская поэзия воспевала леса и просторы, советская поэзия воспе-

1) Правда, фашистское правление в Италии было довольно мягким.

2) «Победа провокации», Ю.Мацкевич. ZARIA PUBLISHING, London, Ontario, Canada.

вает фабричные трубы; русская литература была одержима духом сопротивления и критики, советская литература отличается духом повиновения и восхваления; в старой России люди поднимались на защиту униженного, в Советском Союзе люди собираются на митингах, чтобы растоптать униженного; в старой России было принято все подвергать сомнению, в Советском Союзе царит непоколебимая во всем самоуверенность; в России шпиона и доносчика презирали даже те, кто пользовался их услугами, в Советском Союзе доносительство возвели в высокое звание гражданской доблести; Россия после реформы судопроизводства славилась наиболее беспристрастными судами в Европе, Советский же Союз слывет самой кровавой в истории пародией на судопроизводство“.

Юзеф Мацкевич жил и при царском правлении, и при советском и мог наблюдать колоссальную перемену, происшедшую в России в результате революции, а диссиденты из т.н. „третьей волны“ никогда в дореволюционной России не жившие и знающие о ней только из «Краткого Курса КПСС», да еще из книг большевистских авторов, вроде Горького, Серафимовича, М.Шагинян, В.Катаева и прочих большевистских лизоблюдов, твердят: „И раньше было так же, как и теперь“.

Еще истерически вопят они и о русском антисемитизме. И на это Мацкевич отвечает тоже:

„Царский городской, бьющий кулаком в зубы, представлял собой яркий пример варварского Востока. Когда же французская полиция, иногда даже без всякого повода, лупит дубинками по головам — это не трактуется типичным для Запада поведением (...). В таком же свете рассматривались в свое время еврейские погромы в России в 1905 году и процесс Бейлиса в Киеве в 1913 году. Их считали явлениями, возможными исключительно на темном Востоке. Однако наивным кажется сопоставление тех „эксцессов“ со страшной формой, до какой дошло преследование евреев Гитлером. Следует добавить, что преследование евреев в гитлеровское время, правда, под нажимом и в силу распоряжений Гитлера, имело место во всей Европе и было

делом и венгров, и французов, и голландцев, и бельгийцев и многих других западных европейцев“.

Вминать в грязь историческую Россию и расставлять знаки равенства между законным и гуманным российским правлением и советским рабовладельческим режимом — дело довольно бесстыжее, но еще более омерзительно то, что потомки ликвидаторов Российского государства, будучи не только не русскими, но еще и — ненавистниками России, тем не менее пытаются представить себя „представителями“ русского народа. Есть ли предел их наглости?!

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Национальная, внепартийная, общественная демократическая ежедневная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США с августа 1921 года.

Редактор А. А. Соллогуб

Подписка на 1 год - 60,- долларов, на полгода - 35,- долларов, на 3 месяца - 20,- долларов.

Подписку направлять по адресу:
2460 Sutter Street, San Francisco, Ca. 94115

Г. Фетисов

РОССИЯ И АЗИЯ

В. О. Ключевский видел историю России, как историю страны, „которая колонизируется“. В заголовке к его лекции II „Курса русской истории“ так и значитя: „Колонизация страны, как основной факт русской истории“. Колонизация, а не завоевания.

Вместе с тем, С. М. Соловьев между одними только 1055 и 1462 годами насчитывает 245 известий о нашествиях на Русь и внешних столкновениях. В дальнейшем, „с XIV века, с которого можно считать возрождение русского государства, и до наших дней“, – пишет в своей книге „Война и история русского мира“, вышедшей в 1894 году, военный историк генерал Н. Н. Сухотин – „в течение 525 лет Россия провела в войнах 305 лет, а считая войну на Кавказе, – 329 лет, то есть почти две трети своей жизни“.

Столетиями лились потоки русской крови. Почему? Зачем? Что куплено такой дорогой ценой?

Б. Никольский в издававшемся И. А. Ильиным «Русском колоколе» отмечал:

„До середины XVIII века, пока Россия не вмешивалась в дела Европы, все русские войны носили характер **защиты** собственных интересов, разумно и бережно охраняемых... Со времени нашествия татар и до Петра Великого России приходилось к тому же думать только об обороне, сопряженной иногда с отступлением, иногда

же наступательной. Того требовала историческая обстановка, весьма неблагоприятно складывавшаяся для русского племени“.

Приведем еще одну выдержку из статьи Б. Никольского „Войны России“.

„Бережное и ответственное отношение русской государственной власти к объявлению войны постоянно отмечает Ключевский. Достаточно вспомнить вопрос о Ливонском походе при Иоанне Грозном; вопрос о войне с Польшей из-за присоединения Малороссии по просьбе Богдана Хмельницкого при Алексее Михайловиче; уступки императора Николая I в переговорах перед Крымской войной; долгие колебания императора Александра II перед объявлением войны Турции из-за славян. И если не считать злополучной японской войны, то лишь те немногие войны, в которые Россия была втянута различными европейскими коалициями и комбинациями после 1756 года, могут вызвать сомнение в смысле их неизбежности и соответствии русским жизненным интересам. Во всех остальных случаях русское оружие служило или непосредственно для самозащиты, или для закрепления таких государственных граней, которые отвечали жизненным нуждам великой страны и обеспечивали безопасность для мирного производительного труда населения“.

Военный историк генерал Н. Н. Сухотин составил, а Б. Никольский дополнил таблицу войн России начиная с 1380 года (года Куликовской битвы) до 1918 года (года Брест-Литовска). Таблица эта показывает, что наиболее опасным врагом, преодоление которого потребовало наибольшего напряжения, у России были народы Азии. Монгольский погром 1240 года был самым тяжким ударом, который когда-либо пришлось испытать России вплоть до большевистского погрома наших дней. 130 лет войны на востоке уже после Куликовской битвы; 37 лет войны с разбойным Крымом, совершавшим набеги на южнорусские земли для захвата невольников – по некоторым подсчетам, в общей сложности не менее 5 миллионов

православных душ. „Но Россия преодолела татарщину“, заключает уже цитированный нами Б. Никольский:

„... и борьба с ней, по мере ее вековых успехов вовлекла Россию в наступление на юго-восток и на Дальний Восток; она привела ее к Памиру и Тихому океану. Точно пружина, долго сжимавшаяся под натиском Азии, выпрямилась: после взятия в 1552 году Казани, Россия, распостранившись на 10.000 верст, оказалась поставленной перед новыми сложными задачами; они выросли из оборонительного по началу наступления, вышедшего далеко за пределы тех граней, какие до сих пор еще определяют великодержавное значение России“.

Таково русское видение: „пружина, долго сжимавшаяся под натиском Азии, выпрямилась“; новые задачи выросли из „оборонительного по началу наступления“. Но потом это наступление вышло „далеко за пределы тех граней, какие до сих пор еще определяют великодержавное значение России“ или, как формулировал это тот же автор несколько ранее, далеко за пределы тех граней, „которые отвечали жизненным нуждам великой страны и обеспечивали безопасность для мирного производительного труда населения“.

Есть и другое видение. Заслуживает уважения и внимательного изучения видение истории, хранящееся в памяти самих народов Азии. Видение истории наследников Чингисхановой традиции. Для них 1552 год, взятие Казани русскими, – начало не наступления, а отступления не „выпрямление пружины“, а, вероятно, начало ее сжатия.

Уважение и внимательное отношение, готовность понять и учесть иную позицию, чем собственная, не обязательно требует чрезмерного „братания“ с носителями иной традиции, чем наша. Оставим авторское „братскому монгольскому народу посвящаю“ на книге Л. Н. Гумилева „Поиски вымышленного царства“ (издательство «Наука», Москва, 1970) на совести самого Льва Николаевича. Но сама книга как нельзя лучше служит пониманию традиции и видения „другой стороны“ в историческом споре

России и Азии. Русская историческая наука и русская классическая литература и помимо Л. Н. Гумилева немало в этой области сделали. В эмиграции традиция уважения к видению народами Азии, народами мусульманского мира их взаимоотношений с Россией – не прерывалась. Один из последних примеров – выход в издательстве «Посев» „Мемуаров“ А. А. Авторханова с его изумительными вступительными главами „Из биографии моего народа“ (чеченского).

Нарушает эту традицию, на наш взгляд, выпущенная парижским издательством «УМСА-Press» брошюра А. Бенигсена „Мусульмане в СССР“ или, точнее – экскурсии в историю, автора этой брошюры, выпущенной как-никак издательством, некогда печатавшим богословские труды, а теперь печатающим А. И. Солженицына.

„Культурный геноцид“, „непрерывной борьбой сопровождалась любая попытка сохранить свой этнический мир“, „исламская контрпропаганда наказывалась смертной казнью“, „мусульманские территории нынешнего СССР уже в раннем Средневековье сформировали могущественные, процветающие государства, в эпоху, когда предки русских только выкарабкивались из варварства“ – таковы словесные „перлы“, бросающиеся в глаза даже при поверхностном просмотре брошюры. Автор перечисляет „бесконечный“, по его словам, ряд бунтов, участие татар и башкир в бунтах Разина и Пугачева, сопротивление призыву в армию в Средней Азии в 1916 году, не упоминая о том, что на фронте с 1914 года сражалось 6 **добровольческих** мусульманских каваллерийских полков, что в 1915-16 годах мусульмане добивались формирования еще двенадцати полков, на что русское командование не пошло только потому, что каваллерия становилась уже невыгодной в военных действиях. Граничит с фальсификацией истории и ссылка на борьбу против советской власти народов Туркестана („басмаческое“ движение) без упоминания роли русского казачества и крестьянства в зарождении этого движения. Кстати, Восточный Туркестан А. Бенигсен почему-то, даже говоря о XII веке, назы-

вает „Синьцзяном“, используя термин китайских завоевателей этого края, возникший в XVII-XIX веках. Автору брошюры следовало бы знать, что „Синьцзян“ – по-китайски – означает „вновь приобретенные территории“.

Очерк А. Бенигсена не только постыдно поверхностен, но оставляет впечатление, что автор его из многовековой истории российско-мусульманских отношений стремился выбрать только то, что бросает тень на Россию. К тому же он и подсочинил кое-что для унижения России.

А. Бенигсен считает, что „ислам был зажат в стальные тиски“ Россией, что „в Дагестане и Туркестане применялась политика культурного геноцида и глубокого политического упадка“, но этого не доказывает. Напротив, видимо сам того не замечая, он свидетельствует, что мусульмане в России имели политическую, духовную и этническую свободу. „На Северном Кавказе, – пишет Бенигсен, – завоеванном после ста лет кровопролитных схваток, не было попыток колонизировать горы, слишком бедные, чтобы принять новых поселенцев. Русское присутствие ограничивалось лишь несколькими сторожевыми постами в высокогорных районах, и на этом контакты с коренным населением заканчивались. Вся территория была запрещена для русских миссионеров“.

Или в другом месте: „В относительно легко завоеванном Туркестане не только не было попыток ассимиляции населения, но даже контакты местных жителей с европейской цивилизацией не поощрялись“.

А. Бенигсен считает, что царская власть старалась сохранить отсталость мусульман. И в связи с этим он пишет, что „туркестанцы, наследники блистательной двухтысячелетней цивилизации, были подчинены политике расовой и религиозной сегрегации, удивительным образом напоминающей апартейд“. Тут трудно что-либо понять. Если туркестанцы наследники блистательной цивилизации (кстати, откуда эти 2000 лет?), то радоваться бы, что русские их не трогали и не приобщали к европейской цивилизации. Но тогда непонятно куда прицепить следующую фразу: „Никто из татар, кавказцев, а тем более среднеазиа-

тов не верит, что русские облагодетельствовали их, принося материальные блага цивилизации и духовную культуру, или вытаскили их из средневекового варварства. Еще меньше верят тому, что русские первыми дали им современную форму правления и государства. Все мусульмане СССР знают, что они русским ничего не должны: ни в плане духовной культуры, ни в плане государственного устройства“.

Помимо того, что эта фраза резко противоречит утверждению Бенигсена, якобы „русские военные власти пытались отгородить Туркестан от любого прогрессивного влияния“, она просто неверна. Мусульмане живут не только в России. Многие мусульманские страны, например Турция и Иран, никогда не теряли независимости, и могли развиваться без постороннего влияния на них, тем более без русского влияния. Ряд мусульманских народов развивался под культурным влиянием европейских государств. Однако ныне в культурном отношении самые развитые мусульмане – это мусульмане России. Азербайджанцы, туркмены, узбеки, таджики проживающие в России, по своему культурному и образовательному уровню далеко опередили своих собратьев в Турции, Иране, Афганистане или Китае, не говоря уже об Алжире и Марокко.

Нет, не верится в правдивость и объективность А. Бенигсена, веришь Абдурахману Авторханову. Описав завоевание своей родины-Чечни, поистине, „без прикрас и преувеличений“, он приводит полный текст прокламации, с которой обратился к чеченцам от имени императора Александра II князь Барятинский:

„Объявляю вам... 1. что правительство русское предоставляет вам совершенно свободно исполнять навсегда веру ваших отцов, 2. что вас никогда не будут требовать в солдаты и не обратят в казаков, 3. даруется вам льгота на три года со дня утверждения сего акта, по истечении сего срока вы должны будете для содержания ваших народных управлений вносить по три рубля с дома. Предоставляется, однако, аульным обществам самим произво-

дять раскладку этого сбора, 4. что поставленные над вами правители будут управлять по шариату и адату, а суд и расправы будут отправляться в народных судах, составленных из лучших людей, вами самими избранных и утвержденных начальством, 5. что права каждого из вас на принадлежащее ему имущество будут неприкосновенны. Земли ваши, которыми вы владеете или которыми наделены русским начальством, будут утверждены за вами актами и планами в неотъемлемое владение ваше“.

„Если бы сегодняшняя „автономная“ Чечено-Ингушская республика имела такую конституцию, – я ее считал бы сверхсчастливейшей страной“, добавляет к этому А. А. Авторханов.

Возникновение нашего мира не есть следствие случайного взаимодействия физических и химических сил природы, а результат проявления исключительной творческой гениальности.

Размышления на эту тему изложены в брошюре

А. К. ТРОИЦКОГО

„О логическом пути познания первопричины бытия“

Цена брошюры 10 немецких марок

Заказы направлять по адресу:

**„Possev“-Verlag,
Flurscheideweg 15,
D-6230 Frankfurt/Main, 80**

НЕХОРОШАЯ БОЛЕЗНЬ

Все люди страдают, в той или иной степени, какими-либо заболеваниями. Это, так сказать, обыкновенные болезни, не вызывающие особого отвращения или отталкивания. Но есть и другие болезни, о которых обычно молчат и которые даже вызывают известную брезгливость. Это – нехорошие болезни. Вот такой нехорошей болезнью страдаем почти все мы – россияне. Мы больны тем, что не можем к чему-либо относиться просто, здраво и объективно.

При появлении какой-либо сильной и талантливой личности, мы обычно сразу же заболеваем нехорошей болезнью. Мы либо превозносим до небес, либо топим в луже грязи эту личность. Нам это ничего не стоит, хотя бы мы не имели даже ни для того, ни для другого никакого основания. Амплитуда колебания нашего мнения необычайно велика. Так и мерещится большой маятник с амплитудой таких колебаний и тут же рядом – маленький маятник, показывающий колебания от желаемого до действительного.

Вот, на нашем горизонте появляется заметная личность и тотчас начинаются размахи большого маятника. Читаем на одном конце его амплитуды: „Представитель органов, которые все за него сочиняют“. На другом конце читаем: „Феномен, пророк и даже мессия“. При этих словах пробирает прямо дрожь и одновременно чувствуется какое-то кощунство. Ведь, вот такая гигантская амплитуда! Так зачастую нашей неумеренностью превращается стоящий человек то в шпиона, то в пророка! Тут и сказывается наша нехорошая болезнь – болезнь „культы лич-

ности“. Очевидно, мы к этому привыкли с давних времен и это не оставляет нас и по-ныне. И не зря, „усатый таракан“, использовал этот культ преклонения перед своей свирепой и сильной личностью. Кстати, этот культ звучит даже в нашей „народной песне“ – „Волга, Волга...“

Нет спору, вышедший № 12 независимого русского альманаха «Вече», по своему содержанию не имеет конкуренции. Особенное приятное впечатление производят статьи Солдатова и Бюлова. В основном альманах посвящен дню рождения современного большого русского писателя, чей красочный портрет украшает первую страницу. Конечно, день рождения – не юбилей и не юбилейная дата, но назовем для удобства этого писателя юбиларом. И вот, выдавая желаемое за действительное, мы вознесли на необыкновенную высоту этого юбиляра – большого русского писателя.

Строки этого моего письма не преследуют никакой иной цели, как уменьшить амплитуду нашего маятника и просто призвать к трезвой реальности. От того, что наше время небогато замечательными личностями, еще не значит, что их необходимо создавать искусственно.

Еще раз хочется подчеркнуть, что данный опус не преследует никаких иных целей. Не будут здесь затронуты такие темы, как критика творчества юбиляра (для этого требуются специальные большие познания), ни злоупотребление малопринятыми словами, которых избегал и сам Даль, не будет затронута ни личная жизнь юбиляра, ни его характер, ни даже те мнения, которые имели о нем его союзники по местам „не столь отдаленным“, наконец, не будут затронуты те внутренние и внешние силы, которые его выдвинули, поддержали в трудные минуты и даже создали условия, в которых он имел возможность довольно долго и храбро „бодаться“. Остановимся на двух конечных точках амплитуды нашего условного маятника.

Начнем с того профессора, для которого юбиляр только вывеска, а все его творчество создано „органами“. Очевидно, что здесь бытует очень завышенное мнение о

высокой культуре самих „органов“. Правда, они могут использовать творчество своих подопечных, ходивших или не ходивших в свое время с номерами, но вряд ли могут что-либо создать собственными силами, что, впрочем, и не входит в круг их обязанностей. Следует с уверенностью сказать, что мнением этого профессора можно пренебречь. Юбиляр безусловно личность, если и не очень симпатичная то, во всяком случае, сильная, талантливая и необычайно работоспособная.

Теперь, минуя середину, сразу же перейдем к другой крайней точке амплитуды. История человечества знает сравнительно небольшое число индивидуумов, наделенных разносторонней гениальностью. И как это ни странно, чем более прогрессировали наша культура и цивилизация, тем меньше становилось таких личностей. Так, сравнительно недавно, таким гением был великий Леонардо. Еще ближе к нам по времени и духу были Достоевский и Шиллер. Первый из этих гигантов был не только великий писатель, но и великий психолог, публицист и даже пророк грядущего „царства злого духа“. Правда, он был плохим математиком и его бедная супруга, после очередного проигрыша в Висбадене, не знала чем они будут завтра кормиться. Второй – величайший поэт, драматург, писатель и даже историк, о чем свидетельствует его замечательная история Тридцатилетней войны. Конечно, можно было бы назвать еще ряд других имен, но перейдем теперь к юбиляру. Итак, на другой крайней точке нашей амплитуды бытует мнение, что юбиляр не только большой математик, писатель (также поэт и драматург), публицист, политик, историк, но даже феномен, пророк и трудно выговорить... мессия! Такого обилия способностей в одном человеке история еще не знала.

Теперь разберемся по очереди во всем этом нагромождении гениальностей. Нет спору, юбиляр был всегда талантливым математиком – это ведь его прямая специальность, без которой он не мог бы, в конечном итоге, очутиться в „золотой клетке“ („шарашке“). Туда сажали не

только по партийным признакам, но также и по способностям и знаниям. Также не подлежит сомнению, что юбиляр большой писатель, в отдельных своих произведениях, даже гениальный. К числу таких произведений можно смело отнести его отдельные рассказы и, конечно, повесть об одном дне. И дальше следовали талантливые вещи, до той поры пока „основная тема“ не была исчерпана. Но юбиляр, воодушевленный необычайным успехом, на котором лежала, конечно и политическая окраска, не остановился на этом и перешел к другим темам.

О его весьма скромных поэтических и драматургических дарованиях писать не будем. Юбиляр решил стать историком. Правда, для начала, так сказать, для пробы сил, он решил посвятить себя созданию весьма нужной и чрезвычайно ценной истории возникновения и роста „мест не столь отдаленных“, превратившихся в величайшую империю рабов. Эта тема, естественно, была ему близка и потому, что он сам побывал в этой „империи“. Уже полностью реабилитированный, он с величайшим усердием окунулся в работу. Но сознавая, что за отсутствием необходимого материала, который находился за семью замками, истории получиться не может, он назвал свой объемистый труд – „опытом художественного исследования“. Это было честно и вполне понятно. Вполне оправданными были принятые меры для напечатания в будущем этого труда за границей и понятны трагические последствия, возникшие в результате принятия этих мер. Но для людей, для которых вся обстановка, в которой создавался этот труд, была знакома и ясна, все же было непонятным каким образом удалось опросить около двухсот свидетелей и это оказалось неизвестным „органам“. А ведь, эти показания и заменили в какой-то степени недостающие материалы! Это был нужный и полезный труд, правда, более для русского советского читателя, чем для иностранца. Кроме того, во всех томах поражало обилие ужасов, вернее их нагромождение. Это далеко не значит, что их не было, но неискушенный читатель может задать вопрос как же смог пережить все это сам автор? Надо

отдать должное автору за то, что некоторые теневые стороны своего пребывания в лагерях он честно осветил.

Свою деятельность в качестве историка юбиляр продолжил и за рубежом, куда он попал также и по своему желанию, зная, что только здесь за забором своего имения, он сможет спокойно предаться любимому делу описания российского лихолетия от самого начала и до наших дней. По странной прихоти, за начало лихолетия была принята восточнопрусская катастрофа, хотя эта тема уже давно и многократно была описана и обработана специалистами своего дела. Необходимость восточнопрусского наступления была очевидна, лишь выполнение было сделано поспешно и бестолково. Никакого исторического решающего значения этот август не имел, как не имела и осень 41-го года, несмотря на все случившееся. Но, читая этот труд, где от начала до конца удивляешься не столько трудоспособности автора, сколько бесконечному нагромождению фактов, туманящих весь ход событий, остаешься в недоумении. История ли это, исторический роман ли..? Совершенно очевидно, что ни то, ни другое. Что же? Ко всему прочему, наводит на некоторые размышления то обстоятельство, что главной, самой авторитетной личностью, поясняющей все события, является скромный капитан – он же автор, он же и историк!

Всем известно, что здесь – за границей, имеется огромный исторический материал, но при обработке его, преподносить все со своей авторской колокольни, не будучи историком, все же – слишком смело! Правда, переиздавая свой труд, автор кажется понял свою ошибку и решил начинать „историю“ с выстрела в Киевской опере, что конечно значительно правильнее. Однако, читая этюд о Государе, невольно вспоминаешь подобное описание в романе „Распни Его“ и надо сказать, сравнение не в пользу юбиляра. И опять, все то же необыкновенное нагромождение самых мельчайших фактов, словно автор хочет все время сказать – вот, мол, как я знаю дело и сколько материала перелопатил. Нам кажется, что начало осуществления гигантского плана

многотомного описания российского лихолетия, не дает основания для утверждения, что юбиляр является лучшим писателем среди математиков и лучшим историком среди писателей.

Нашумевшее когда-то открытое письмо господам руководителям, не оставляет никакого сомнения в том, что юбиляр очень далек от политики, а в отдельных местах этого послания высказывает мысли, прямо вредные для общего дела.

Безусловно, в публицистике и в выступлениях за исключением, конечно, „сенатских“ он весьма впечатляющ – нового немного, но все очень убедительно и не без характерного пафоса.

Появление юбиляра на „исторической сцене“ далеко не феномен. Феноменально было то время, когда миллионы рабов вышли в большую зону, а не он сам. Выступи чуть позже и имея такую же поддержку, Дудинцев-предтеча, весьма возможно, занял бы он это почетное место. В отношении же „пророчеств“, то все они нам всем давно известны. А о мессианстве даже стыдно говорить и смешно.

И остается лишь воспоминание о том периоде, когда напечатан был „один день“ и та реакция, и то волнение в стране, и тот скромный офицер-фронтовик с недоумением вопрошающий: „Неужели у нас такое было?“ Вот именно за это юбиляру – замечательному русскому писателю, большое русское спасибо!

В.Х., Льенц, Австрия.

После выхода в свет «Вече» № 12 в редакцию поступило несколько писем, авторы которых критиковали (некоторые весьма резко), замысел приурочить последний выпуск нашего альманаха за 1983 год к 65-летию А.И.Солженицына. В письмах приводились разные доводы и соображения, большинство из которых наиболее четко выразил автор опубликованного выше письма. Имя и фамилия автора письма редакции известны, но выполняя его просьбу, мы подписали послание лишь инициалами.

Мы не считаем нужным заниматься детальным разбором доводов В.Х. или опровергать его критические высказывания, право на которые мы за ним безусловно признаем. Мы лишь решительно отклоняем содержащееся в письме обвинение по адресу редакции «Вече» в создании „культа личности“, как пишет его автор, „юбиляра“.

Прежде всего, необходимо отметить, что термин – „культ личности“ – принадлежит к разряду словесных штампов коммунистической пропаганды, которые служат для искажения смыслового содержания тех или иных понятий. Автор письма, видимо, не сознает, что он оперирует термином, служащим для прикрытия дьявольской сущности явления, не имеющего прецедента в истории человечества. Подумать только – преклонение перед миллионнократным убийцей, славословия ему, обоготворение его, ложь во всем, бесправие, рабство – всего лишь, „культ личности“! Термин введен только для того, чтобы

могли увильнуть от заслуженной расплаты соучастники тягчайших преступлений, истинные виновники зла, творимого во имя партии, во славу Сталина.

Нам думается, что основная ошибка В.Х. в том, что он соскользнув на коммунистический термин, как бы сместил плоскости понимания и оценок явлений. Мы же наотрез отказываемся от термина „культ личности“, когда речь идет о том, что нам близко и дорого. Отказываемся мы и от мелочного торгашеского подсчитывания достоинств и заслуг, от сравнительного сопоставления их с какими-либо эталонами духовных и моральных ценностей, даже имеющих утвердившееся признание. Нам не нужны эти эталоны, ибо мы пользуемся безошибочной меркой, лучше которой не найти – это отношение хулителю России, ненавистников русского народа к русскому писателю А. И. Солженицыну. У своры недоброжелателей России, как у всех хищников, превосходное чутье, и если они истошно воют и клацают зубами, услышав имя Солженицына – не лучший ли это критерий, которым должно определяться наше отношение к нему?

Нет, мы не превратили А. И. Солженицына в „юбиляра“, дарованиями которого умилялись бы и чрезмерно восхищались бы им созданным и достигнутым. Мы знаем, у великой России было, есть и будет много достойных её сынов. На них она стояла, они её воскресят, и стоять ей на них в веках! Александр Исаевич Солженицын – один из них. И приурочив один из выпусков альманаха «Вече» к его шестидесятипятилетию, мы лишь поблагодарили честного и смелого русского патриота, выступающего в защиту русского имени, стремящегося предотвратить надвигающуюся на человечество трагедию, подготавливаемую русофобами. Что же касается окончательных оценок – не нам их давать и нет их в «Вече» № 12.

Примечательно и достойно похвалы, что В.Х., „помудрствовав лукаво“, заканчивает свое письмо в редакцию словами: „замечательному русскому писателю, большое русское спасибо!“ С того бы и начинать!

Людмила Келер

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН...

(Ответ В.Х. на письмо „Нехорошая болезнь“)

У каждого здорового народа есть свои святыни, свои идеалы, свои герои. Без этого нет народа. Плохо, когда эти святыни и эти идеалы втаптываются в грязь и заменяются псевдо-святынями и анти-идеалами. Именно это несчастье постигло нас, русских. Теперь начинается выздоровление: лучшие люди на родине буквально „выбираются из-под глыб“, которые вот уже больше полувека искусственно наваливались в их сознании. Цель была – истребить память о прошлом и предотвратить возврат к извечно-русским идеалам. Надо надеяться, что это не удалось. Мы мало знаем о глубинных процессах, протекающих на нашей родине. Изредка доносятся полузадушенные крик или стон. Мы научились понимать наших единомышленников там с полуслова, с намека. И только редко кто-нибудь из этих наших единомышленников обретает голос и говорит не только нам, но и всему миру. Это почти чудо. Таким счастливым исключением стал в последние годы Александр Исаевич Солженицын.

Поразительно было открытие (нет – обретение) не только Солженицына-писателя, его-то мы знали, а Солженицына-русского патриота, Солженицына как общественное явление. Как чудесно было узнать, что у нас (правой части эмиграции) с ним много общего, что, в основном, мы стремимся к тому же самому. Как будто два брата-близнеца, выросшие в разных странах и в разных условиях, разделенные долгими годами разлуки, при встрече обнаруживают, что они говорят на том-же языке и по-прежнему близки и связаны друг с другом. За эти годы

Солженицын стал для нас чем-то гораздо большим, чем только писатель. Он и духовный мост, соединяющий нас с родиной, он для нас и духовный вождь, указывающий путь в наше, в русское будущее.

И вот письмо В.Х. „Нехорошая болезнь“, с „амплитудой колебания“, „неумеренностью“, с противопоставлением „шпион – пророк“. Чего же хотел бы В.Х.? Чтобы было одно мнение, чтобы все „единогласно“ приняли одну установку? Тогда ему лучше перебраться на Восток, там любая доярка („Я, конечно, не читала этого подонка и предателя родины, но...“) будет поддерживать призрачное единогласие из-под палки. В нашем же все-таки еще полу-свободном мире это не принято, тут допускается известная свобода мнений. И это хорошо – из разногласия, из споров даже, рождается истинное согласие.

В.Х. приписывает нам, русским, болезнь – склонность к „культу личности“. Так ли это? Культ личности, очевидно, сопутствует марксизму, достаточно вспомнить Мао в Китае. С другой стороны, культ личности, в основном, всплывший на поверхность в 30-е годы, имеет оттенок „восточного деспотизма“, и это уж личный вклад „отца народов“ (которого, однако, русским никак не назовешь!). Но как культ отразился в народной песне „Волга, Волга...“ совершенно непонятно. Там как раз обратное: разбойничья шайка ропщет и принуждает атамана бросить за борт персидскую княжну. Это стихийный бунт против главаря. Если тут и есть „культ“, то скорее всего матушки Волги, а она все-таки не личность.

Дальше В.Х., отдавая должное Солженицыну как писателю, пишет: „...выдавая желаемое за действительное, мы вознесли на необыкновенную высоту этого юбиляра“ (т.е. Солженицына) и добавляет: „От того, что наше время небогато замечательными людьми, еще не значит, что их необходимо создавать искусственно“. Тут же он призывает к трезвой реальности.

Так вот, с самой трезвой реальностью, следует признать, что личность Солженицына настолько замечательна, что не только мы, русские, отдаем ему должное,

но и представители других народов почему-то это делают. А уж нам и сам Бог велел! Мировое признание выражается не только в том, что ему присуждают премии (не будем перечислять всех), напомним только о премии Темпльтона, присужденной ему в прошлом году как „зачинателю религиозного возрождения среди атеистических народов“. Вот уж поистине „гигантская амплитуда“, только не русского маятника, а – мирового. И чего это гордым британцам приспичило „создавать искусственно“ замечательную личность? Неужели их разложило слушание нашей „Волги, Волги...“, но так ли уж эта песня у них популярна?

Воздерживаясь от критики литературного творчества писателя, В.Х., однако, пускает шпильку о „злоупотреблении малопринятыми словами“, которых, якобы, избегал „сам Даль“. Если бы В.Х. удосужился заглянуть в „Толковый словарь“ Даля, он увидел бы, что большинство „молоупотребительных“ слов взято именно оттуда. И почему это писатель должен употреблять только затасканные, ходячие слова? В интервью, данному еще в Рязани словацкому журналисту П.Личко, Солженицын говорил об оскудении языка в наше время, об утрате многих хороших старинных слов и о своих усилиях, извлечь некоторые из этих забытых слов из „запасников“ языка. Это он и сделал, блестяще спаяв редкие, зачастую просторечные, выражения с современным лагерным (или вообще советским) жаргоном.

Конечно, это очень благородно со стороны В.Х., что он не собирается затрагивать „личную жизнь юбиляра“ или его „характер“ (интересно, что он такое знает о „личной жизни“ и чем ему не угодил „характер“?), но уже следующая фраза о мнении, которое о нем имели его соизники настораживает. Эти „обвинения“, состряпанные там одно время выдвигала советская власть, чтобы подорвать авторитет Солженицына и на родине, и за границей. Но можно ли этим „вымученным“ свидетельствам придавать веру? Там могут и не то выдумать, тут у КГБ есть истинные умельцы, набившие руку за долгие годы прак-

тики. Всю эту клевету и измышления Солженицын давно опроверг.* Это типичный трюк советской пропаганды и, если В.Х. больше пятнадцати лет, – ему следовало бы об этом знать и постыдиться об этом заикаться.

Оспаривая (на сей раз вполне логично), утверждение одного „профессора“ (Н.Ульянова), что литературные творения Солженицына дело рук „органов“, В.Х. даже характеризует Солженицына как личность „сильную, смелую, талантливую и необыкновенно работоспособную“. Со всем этим многие из нас, конечно, согласятся. Хуже то, что В.Х. тут же добавляет очередную ложку дегтя: „личность не очень симпатичная“. Но для кого? Для КГБистов, для советских заправил, для продажных душенок на Западе, для врагов России? Без сомнения. Вообще же это вопрос субъективный. Возможно, что автору письма больше по душе А.Чаковский или С.Михалков. Вот уж где амплитуда будет минимальная: все здравомыслящие люди согласятся, что это бездарь, да притом еще и вредная. Но о вкусах не спорят...

Затем В.Х. старается уязвить Солженицына с другой стороны. Речь заводится о „разносторонней гениальности“. Автор называет три имени: Леонардо, Достоевского и Шиллера как пример такой одаренности. Тут он, правда, ухитряется лягнуть Достоевского, называя нашего великого писателя „плохим математиком“. А ведь Достоевский кончил Инженерный корпус, где математику проходили основательно. Что В.Х. имеет в виду – это проигрыши в рулетку. Да, из песни слов не выкинешь, было и это. Но ведь никто же не утверждает, что в личной жизни Достоевский был святым. С другой стороны, свой личный опыт увлечения азартными играми Достоевский гениально воплотил в романе „Игрок“ так что мы, как будто, и не в накладе. Что особенно угнетает В.Х. – это то обстоятельство, что Солженицына считают не только большим математиком, писателем, публицис-

*См. А.Солженицын, „Сквозь чад“, ИМКА-Пресс, Париж, 1979 г. (отрывок из шестого дополнения к «Бодался теленок с дубом»).

том, политиком, историком, но пророком, даже мессией. Странно, но только выписав все эти качества, я по-настоящему оценила разносторонность явления Солженицына. По существу же тут следует возразить: пророк – да, мессия – нет. Никто из здравомыслящих людей не пытается рядить писателя в тогу мессии (даже, если и с маленькой буквы), да и он сам совсем не претендует на это звание.

О пророке стоит поговорить подробнее. Не удивительно, что многие и в эмиграции и на родине считают Солженицына пророком. Гораздо удивительнее, что так его расценивают и некоторые иностранцы. Вот наудачу заметка под заглавием „Propet with Honor“ („Пророк с честью“) в журнале «National Review», 12 октября 1973 г. Другая статья в том же журнале прямо озаглавлена „The Prophetic Calling of Solzhenitsyn“ („Пророческое призвание Солженицына“), Gerhard Niemeyer, «National Review», 15 марта 1974 г. А небезызвестный журналист (кстати, либерального толка), Harrison E. Salisbury, приводит слова одного „измученного эмигранта“ о Солженицыне: „Это наш большой русский святой“ (журнал «Atlantik», апрель 1970 г.).

Говоря о талантливости Солженицына как писателя, В.Х. упоминает в основном „отдельные рассказы и один день.“ Дальше он как попугай повторяет старые утверждения советских партийных критиков, что Солженицын писатель одной темы – лагерной. Но ведь и „отдельные рассказы“ совсем не о лагерях: „Матренин двор“, „Случай на станции Кречетовка“, „Захар-Калита“, „Для пользы дела“, в них эта тема или вообще не затронута, или затронута очень мимоходом. А „Раковый корпус“? Разве это роман о лагерях? В.Х. также очень презрительно отзывается о „поэтических и драматургических“ дарованиях писателя. Прав ли он? Мы знаем четыре пьесы Солженицына, из них „Свеча на ветру“ очень примечательное и совершенно недооцененное произведение; другая пьеса, „Олень и шалашовка“, с успехом шла в известном театре в Миннеаполисе.

А поэтическое дарование? Вот, например отрывок из Прусских ночей:

„Строем зачем-то шагают виновно
Русские. Пленные. Безостановочно.
Спины промочены едкими метками
Это клеймо не затравишь ничем.
Лиху дорожку под сниклыми ветками
Топчут, задумавшись сами: зачем?
К пиру не прошены, к празднику не званы,
В мире одни никому не нужны,
Будто склоняясь под топорное лезвие,
Двигутся к далям жестокой страны.“

Или: „Распахнулся черный веер,
Черный веер Сарасатэ!
В краткий счет секунд и терций
Он нам зноем жизни веет:
Ну, какое сердце
Устоять сумеет?“

Кстати, Солженицын писал стихи в лагере: стихи легче запомнить.

Но самое большое недовольство В.Х. вызывает Солженицын-историк. Впрочем, он делает исключение для ГУЛАГа, который он считает „произведением нужным и ценным“. Но и тут не обошлось без критики и подозрений: как это Солженицыну удалось опросить около 200 свидетелей без того, чтобы об этом знали „органы“? Но, во-первых, все участники были стреляные воробьи и принимали соответственные меры предосторожности, а, во-вторых, возможно, что „органы“ что-то и знали. Возможно, это и привело к катастрофе с неуничтоженным экземпляром рукописи.

И напрасно В.Х. утверждает, что ГУЛАГ более полезен для русского читателя. Многим иностранцам именно тома ГУЛАГа открыли глаза на сущность советской власти и маркизма вообще. Укажу в этой связи на группу так называемых „новых философов“ во Франции. Под влиянием Солженицына (и именно ГУЛАГа) они отошли от чисто

марксистских позиций и стали проявлять интерес к индивидуальной личности, к её правам и нуждам. В.Х. также упрекает Солженицына в „нагромождении ужасов“ в этом произведении: это упрек не по адресу – ужасы нагроможила власть, а он их только описал.

В дальнейшем В.Х. совершенно умышленно искажает факты: в частности, он утверждает, что Солженицын оказался за границей „также и по своему желанию“. Если бы это было так, Солженицыну ничего не стоило бы выехать в Стокгольм для получения Нобелевской премии. Он этого не сделал как раз потому, что опасался, что его могут не пустить обратно.

Что касается «Августа 1914», то В.Х. опять недоволен нагромождением, но на этот раз не ужасов, а фактов. Как быть? Тут виновна история, это она нагромодила самые невероятные факты. На всех не угодишь! Есть ведь люди, которые критикуют «Войну и мир». но, кажется, до сих пор Толстого не обвиняли в том, что он „и автор, он же историк“. И не задавали вопроса: „история ли это, исторический роман ли..?“

В.Х. предпочитает „этюд о Государе“ в романе «Распни Его». Опять-таки, о вкусах не спорят. Книга С.Позднышева – благонамеренное произведение, но литературная ценность её не велика. К тому же здесь уж во всяком случае уместен вопрос: что это, история или исторический роман? Кроме того, отклик на книгу ограничился чисто-русской средой.

Самый тон письма – с потугами на остроумие, с мелкими придирками и передергиваниями – скорее указывает на болезнь самого автора, и притом на нехорошую болезнь. Светлое имя великого писателя, историка и пророка от этого не пострадает: он на таком пьедестале, что грязные брызги не достигнут до него. В остальном – подобные измышления на руку только одному учреждению – тем самым „органам“, о культуре которых В.Х. невысокого мнения. Ну, ему и книги в руки в этом отношении. Солженицын же блистательно доказал, что и один в поле воин, если он вооружен крестом и правдой.

ДЕЛА РЕДАКЦИОННЫЕ

С целью установления личных контактов с подписчиками и читателями «Вече», налаживания связей с представителями русской общественности, получения отзывов на публикуемые в нашем альманахе материалы, мы совершили с 12 апреля по 2 мая с.г. поездку в Соединенные Штаты Америки. Мы посетили Нью-Йорк, Вашингтон, Сан Франциско, Бостон, Анн Арбор, Албани, Джорданвилль, Си-Клиф и Наяк. Праздник Светлого Воскресения Христова провели в Свято-Троицком монастыре в Джорданвиле.

Оказанный нам теплый, сердечный прием участниками собраний русской общественности, понимание и доброжелательность, а также положительные отзывы о «Вече», которые высказывались как в дискуссиях после наших выступлений, так и в многочисленных частных беседах – лучшее свидетельство того, что издаваемый и редактируемый нами альманах «Вече» за три года своего существования приобрел в США многих друзей. Подтверждением тому является и большое количество новых подписчиков, оформивших подписку на «Вече» во время нашего пребывания в США, а также жертвенность русских людей, контакты с которыми были налажены в ходе нашей поездки. Участники собраний, встреч и беседований пожертвовали на нужды издания «Вече» 7.513 долларов. Всем жертвователям выражаем искреннюю благодарность!

Мы признательны и благодарны Епископу Григорию, Вашингтонскому и Флоридскому, секретарю Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви; Архиепископу Антоною, Западно-Американскому и Сан-Францисскому; Архиепископу Лавру, Сиракузскому и Троицкому за оказанное нам внимание, высокие отзывы о «Вече» и обещание духовной поддержки нашей деятельности. За прием

и собеседование также благодарим митрофорного протоиерея о. Александра Киселева, Председателя Комитета по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси при Архиерейском Синоде, основателя независимого православного национального журнала «Русское Возрождение».

За подготовку и проведение встреч с прихожанами, за личное доброжелательство и сердечный прием глубоко благодарим протоиерея о. Романа Лукьянова (настоятель Божоявленского храма в г. Бостоне), протоиерея о. Виктора Потапова (настоятель Свято-Иоанна-Предтечского собора в г. Вашингтоне), протоиерея о. Георгия Ларина (настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в г. Наяк), протоиерея о. Митрофана Зноско-Боровского (настоятель церкви Серафима Саровского чудотворца в г. Си-Клиф).

Выражаем глубокую благодарность за всестороннюю помощь и поддержку при организации наших выступлений, встреч и поездок, за личное гостеприимство члену Правления о-ва «Отрада» Н. М. Заруцкому, Председателю к-та по защите Прав Человека Конгресса Русских Американцев Вере П. Политис. О. П. Шидловскому, проф. А. Даннике, проф. М. Сандич, председателю Ассоциации русско-американских ученых в США проф. Надежде А. Жернаковой, В. А. Коссовскому, Ирине В. Кулеша, А. Д. Кулеша, Алле К. Левикиной, И. В. Левикину, Татьяне А. Родзянко, О. М. Родзянко, председателю «Русского Дома» в Нью-Йорке С. А. Залотти, Л. Герасимовой, В. Герасимову, П. Н. Будзиловичу, редактору газеты «Русская Жизнь» А. А. Соллогу, Г. В. Куманскому. директору музея «Русского Центра» в Сан Франциско Н. А. Слободчикову, директору русского национального издательства «Глобус» В. Н. Азару и многим, многим русским людям, имен и фамилий которых мы не имеем возможности перечислить.

Особую дружескую благодарность выражаем мы генеральному представителю альманаха «Вече» в США и Канаде А. Г. Рытикову, для которого дни нашего пребы-

вания в Соединенных Штатах превратились в дни напряженнейшего труда – то за рулем автомобиля, то в беготне, связанной с устройством и проведением собраний и встреч, то в бесконечных телефонных переговорах, порой, далеко за полночь. Не меньшую благодарность выражаем мы и его супруге Валерии, не имевшей в течении трех недель ни минуты покоя.

Поездка по США, потребовавшая и от нас мобилизации резервов физических сил, укрепила нашу уверенность в созвучности идейной направленности редактируемого нами альманаха «Вече» с чувствами, настроениями и политическими взглядами большинства православных русских людей, живущих в Америке. И это для нас главное, ибо есть основания полагать, что и по-ныне чувства и взгляды людей в рассеянии сущих, оставшихся в душе русскими, совпадают с чувствами и взглядами массы русского народа, живущего на родине.

Едва из дальних странствий возвратясь, замысливаем мы новые поездки. Дошли до нас „жалобы“ подписчиков «Вече» из Канады, с берегов Больших озер, с американского Дальнего Запада на то, что не дотянулся наш путь до них. При благоприятном стечении обстоятельств обещаем быть снова в Америке осенью этого года с несколькими остановками в Канаде. Нужно съездить также и в Австралию, да и Латинскую Америку забывать не следует. Поэтому обращаемся к подписчикам и друзьям «Вече» в заокеанских странах – подумайте, поговорите с настоятелями ваших приходо́в, с друзьями и знакомыми о том, есть ли возможность для устройства встреч подписчиков с редакторами «Вече» в вашем городе, в вашем районе, в вашей провинции или штате. Будем признательны за конкретные сообщения на этот счет и за практическое участие в деле организации личных встреч тех, кто читает или хочет читать «Вече» с нами – его делателями.

Е.Вагин
О.Красовский

ОБРАЩЕНИЕ
К УЧАСТНИКАМ VI НАЦИОНАЛЬНОГО СЪЕЗДА
КОНГРЕССА РУССКИХ АМЕРИКАНЦЕВ

(25-28 мая 1984 г., г. Ст. Петербург, Флорида)

Редакторы независимого русского альманаха «Вече» приветствуют сердечно участников Шестого всеамериканского съезда Конгресса Русских Американцев

Три года прошло со времени Вашего предыдущего съезда и три года существует альманах «Вече», который – как мы убедились во время нашего недавнего посещения США – хорошо знаком многим американцам русского происхождения.

Мы всецело разделяем цели Вашей организации, провозглашенные в Уставе:

– помогать развитию русского духовного и культурного наследия, основанного на традициях ХРИСТИАНСТВА и терпимости, и поощрять его...

– бороться с русофобией;

– помочь Соединенным Штатам избежать судьбы народов, попавших во власть коммунизма.

Независимый альманах «Вече» поставил перед собой сходные цели в масштабе всех стран российского рассеяния и нам известны трудности, лежащие на пути к их достижению.

В результате усилий определенных, зачастую близких к администрации США, кругов, а также в силу отсутствия у некоторых американских общественных и политических деятелей фундаментального знания неискоренимых исторических фактов, русофобия и вытекающее из нее смешение понятий „русский“ и „советский“ в пос-

ледние годы стала играть в американской государственной политике, чреватую трагическими последствиями роль.

Русофобия во внутривнутриполитическом плане ведет к дискриминации американских граждан русского происхождения. Как элемент внешней политики США, русофобия приводит к превращению потенциального союзника Америки в борьбе с коммунистической агрессией – русский народ – в антиамериканскую и антизападную силу огромной разрушительной мощности.

Борясь с русофобией, защищая американцев русского происхождения от дискриминации, Конгресс Русских Американцев выступает не только в интересах русских американцев, но вносит огромный вклад в дело укрепления духовных и моральных ценностей, прав и гражданских свобод, гарантируемых конституцией Соединенных Штатов Америки. Переоценить значение этого вклада невозможно, ибо ведущая роль, которую США играют в западном мире, определяется не столько их экономическим и военным могуществом, сколько теми моральными и политическими идеалами, поборниками и защитниками которых они выступают на международной арене.

Требую от общественных и политических деятелей США, от правительственных инстанций этой страны, осуществления такой внешней политики, в которой не должно быть места для русофобии, Конгресс Русских Американцев действует в интересах Соединенных Штатов, а в конечном счете, в интересах всего западного мира, ибо США являются единственным и последним гарантом еще свободной части человечества от тотального коммунистического порабощения.

Коммунистические властители СССР в своих агрессивных планах делали и по-ныне делают главную ставку на русский народ и только мудрой дальновидной политикой, рассчитанной на союз с русским народом в борьбе с коммунизмом, эта ставка может быть бита. Утверждение наше – не плод беспочвенной фантазии, а основывается на трезвой оценке существующей ныне в СССР реаль-

ности. Тот, кто видит эту реальность, знает доподлинно, что элемент русофобии во внешней политике США – это цемент, сковывающий в страшный монолит коммунизм и русский народ, это средство, превращающее русский народ в мощное убийственное оружие коммунизма. И наоборот, – политика, способная привлечь симпатии русского народа к США, а в такой политике не может быть и тени русофобии, создаст предпосылки для развития в СССР процессов, могущих изменить ход мировой истории и спасти человечество от надвинувшейся на него вплотную ядерной катастрофы.

Мы верим, что высказанные нами мысли созвучны взглядам членов Вашей организации и отвечают тем задачам, для решения которых собран Шестой съезд Конгресса Русских Американцев. Желая полного успеха Вашему съезду, мы выражаем надежду, что усилия Конгресса Русских Американцев как во внутриполитическом, так и во внешнеполитическом плане, увенчаются успехом. Бог в помощь, в Вашей ценной и необходимой деятельности!

С дружеским приветом!
Редакторы альманаха «Вече»
Е.Вагин
О.Красовский

Досадная опечатка

По недосмотру корректора в «Вече» № 13 вкралась, наряду с другими, очень досадная опечатка. В заглавии статьи Л.Келер на стр. 65 вместо ФЕДОРОВ написано ФЕДОТОВ. Та же опечатка на стр. 3. Просим у автора статьи Людмилы Келер и у читателей извинения.

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера

15 нм

подписка на 4 номера

50 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера

9 ам. долл.

подписка на 4 номера

30 ам. долл.

Пересылка простой почтой в Европе и воздушной почтой за океан включена в стоимость подписки

Цена отдельного экз. „Вече“ №№ 1, 2 и 3 в Европе — 24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Цена сдвоенного № 7—8 „Вече“ — в Европе 24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Желаю оформить подписку
на 4 номера альманаха „Вече“, начиная с №.....

Фамилия, имя

Адрес

.....

.....

Оплату произвожу
приложенным чеком

почтовым переводом

Заполненный талон, чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройком значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...*”

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**

СООБЩЕНИЕ

Российского Национального Объединения
в ФРГ

9-го мая 1985 года исполняется сорокалетие со дня капитуляции гитлеровской Германии. Специальным постановлением ЦК КПСС дан наказ органам советской пропаганды, средствам массовой информации и всем советским творческим союзам, организациям и объединениям отметить 40-летие Победы. Это значит, что в угоду коммунистическим властителям будут созданы сотни литературных произведений, кино- и телевизионных фильмов, будут опубликованы на страницах советских газет и журналов бесчисленные материалы, статьи и воспоминания, главной целью которых явится фальсификация военного прошлого, искажение одной из величайших трагедий пережитых народами России.

Российское Национальное Объединение в ФРГ считает, что оставшимся еще в русской эмиграции творческим силам следует выступить к сорокалетию окончания войны, стоившей народам России 20 миллионов жизней, со словом правды. Для поощрения этих сил РНО в ФРГ объявляет Конкурс на лучший рассказ, очерк, статью, воспоминание, в которых должны быть правдиво и честно отражены события Второй мировой войны.

В посылаемых на Конкурс материалах должны найти отражение фронтовые события с первого до последнего дня войны, бедствия нашего народа в тылу, трагедия миллионов солдат и офицеров, оказавшихся в плену. В конкурсных материалах мы ждем новых подтверждений тому, что миллионы русских людей боролись, погибали и побеждали на фронтах войны не во имя коммунисти-

ческой идеи, а во имя России. В этих материалах должна быть отражена и попытка становления третьей силы – антисталинской и антигитлеровской – выразившаяся в возникновении Власовского Движения.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

Материалы на Конкурс (рассказы, очерки, воспоминания, статьи) принимаются до 1 марта 1985 года.

За лучшие материалы, поступившие на Конкурс, устанавливаются следующие премии:

Одна первая премия — 1000 ам. долларов;

Две вторых премии — по 500 ам. долларов каждая;

Три третьих премии — по 300 ам. долларов каждая.

Размер посылаемых на Конкурс материалов не должен превышать 50 машинописных страниц с двумя пропусками между строчек. Рукописи должны быть написаны на машинке, в исключительных случаях четким, легко читаемым почерком.

Посылаемые на Конкурс рукописи должны иметь пометку: „На Конкурс РНО“, а также помечены выбранным автором девизом. В пакет с рукописью необходимо вложить закрытый конверт с запиской, раскрывающей девиз автора и содержащей его точный почтовый адрес.

О составе жюри будет объявлено особо. Сообщение о результатах Конкурса будет дано в мае 1985 г.

Все отмеченные премиями материалы Конкурса будут опубликованы в альманахе «Вече». В «Вече» и в других русских зарубежных органах печати будут опубликованы также материалы не получившие премии на Конкурсе, но достойные публикации.

Материалы на Конкурс посылать по адресу:

Russischer Nationaler Verein e.V.
Herrn O. Krassowski
Theresienstrasse 118-120
D-8000 München 2